

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. В. КУЙБЫШЕВА

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск — 1965

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

СБОРНИК АСПИРАНТСКИХ СТАТЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск -- 1965

Редактор — доцент Ф. З. Канунова

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Проф. А. И. Данилов (председатель, ректор университета), проф. В. А. Пегель (зам. председателя), доц. Ю. В. Чистяков (зам. председателя), проф. Г. Д. Суворов (ученый секретарь), директор издательства М. С. Змазнев, проф. Б. Г. Иоганзен, проф. В. Н. Кессених, проф. П. П. Куфарев, проф. И. М. Разгон, проф. К. В. Сазицкий, проф. И. В. Тронов, проф. В. А. Хахлов, проф. К. П. Ярошевский, проф. А. Г. Аняньев, доц. З. Я. Бояршинова, доц. М. А. Кривов, доц. А. А. Любавин, доц. Г. И. Назаров, проф. Н. В. Прикладов, проф. В. В. Серебrenников, директор Научной библиотеки М. Р. Филимонов, доц. В. С. Флеров, секретарь парткома Д. В. Коломин.

В. Д. МОРОЗОВ

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РОМАНТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ А. И. ГЕРЦЕНА В 30-е ГОДЫ

Формирование мировоззрения Герцена началось в мрачное десятилетие после разгрома восстания декабристов, когда настроения разочарования и скептицизма, попытки бежать от грубой действительности в туманную мечту и религиозная экзальтация с особой силой распространились среди молодого поколения, когда дворянская молодежь, отвернувшись от материалистических учений XVIII века, от практического действия ушла в сферу отвлеченной мысли. Мировоззрение лучшей части дворян, а также ранних представителей разночинной интеллигенции приобретает в эту эпоху романтико-идеалистическое содержание. Так же как и все поколение деятелей освободительного движения 30-х годов, Герцен в поисках правильной революционной теории проходит через этап романтического идеализма, и без учета этого факта плодотворное изучение особенностей мировоззрения писателя, его эстетики и художественного творчества в их развитии от романтизма к реализму не представляется возможным. Тем не менее следует отметить, что если в ряде работ всесторонне освещен ранний период деятельности Белинского, то с Герценом в этом плане дело обстоит значительно хуже. Дореволюционные исследователи неправомерно фетишизировали романтико-идеалистические искания писателя, искажая перспективы его эволюции. Советские герценоведы, напротив, несколько сузили значение этих исканий, ограничившись в основном рассмотрением художественных произведений Герцена данного периода. Смысл же философских, эстетических и этических проблем, волновавших Герцена, в их типичных для всего поколения и специфических только для него чертах раскрыт еще далеко не достаточно.

В условиях последекабрьской реакции поколение борцов, «разбуженное громом пушек на Сенатской площади», было поставлено перед необходимостью пересмотра декабристской тактики и выработки новой идеологии. Осознание уроков прошлого и поиски иного решения животрепещущих вопросов жизни придавали эпохе переходный характер. 30-е годы отличаются наличием самых противоречивых мнений, незрелостью исканий и определенными «зигзагами» в поступательном развитии общественной мысли. Мучительность поисков правильной революционной теории была обусловлена прежде всего «молчанием народа», затруднявшим формирование системы демократических взглядов, а также засилием идеалистической философии. Последним словом мировой философской мысли была немецкая классическая философия,

и передовые мыслители эпохи, обратившись к выработке нового мировоззрения, требующего философского обоснования, не могли пройти мимо ее опыта. Если в эпоху декабризма в основе мировоззрения большинства дворянских революционеров лежал материализм и увлечение идеализмом встречало отпор с их стороны, то в условиях последекабрьской реакции новое поколение деятелей в силу объективных общественно-исторических условий должно было испытать иску идеалистической философии. При этом надо учитывать, что в момент, когда некоторой частью общества овладели настроения пессимизма, порой доходящего до отчаяния, неверия в возможность реальных путей обновления жизни, одиночества и разочарования, идеалистическое мировоззрение многих русских людей приобретало философско-мистический оттенок. В объятиях мистицизма и религии оказались старый шеллингианец В. Ф. Одоевский, П. Я. Чаадаев, В. С. Печерин, которые верили, что на земле воцарится царство справедливости и что это произойдет через религиозное воспитание людей.

Друзья Белинского и Герцена избрали для себя другой путь, но общая идеалистическая основа мировоззрения приводила к тому, что многие из них, используя выражение Огарева, «окунулись в мистические волны». И это было вызвано не только тем, что идеализм всегда шел по одной дороге с религией, но и тем, что жестоко уязвленные раздражающими противоречиями жизни люди искали выхода, хоть какого-нибудь примирения, о чем хорошо писал Герцен в дневнике.

В мировоззрении выдающихся деятелей эпохи по-разному соотносились политические и философские интересы, идеализм иногда противоречиво сочетался с материализмом, но никто из них, говоря словами С. М. Кирова, не избежал «темных лабиринтов голой абстракции». При этом в отличие от западноевропейского идеализма, который вырос на почве отрицания революции, русский идеализм 30-х годов, как это хорошо показано в статье Л. Гинзбург «Белинский в борьбе с романтическим идеализмом», «не был реакцией на революцию (отрицанием революции); он, напротив того, был ответом на гнет подавившего дворянскую революцию разнуздавшегося самовластия»¹⁾.

Передовая дворянская интеллигенция, не зная путей борьбы с самодержавием, отошла от активного политического действия, но это не означало, что она встала на путь поддержки самодержавия. Идеалисты 30-х годов протестуют, хотя их протест и является пассивным. Этот протест заключается прежде всего в стремлении противопоставить себя не только основной массе дворянского общества, поддерживающей правительство, но и самому этому правительству. Глубокое чувство отчуждения от официальной России, трагическое осознание дисгармоничности, антигуманности жизни приводили к разрыву между идеалом и действительностью, порождали порывания в область идеальных видений и субъективных настроений и тем самым создавали почву для развития романтизма.

Для молодого поколения эпохи мир романтизма, который Белинский определяет как «мир внутреннего человека, мир души и сердца. мир ощущений и верований, мир порываний к бесконечному, мир таинственных видений и созерцаний, мир небесных идеалов»²⁾, был особенно близок, так как общественно-политическая обстановка ставила чело-

¹⁾ Литературное наследство, т. 55, стр. 185.

²⁾ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, Изд. АН СССР, т. 5, стр. 548.

века в такое положение, в котором, по словам Герцена, «надобно в себе одном искать все» (т. 21, 40)³⁾.

Отталкиваясь от пошлой жизни окружающего общества, идеалисты 30-х годов создавали свой особенный мир, мир мечты и фантазии, противопоставленный реальному, «низкому» миру, они стремились, по мысли Белинского, «создать для себя действительность вне действительности». А если учесть, что погружение в сферу фантазии сопровождалось и усиливалось идеалистической философией, то станет понятным, почему в «таинственной лаборатории груди» рефлектирующей дворянской интеллигенции эпохи неумолкаемо раздавались вопросы «о мире и вечности, о смерти и бессмертии, о судьбе личного человека, о тайнствах любви, блаженства и страдания»⁴⁾.

И решались эти вопросы в плане романтико-идеалистического основания идеала человеческой личности. Уважение к человеческой индивидуальности, которое завещали гуманисты, а позднее проповедовал Руссо, под влиянием философии Фихте и Шеллинга видоизменяется в воззрениях романтиков в подлинный культ личности. Поколение 30-х годов верило в великое призвание человека, который силой своего гениального Я разрушит отживающий строй жизни и установит на земле царство справедливости. На этой основе возникает своеобразный культ славы, которая добывается не на поприще государственной службы, а в результате политической, научной или поэтической деятельности. Романтическое преувеличение роли отдельной личности было в ту эпоху вполне закономерно, так как, осознавая необходимость освобождения человечества, романтики, ввиду отсутствия революционного класса, неправильно понимали пути и средства достижения этой цели. Проблема совершенной личности, потребность найти и воплотить в себе высший смысл бытия, мечты не о частных улучшениях, а о восстановлении в человеке его высшей гармонической природы вообще особенно волнуют членов кружка Станкевича. П. В. Анненков пишет о Станкевиче: «Это был живой идеал правды и чести, который в раннюю пору жизни страстно и неутомимо ищется молодостию, живо чувствующею свое призвание»⁵⁾. Идеал поколения, наиболее типичными представителями которого были не только такие, теперь уже мало известные неспециалистам люди, как Галахов, Боткин, Сатиц, Кетчер, но и Огарев, Белинский, Бакунин; включал в себя добросовестное служение науке, целый ряд морально-этических требований, продиктованных глубоким пониманием общественного значения высокого благородства и чистоты действия и поощрений.

Особое значение приобретало в последекабрьский период добросовестное служение науке. «Безмолвная мысль», которую не могло задуть правительство, страстно бьется над разрешением загадок человеческого бытия. На основе величайших достижений предшествующей науки поколение Белинского и Станкевича хотело прозреть будущее, найти пути спасения человечества, но неизбежно проходило при этом через романтические утопии. Пафос познания, сопутствующий одной из самых реакционных эпох истории, ярко запечатлелся в облике Белинского, статью о котором С. М. Киров назвал «Великий искатель».

³⁾ В скобках указываются том и страница собрания сочинений А. И. Герцена в тридцати томах, Изд. АН СССР.

⁴⁾ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, Изд. АН СССР, т. 5, стр. 548.

⁵⁾ Н. В. Станкевич. Переписка его и биография, написанная П. В. Анненковым, М., 1857, стр. 8.

Вера в новую жизнь, в идею свободного мира, населенного совершенными людьми, в скорое исцеление человечества нуждалась в твердом основании, и таким основанием казалось в 30-е годы распространение просвещения и знания, сила морального примера, мощь ума. Это естественно приводило к переоценке субъективного фактора в истории. Ища разрешения противоречий жизни в своих умах, идеалисты считали, что гармония в человеческих отношениях должна наступить не в ходе объективно-исторического развития, а как результат открытия истины. С этой целью усиленно изучались новые философские системы западноевропейских мыслителей и создавались свои соотнесенные.

Огромное значение в философских построениях романтиков приобрела любовь, в которой видели одно из средств спасения человечества. Такова, например, система Станкевича, в основе которой лежит мысль о том, что дух любви, храня искры обновления в каждом человеке, свяжет в конце концов всех людей в совершенном обществе. Проблема любви занимала огромное место и в личной жизни поколения эпохи, отличавшегося непоколебимым стремлением поднять это интимное чувство до всеобщего, универсального значения, наполнить его высокой идеей. Любовь как выражение «абсолютной жизни духа» почти теряла свои земные черты, превращалась в душевное устремление к истине, гармонии и высокому человеческому служению. Интимные отношения были одной из возможных, доступных сфер проявления внутренних сил, богатства души. Белинский, сам прошедший через идеальную любовь, прекрасно понимал причины, вызвавшие к жизни «культ любви». В письме 1841 года к Боткину он пишет: «Непосредственно поняли мы, что в жизни для нас нет жизни, а так как по своим натурам без жизни мы не могли жить, то и ударили со всех ног в книгу и по книге стали жить и любить, из жизни и любви сделали для себя занятие, работу, труд и заботу»⁶).

Эти же причины обусловили и особое значение дружбы в жизни идеалистов 30-х годов, те восторженные дифирамбы, которые они пели ей в своих письмах. Естественно, что в романтической дружбе, так же как и в романтической любви, были свои «издержки», связанные с тем, что в них вкладывалось непомерно большое идеальное содержание, приводящее к тому, что от живой личности слишком много отторгалось в пользу отвлеченной мысли. Но все излюбленные категории романтиков, имеющие специфическую философскую основу, наполнялись таким содержанием, которое удовлетворяло их жажду высшего духовного совершенства.

Романтико-идеалистическое мировоззрение не могло не придать особого оттенка отношению поколения 30-х годов к литературе, которая, как одна из возможных областей проявления духовных сил, приобретала для него исключительно большое значение. Под влиянием Фихте и Шеллинга русские романтики смотрели на поэта или художника как на проводника вечной красоты, как на живое связующее звено между землей и небом. Искусство, способное отразить связь между природой и духом, конечным и бесконечным, реальным и идеальным, превращалось в подобие божества, в тот мир, в котором человек «должен жить, если не хочет стать на ряду с животными»⁷). «Лишь два пути, — писал Шеллинг, — выводят нас из царства обыденности: эта поэзия, переносящая нас в мир идеального, и философия, ведущая к тому, что дей-

⁶) В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, Изд. АН СССР, т. 12, стр. 67.

⁷) Н. В. Станкевич. Переписка его и биография, написанная П. В. Анненковым, М., 1857, стр. 16.

ствительный мир вовсе перед нами меркнет»⁸). «Беспокровная», идеальная красота может быть создана только в том случае, если поэт творит по вдохновению, по инстинкту, если его творчество свободно от каких бы то ни было внешних целей. «Основной особенностью, свойственной произведению искусства», Шеллинг считал «бесконечность бессознательности», он утверждал, что только независимостью «от внешних целей объясняются святость и чистота искусства»⁹). Этот взгляд разделяло большинство русских романтиков.

Объективные общественно-исторические условия, порождавшие романтический идеализм как тип мировоззрения, явились основой для романтического творчества. Тип романтического героя, отражающий, в различных вариациях, настроения, царящие в обществе, оказывал обратное воздействие на общественное сознание, культивировал романтические чувства и переживания. На небывалую высоту поднимаются русскими читателями не только Жуковский, Полево и Марлинский, но даже Бенедиктов. «Московский телеграф», пропагандируя романтическую литературу, регулярно знакомил читающую публику с произведениями Ж. Поля, Тика, В. Скотта. При этом как характерную черту тогдашнего восприятия романтических произведений деятелями последнедекабрьской эпохи следует отметить недифференцированный подход к писателям с различной романтической ориентацией. В период подъема освободительного движения творчество Жуковского, например, встречало отпор со стороны декабристов, которые видели противоположность между требованиями революционного преобразования государственного строя, одушевлявшими литературу революционного романтизма, и религиозно-философским содержанием лирики Жуковского, в сущности притупляющей социальную активность общества. Новое поколение «реабилитировало» поэта, и дело здесь не только в том, что Белинский прекрасно показал его значение как предшественника Пушкина, но и в том, что многие стороны поэзии Жуковского, так же как прозаических произведений Гофмана, Тика, Ж. Поля, находили гармоническое соответствие с общим идеалистическим настроением. Что же касается писателей реалистического направления, то они, как правило, получали довольно суровую оценку (исключение составляет Белинский) или рассматривались как романтические.

В мировоззрении Герцена 30-х годов нашли яркое отражение многие типичные черты, присущие романтическому идеализму. Но, выделяя и подчеркивая то общее, что сближало Герцена с современниками, нельзя не учитывать и его своеобразия, проявившегося с особой силой в начале 30-х годов, до ссылки, когда «общие вопросы, гражданская экзальтация» занимали главное место в жизни будущего писателя, очень рано придавшего своим исканиям отчетливо выраженную политическую окраску. Пробуждению политических интересов Герцена способствовали книги западноевропейских писателей: Руссо, Шиллера, Вольтера, вольнолюбивая поэзия Пушкина и Рылеева, оставившая в его сознании неизгладимый след. От поэзии Шиллера и Рылеева шел прямой путь к современной русской действительности и к тем, кто восстал против нее, и не случайно в мечтах, навеянных драмами, Герцен видел себя одним из шиллеровских героев, но действующим в тогдашней русской обстановке. Чтение Шиллера наталкивало на определенные политические сближения и аналогии. И впоследствии в «Былом и думах» писатель, отмечая этот факт, образно сказал: «От Вильгельма Телля,

⁸) Ф. Шеллинг. Система трансцендентального идеализма, ОГИЗ, 1936, стр. 26.

⁹) Литературная теория немецкого романтизма. Л., 1934, стр. 279, 282.

поджидавшего на узкой дорожке в Кюснахте Фогта, переход к 14 декабря и Николаю был легок» (т. 8, 79).

Политические устремления Герцена еще более окрепли в кружке, члены которого «мечтали о том, как начать в России новый союз по образцу декабристов, и самую науку считали средством» (т. 9, 39). В этом отношении кружок Герцена был ближе к демократическим студенческим кружкам, нежели к кружку Станкевича, в котором на первое место выдвигались чисто теоретические вопросы, разрабатывалась в основном философская проблематика. В то время, как часть молодежи «бросилась на глубокое и серьезное изучение русской истории», а часть — «в изучение немецкой философии», в кружке Герцена «искали чего-то другого, чего не могли найти ни в несторовской летописи, ни в трансцендентальном идеализме Шеллинга» (т. 8, 161). Но несмотря на то, что политические интересы занимали в исканиях Герцена такое большое место, он, как и все поколение 30-х годов, не мог обойти вопроса о философской основе своего мировоззрения, конечно, не придавая философии такого же самодовлеющего значения, как это было в кружке Станкевича. В поисках философского обоснования мировоззрения Герцен, как и Белинский, вынужден был обратиться к немецкой идеалистической философии, которую он усиленно изучает еще находясь в университете. При этом поражает то обстоятельство, что уже в первой своей работе «О месте человека в природе» (1822 г.) он делает попытку критически осмыслить немецкий идеализм, подталкивающий «всю природу... под блестящую гипотезу», и особенно Фихте, который «за своим я не разглядел природы» (т. 1, 24). В письме к Огареву 1 августа 1833 года Герцен говорит о необходимости «модифицировать учение Шеллинга, отбрасывать *ipse dixit* и принимать не более его методы» по той причине, что Шеллинг «дошел до мистического католицизма, Гегель — до деспотизма» (т. 21, 21). Это раннее осознание реакционного характера философских систем Шеллинга и Гегеля имело для будущего развития Герцена исключительно большое значение, но в 30-е годы выйти из-под влияния немецкого идеализма он не мог: не соглашаясь с конечными выводами Шеллинга и Гегеля, Герцен прилагал усилия к тому, чтобы пойти дальше этих философов, но оставаясь все-таки в рамках идеализма.

Критикуя Шеллинга за выводы его философии, Герцен в то же время восторгается его мыслями о природе и науках, называет этого идеалиста «высоким поэтом», который «понял требования века и создал не бездушный эклектизм, но живую философию, основанную на одном начале, из коего она стройно разворачивается» (т. 21, 21).

В Фихте Герцена привлекает, как и всех его современников, мысль о достоинстве человека. Говоря о том, что Фихте «по крайней мере хорошо понял достоинство человека» (т. 21, 21), Герцен ссылается на следующее высказывание о нем Кинне: «Кто более, чем он, был апофеозом человеческой воли? Кто обуздal или отрицал отважней, чем он, самую природу?» (т. 21, 452).

Идеалистическая философия и романтическая литература усиливали порывы Герцена в область фантазии, которая развилась от того, что «огненный характер» требовал деятельности, жизни, в то время как «не было ему ее во внешнем», обостряли сознание избранности, исключительности своей личности (т. 21, 193). В письмах 1833 года Герцен часто говорит о «бурных порывах фантазии и дикой вольной», ведущей к тому, что все земное исчезало. «Огненная фантазия» подсказывает Герцену, что он не сольется с толпой. Чтобы принести пользу родине, Герцен готов ехать «хоть в Камчатку, хоть в Грузию», но больше

всего его привлекает слава писателя, завоевать которую можно только после длительной научной подготовки.

Но ни науки, ни идеальные порывы не могли занять всю жизнь Герцена, особенно в тот период, когда в кружке единомышленников пытались найти политическое решение актуальных вопросов жизни. По словам самого писателя, он тогда «со всем огнем любви жил в сфере общечеловеческих современных вопросов, придавая им субъективно-мечтательный цвет» (т. 2, 234). Являясь наследником декабристов, Герцен стремится найти пути к осуществлению социальной справедливости и политической свободы, но в 30-е годы это стремление могло получить только романтико-идеалистическое обоснование, что нашло свое отражение в создании Герценом и Огаревым системы раннего русского утопического социализма. Обращение к «Социальной поэзии» Сен-Симона после поражения восстания декабристов было вполне закономерно, так как Герцен, как и все деятели того времени, не представлял себе отчетливо конкретных исторических путей перехода в новый мир, оставаясь при этом в твердой уверенности, что коренное переустройство общества скоро наступит. Раздумьям об этом новом мире как нельзя более лучше соответствовал сен-симонизм. Кроме того, мечтательному юноше импонировали в этом утопическом учении эмоциональные романтические черты.

Рано осознав себя одним из тех, кто «пойдет вслед за Пестелем и Рылеевым», избрав знаменем юности революционную поэзию декабристов и Шиллера, Герцен и в своих ранних эстетических воззрениях является сторонником «целого ряда важнейших положений революционно-романтической эстетики, заложенных в литературной деятельности литераторов декабристского круга», как об этом, на наш взгляд, совершенно справедливо, пишет А. Л. Дымищ в своей статье «Вопросы романтизма в литературной деятельности молодого Герцена»¹⁰). В правильности данного утверждения убеждают не только ранние литературные симпатии писателя к произведениям революционных романтиков, но и его первые выступления по вопросам литературы. В феврале 1834 года Герцен пишет программу и план издания журнала, который задумывался им как орган научно-философской мысли. Писатель высказывает здесь свои во многом идеалистические взгляды («жизнь есть не что иное, как процесс возвышения формы к идее» (т. 1, 59), но особый интерес вызывает то, что отдельные положения программы перекликаются с положениями декабристской эстетики. Задачу журнала Герцен видит в том, чтобы «следить за человечеством в главнейших фазах его развития», так как «параллельно с историей идет и литература» (т. 1, 59—60). Утверждая, что «человечество развивается в двух направлениях — в мире гражданском и в мире эстетическом, в мире дела и в мире слова», Герцен далее формулирует один из важнейших тезисов своих эстетических взглядов: «Посему-то столь нераздельное представляет нам литература и политический быт. Гражданское состояние есть воплощенное слово, и обратно, литература, как слова народа, есть выражение его быта» (т. 1, 59). Положение о неразрывной связи литературы и «политического быта» было решительно направлено против пассивного романтизма, проповедующего уход от жизни.

Своеобразным манифестом активного, идейно насыщенного искусства, тесно связанного с жизнью общества, явился рассказ Герцена «Первая встреча», в котором проблема взаимоотношения искусства и действительности четко сформулирована следующим образом: «Не

¹⁰ Ученые записки Ленинградского пед. института им. Герцена, т. 120, 1955, стр. 159.

политики — симпатии всему великому — требую я от гения. Великий человек живет общею жизнью человечества; он не может быть холоден к судьбам мира, к колоссальным обстоятельствам; он не может не понимать событий современных, они должны на него действовать, в какой бы то форме ни было» (т. 1, 117). Обратив основное внимание на общественную позицию Гете в эпоху французской революции, Герцен подверг эту позицию резкой критике. С точки зрения революционного романтизма он отрицает пассивную созерцательность Гете. Всем содержанием рассказа Герцен отвергает мысль Шеллинга о «бесцельности» и «бессознательности» искусства. Сила художника состоит в его способности активно влиять на жизнь, бороться за ее переустройство, что возможно только тогда, когда он живет «общею жизнью человечества», проникнут «симпатией» к современности.

Таким образом, в этом отношении, в отличие от Белинского и многих других своих современников, Герцен сумел выйти за пределы немецкой идеалистической эстетики.

Но вместе с тем нужно учитывать, что с самого начала 30-х годов декабристская традиция не могла не войти в сложное взаимодействие с идеалистическими воззрениями Герцена, что не могло не привести к противоречиям в его взглядах. Примером этих противоречий является прежде всего оценка Герценом немецкого романтика Гофмана, данная в одноименной статье, написанной в 1833—1834 гг. Общее направление статьи получило в литературоведении противоречивое освещение. Так, Л. Я. Гинзбург и В. А. Путинцев, комментирующие статью в первом томе академического издания, утверждают, что, «апологетически оценивая литературную деятельность Гофмана, как «художника истинного, совершенного», молодой Герцен не заметил реакционной сущности эстетической программы немецкого романтика» (т. 1, 488). А. Л. Дымшиц, полемизируя с этим мнением, пишет, что Герцен «очень далек от апологии общественно-эстетических позиций Гофмана»¹¹⁾. И то и другое мнения нам представляются слишком категоричными, так как в статье борются две противоречивые тенденции. С одной стороны, Герцен, как и все его поколение, увлечен творчеством писателя, которого называет самобытным и необузданную фантазию которого высоко ценит. Субъективные впечатления Герцена-читателя как бы отодвигают на время в сторону реакционность общественных и эстетических позиций не только Гофмана, но и Ж. Поля, Тика, Новалиса. С другой стороны, не вызывает сомнения тот факт, что общее понимание романтизма носит в «Гофмане» декабристский характер, о чем свидетельствует критическое отношение Герцена к немецкой литературе, которая, «окопавшись валом от всего человечества», как раз и породила то направление, представителем которого был Гофман.

Чертами противоречий запечатлено и ранее художественное творчество Герцена. В первых набросках, относящихся к началу 30-х годов, отразилось стремление писателя воплотить принципы революционного романтизма. Так, в отрывке «День был душный» революционное звучание подчеркивается не только темой клятвы на Воробьевых горах и упоминанием Шиллера и Рылеева, но и резким противопоставлением мечты и действительности, описание которой выдержано в тонах социальной сатиры. 3-го августа 1833 года Герцен пишет аллегорию, «вроде Жан-Поля», посвященную Л. Пассек. Этот набросок отличается крайней романтической патетикой, громоздкими аллегориями, затрудняющими понимание смысла, но даже в нем есть вполне определенный

¹¹⁾ Ученые записки Ленинградского пед. инситута им. Герцена, т. 120, 1955, стр. 163.

политический намек, что было отмечено следственной комиссией (изображение «огнедышащей горы»). В приподнятых романтических тонах выдержан и автобиографический отрывок, приблизительно датируемый началом 30-х годов, — «Недолго продолжалось его одиночество». Наибольший интерес в нем представляет неоконченный монолог Огарева, в котором высокие идеалы, возвышенные мечтания противопоставляются окружающей жизни: «Кто в юности своей не давал воли фантазии и не творил идеал, в коем собирал все совершенства, все изящное, рассеянное в природе и в душе его? Кто? Кроме тех, кои не имели юности, тех, у которых ум убил все чувствования, которые с ранних лет упали в грязное, смердящееся озеро, называющееся толпою... С ранних лет привык я давать волю своему воображению и — окруженный ледяными людьми — мечтать большую часть дня» (т. 1, 318). Но в избыточном романтическими штампами отрывке есть некоторое хотя и небезоговорочное осуждение романтической мечтательности, убивающей живую деятельность, ослабляющей энергию человека: «Знаю, что мечты вредны, что они ослабляют энергию ума, что убивают деятельность, но как было противустоять им» (т. 1, 318—319).

Порой Герцен был склонен иронизировать над своим пристрастием к красивой романтической фразе. Например, тираду в письме к Захарьиной: «Земной язык недостаточен. Музыка, одна музыка, неопределенная, таинственная, перенесет душе ощущение другой души», — он заканчивает словами: «Я заврался, извините» (т. 21, 19). Но подобные иронические выпады отнюдь не означали, что романтические настроения были преодолены. Более того, некоторые обстоятельства жизни в Вятской ссылке содействовали дальнейшему усилению этих настроений. Конечно, резкое столкновение с гнусной российской действительностью означало ее подлинное познание, что имело громадное значение для последующего преодоления Герценом романтического мировоззрения. Но на первых порах пошлость местного общества, та самая тина мелочей, поглощающих жизнь, о которой писал Гоголь, не могли не поразить романтически настроенного юношу, привыкшего жить в сфере высших вопросов бытия, что создавало такие условия, когда Герцен невольно чувствовал себя на положении «вышей», «избранной» природы, стоящей над толпой и чуждой ее интересам. Чувство исключительности, избранничества подчеркивалось и усиливалось любовью, которая занимала в духовной жизни писателя периода ссылки громадное место. «Взрыв» романтической экзальтации, которым пронизана переписка Герцена с Н. А. Захарьиной, ярко отражает одну из типичных сторон исканий русских идеалистов 30-х годов. Как и вся молодежь тех лет, Герцен противопоставлял любовь земную и любовь небесную, а в Захарьиной видел олицетворенную мечту, воплощенный идеал. Как истинный романтик он негодует на то, что у него есть тело, мешающее наполнить все беспредельное пространство одной любовью. Любовь до обоготворения, до желания молиться перед ее святостью, радостное сознание гармонии двух душ, предназначенных друг для друга, стремление только к высокому, страстное ожидание встречи, мучительные самобичевания за «земной» роман с Медведевой — вот атмосфера переписки. При этом с самого начала Герцен противопоставляет себя и Захарьину пошлой толпе, которая не может подняться до высоты тех чувств, которые испытывали они. Иногда Герцен обращается к толпе, как бы приглашая ее в свидетели того, на что она неспособна: «Ну, толпа, что вы противупоставите такой минуте?» (т. 21, 239). Он гордо заявляет, что ему не по пути с толпой — если толпа пойдет направо, то он с Захарьиной повер-

нет налево, так как им надобен простор «и простор обширнее всего шара земного... надобно небо» (т. 21, 165).

В период ссылки на основе дальнейшего углубления идеалистических воззрений в мировоззрении Герцена появляются религиозные черты. Этому способствовали не только любовь, обостренная разлукой, но и тоскливое чувство одиночества, вызванное насильственным разрывом с дружеской средой, а также влияние архитектора А. Витберга, находившего утешение в мистицизме. Мистико-христианское влияние Витберга было тем сильнее, что оно действовало в том же направлении, что и письма религиозно-экзальтированной Захарьиной, ускорившей, по словам Герцена, его «возвращение к идеальному» (т. 21, 75). В Вятке писатель много думает над возможностью новой философии, сочиняет статью о философии и религии. Достоинство нынешней немецкой философии он готов видеть в том, что в ней сливается «мысль и откровение», воззрение идеализма и воззрение телеологическое (т. 21, 394). И несмотря на то, что пантеистическая мысль представляется Герцену в конце ссылки недостаточной, он в августе 1838 года спрашивает у Огарева: «Бывали ли с тобой минуты, когда глубокое удивление природы приводит к пантеизму, когда вся эта природа кажется плотью бога, его телом...» (т. 21, 389). Как и Белинский, Герцен во второй половине 30-х годов иногда высказывается в том плане, что люди есть не что иное «как материальный знак своей души». Разумеется, религия никогда не имела для Герцена такого же значения, как для Печерина, Чаадаева, некоторых ссыльных декабристов или того же Витберга, так как реальное начало в натуре писателя всегда брало верх, но, имея это в виду, нельзя в целях «выпрямления» идейного пути Герцена преуменьшать значение его религиозных настроений. Этот факт еще раз подчеркивает «зигзагообразный» характер поисков истины в то время. Сам Герцен, заметив, что ему «не суждено было подниматься на третье небо», что он «родился совершенно земным человеком», от рук которого не вертятся столы и от взгляда не качаются кольца, что «дневной свет мысли» ему роднее «луного освещения фантазии», тут же указывал: «Но именно в ту эпоху, когда я жил с Витбергом, я более чем когда-нибудь был расположен к мистицизму... И еще года два после я был под влиянием идей мистически-социальных» (т. 8, 288).

Интерес к христианской религии зародился у Герцена еще до тюрьмы и ссылки и был связан с его раздумьями над будущим России в связи с изучением Сен-Симона, на что обратил внимание Я. Эльсберг в своей монографии о писателе. В христианстве Герцена привлекал сильный в период его возникновения социальный элемент, делающий это учение идеологией угнетенных слоев. Проблему обновления рода человеческого он пытается сейчас решить на путях соединения людей в христианской любви друг к другу: «Мысль любви высочайшая, отстраняющая все нечистое, мысль святая, любовь — это все, ибо самая идея есть любовь, самое христианство — любовь» (т. 21, 59). В апреле 1837 года в письме к Захарьиной Герцен развивает следующую теорию: «Представь себе все человечество, соединенное так тесно любовью, подающее друг другу руку и сердце, дополняющее друг друга, — и великая мысль Творца, и великая мысль христианства откроется перед тобой» (т. 21, 160). Но соединению людей на подобной основе мешают «тело в смысле материальном, эгоизм в смысле духовном». Мир, говорит Герцен, отдан во власть двум противоположностям, которые своей борьбой отравляют человеческую жизнь, — эгоизму и любви: «Эгоизм это тяготеющее, это мрак, контрактность, прямое наследие Люцифера, и любовь — это свет, расширение, прямое наследие бога» (т. 21, 101). Любовь и ее

видоизменение — дружба, которые стремятся выступить из земной сферы по направлению к божеству, приобретали для Герцена такое же общечеловеческое, универсальное значение, как и для всех идеалистов того времени. Ему казалось порой, что, развив эти чувства до такой высоты, он все земное совершил. Позднее, уже без романтического преувеличения взглянув на этот период, Герцен еще раз подчеркнул огромное место внутреннего начала в своей тогдашней жизни. Когда найдена любовь, пишет он в «Былом и думах», «найденно неизвестное, все свелось на одно лицо, прошло через него, им становится всеобщее дорого, им изящное красиво; постороннее и тут не бьет: они даны друг другу — кругом хоть трава не расти» (т. 9, 9). Но в подобных высказываниях было обойдено то обстоятельство, что дружба наполнялась и политическим значением, а в любви, кроме всего прочего, виделся и якорь спасения человечества. Герцен стремился выйти за пределы только внутреннего мира, найти поприще деятельности, достойное его сил, и завоевать на нем славу. Он мечтает о жертвенном служении людям, о подвиге для их блага. Восторженно рассказывая о Христе, в груди которого родилась мысль перерождения человечества и были силы выполнить ее, и об Иоанне, склонившем голову на грудь Христа и готовом погибнуть за людей, Герцен в письме к невесте утверждает, что он так же готов переносить страдания, погибнуть, но ему некуда склонить опечаленную голову. «Неужели мы ученики без учителя, апостолы без Мессии?» — горестно вопрошает он, отражая в этих словах трагедию своего поколения (т. 21, 33).

Усиление романтико-идеалистических элементов в мировоззрении Герцена не могло не сказаться на формировании его эстетических взглядов, развитие которых в этот период идет еще более противоречивым путем, чем до ссылки. Если рассказ «Первая встреча» явился четким и недвусмысленным выражением активного романтизма писателя, а в «Гофмане» общая защита революционного романтизма явно противоречила чисто субъективному увлечению немецким реакционным романтиком, то в переписке этот субъективный, сугубо личный характер оценки романтической литературы выдвигается на первое место. Прежде всего бросается в глаза некоторое изменение круга читаемых авторов. Достаточно сказать, что имя Пушкина почти не встречается в переписке, а о Рылевце нет ни одного упоминания (правда, говорить о Рылевце политическому ссыльному было небезопасно). Предпочтение отдается иностранным писателям, из которых на первый план выдвигается Гюго, Ж. Поль, Шиллер. Из русских делается исключение для Жуковского и Погодина. Но особенно изменилось отношение к читаемому: те же произведения, которые Герцен любил до ссылки, звучат для него по-новому, открываются с другой стороны: он ищет в них созвучия своим субъективным настроениям. Произведения любимых авторов включались в ту поэму любви, которая поднимала Герцена и Захарьину к небу. Как в церкви «любовь к богу выражена всеми искусствами», так и в душе писателя, по его словам, любовь к Захарьинной «была слита с поэзией, с мыслью, с чувством» (т. 21, 334).

Целый ряд высказываний Герцена о писателях-романтиках свидетельствует о том, что на небольшой период критерием их оценки становится не участие в «биографии человечества», а степень лирического одушевления в описании идеальной, сверхземной любви. Вот почему Шиллер воспринимается только в тех его чертах, которые объединяли его с Ж. Полем и Жуковским. Романтико-идеалистическое мировоззрение не давало возможности Герцену оценить по достоинству не только произведения многих реалистов, но и провести четкую грань между ак-

тивными и пассивными романтиками. Так, в гениальном английском поэте Байроне Герцен пока не выделяет мощный пафос протеста и отрицания, а по аналогии со своими чувствами говорит только о его презрении к людям.

Несколько раз Герцен пишет о «страшном» Шекспире, но великий реалист эпохи Возрождения выступает у него как субъективный поэт, сила которого состоит в глубоком раскрытии страданий романтической личности, противопоставленной пошлой действительности. Мировоззрение писателя той поры отталкивало реалистические образы и картины, он не мог читать «книг холодных, дельных»: «Страшный Шекспир огромен, велик, но я не удивляться хотел. Я искал созвучия, и Шиллер подал мне его» (т. 21, 233). По этой же причине Герцен не мог понять и оценить роман Руссо «Новая Элоиза», а произведения Бальзака считал «вздором» (т. 21, 148, 290).

Естественно, что в переписке — этом своеобразном лирическом дневнике, раскрывающем в основном внутреннюю жизнь Герцена, не могли найти всестороннего отражения искания писателя тех лет. Картину дополняет его художественное творчество периода ссылки, в котором запечатлелось взаимодействие противоречивых начал — революционно-романтического и религиозно-идеалистического. «Легенда», «Лициний» и «Вильям Пен» позволяют увидеть, что, несмотря на общее усиление идеалистических тенденций в мировоззрении писателя, он и во второй половине 30-х годов остается верен своим революционным настроениям, хотя эти настроения и выражаются в очень осложненной форме. Например, в «Легенде» (1835—1836 гг.) мысль о «жизни для идеи» раскрывается в религиозной форме на материале жизнеописания святой Феодоры.

«Лициний» и «Вильям Пен» были написаны, по словам Герцена, «в социально-религиозном духе». И в том и другом произведении писатель развивает тему столкновения двух миров: в «Лицинии» — древнего мира с христианством, в «Вильяме Пене» — официальной церкви с квакерами, и на этом историческом материале пытается решить актуальные вопросы своего времени. Сходство между Лицинием и поколением 30-х годов Герцен видел в том, что они вошли в жизнь в переходную эпоху, были «промежуточным кольцом». Трагедия романтика Лициния состоит в его оторванности от народа, но и для самого Герцена проблема народа остается неразрешенной. В уста Лициния писатель вкладывает мысль о гении, как выходящей силе истории: «Но кто мощный, великий, который волеет новую кровь в наши жилы, юную и алую, который огнем своего гения сплавит в одну семью патрициат и плебеев, согреет их своей любовью, очистит своей молитвой и, наполнив своим духом, всех гордою стопой поведет в грядущие века?» (т. 1, 193).

В романтико-утопическом духе решает Герцен и вопрос о будущем социальном устройстве общества. В «Вильяме Пене» он говорит о том, что мир спасет основание общины «на равенстве и братстве и свободе». Путь же к этому справедливому обществу лежит через просвещение, через «воплощенное слово», которое понесут людям сильные личности: «Не меч вручил нам бог, а слово, оно — врожденное, святое право, и мощь его обширна, велика» (т. 1, 201). Так, в условно-романтической форме на религиозно-историческом материале Герцен отражал мечтания лучших людей эпохи об обществе, построенном на социалистических началах.

Таковую же условно-романтическую форму имели и автобиографические произведения, в которых затрагивались некоторые стороны интимной жизни писателя. Первые опыты рассказов «о себе» наполнены романтическим вымыслом; Герцен еще не может нарисовать реального чело-

века, действующего в типичных обстоятельствах, хотя и отталкивается от действительных событий. В основу повести «Елена» были положены взаимоотношения писателя с П. Медведевой, и сам Герцен склонен был рассматривать повесть как исповедь, «вырвавшуюся в самую страдательную, болезненную эпоху» (т. 21, 339). Но «демонический герой» в его взаимоотношениях с двумя героинями, в одной из которых была воплощена «любовь материальная, доведенная до поэзии, но до поэзии земной», а в другой — любовь высокая, «где уже и следа нет земли, где одно небо, и небо яхонтовое» (т. 21, 100), очень мало напоминали Герцена в его земном романе с Медведевой и идеальной любви к Захарьиной. Правда, Герцен испытывал к этому времени определенное воздействие гоголевского направления, что явственно ощущается в образах коллежского советника Тилькова и кухарки Устиньи, но общего романтического характера произведения эти образы не изменили.

Исследователь творчества Герцена Я. Е. Эльсберг считает, что еще во время споров с Витбергом Герцен «осознал себя сторонником такого мощного реалистического искусства, которое, создавая широкую и пеструю картину жизни, смело и решительно касалось бы всех вопросов, встающих перед человечеством»¹²). Но при этом нужно учитывать, что процесс практического претворения реалистических устремлений Герцена был очень сложным и в 30-е годы не привел к положительным результатам. На пути к художественному реализму лежало романтико-идеалистическое мировоззрение, из плена которого писатель окончательно освободился только в начале 40-х годов.

В исканиях всего поколения 30-х годов вообще и Герцена в частности было много одностороннего, противоречивого, книжно-теоретического; это поколение прошло через целый ряд заблуждений, романтических иллюзий, но, ошибаясь, оно искало, что не может не привлекать в его нравственном облике. И впоследствии, преодолевая романтическое мировоззрение в процессе познания и глубокого изучения жизни не по книге, а на совершающемся опыте, лучшие люди эпохи, в том числе Герцен и Белинский, отнюдь не отбросили все то, что было связано с культурой романтического идеализма. Решительно отвергая идеалистическую шелуху, резко критикуя романтический разлад с действительностью, они тем не менее, как и все реалисты 40-х годов, диалектически усвоили такие непреходящие ценности, открытые идеалистами в результате напряженных исканий, как требование глубокого философского осмысления мира, неприятие того, что убивает в человеке человеческое, стремление к обоснованию идеала человеческой личности, пафос познания.

Проникновенную оценку своим современникам Герцен дал в «Былом и думах»: «Что же коснулось этих людей, чье же дыхание пересоздало их? Ни мысли, ни заботы о своем общественном положении, о своей личной выгоде, об обеспечении; вся жизнь, все усилия устремлены к общему без всяких личных выгод: одни забывают свое богатство, другие свою бедность — и идут, не останавливаясь, к разрешению теоретических вопросов. Интерес истины, интерес науки, интерес искусства, — поглощает все...» (т. 9, 44—45).

¹²) Я. Е. Эльсберг. Эстетические взгляды А. И. Герцена, в кн. «А. И. Герцен об искусстве», Изд. «Искусство», М., 1954, стр. 20.

В. Д. МОРОЗОВ

ПРЕОДОЛЕНИЕ И КРИТИКА А. И. ГЕРЦЕНОМ РОМАНТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В 40-е ГОДЫ

К началу 40-х годов в общественно-политической обстановке России явственно обозначились новые тенденции, пробивающие себе дорогу, несмотря на то, что правительственная реакция душегубствовала ничуть не меньше, чем в 30-е годы. Хотя крепостное крестьянство оставалось забитым и неподвижным, как и прежде, тяжесть порабощения с каждым годом порождала в нем все большую силу возмущения и недовольства, усиливала его стремление к свободе. Рост антикрепостнических настроений в народе нашел свое яркое отражение в развитии освободительных идей, пропагандируемых передовой частью русской интеллигенции того времени.

Связь ее идеологии с настроением крестьянства накладывала отпечаток на характер освободительного движения 40-х годов, придавала особенную остроту и глубину общественно-политической и философской мысли, поворачивала литературу в сторону интересов народа.

В освободительном движении происходит процесс демократизации, намечается переход от дворянского этапа к разночинскому, и хотя количественно участие разночинцев в движении еще очень незначительно и главная роль в нем по-прежнему принадлежит дворянству, тот факт, что во главе его становится Белинский, свидетельствует о том, что инициатива переходит в руки разночинцев.

Пережив трагические годы после разгрома восстания декабристов, передовые деятели эпохи идут по пути все более глубокого познания закономерностей жизни, все яснее осознают невозможность дальнейшего сосуществования революционных устремлений и идеалистической философии. Под давлением всего хода жизни общественная мысль делает переход от абсолютных романтических идеалов к реальному обоснованию прогрессивных социальных преобразований, что отразилось в разработке Белинским и Герценом нового мировоззрения, составными частями которого были реализм, социализм, революционность и материализм. Если в 30-е годы общее романтико-идеалистическое направление мысли могло объединять самых разных по перспективам своего дальнейшего развития людей, то в условиях углубления классовых противоречий в 40-е годы становится неизбежным идеологическое размежевание. «Для того, чтобы дворянская интеллигенция стала носителем охранительных идей, недостаточно оказалось испуга самодержавия перед гвардейскими офицерами, вышедшими на Сенатскую площадь; понадобился еще испуг образованного дворянства перед растущей демократией, как отражение испуга всего помещичьего класса перед углублявшимся движением кре-

стьянского стихийно-революционного протеста против крепостнического рабства», — пишет Л. Гинзбург в статье «Белинский в борьбе с романтическим идеализмом»¹⁾.

Основными идейными противниками Белинского и Герцена выступили, с одной стороны, славянофилы, с другой — либералы-западники, причем на первых порах с особенной силой обнаружилась противоположность интересов между Белинским, Герценом и славянофилами, против которых боролись и западники. Славянофилы в своих общественно-политических требованиях в сущности смыкались с теоретиками официальной народности — этими откровенными защитниками реакции и крепостничества. Они не только задержались на позициях романтического идеализма, но и решительно повернули в сторону феодального средневековья: их запоздалый романтизм превратился в реакцию на требования демократического преобразования страны. Как показала Л. Гинзбург, в процессе идеологического размежевания романтический идеализм «из факта литературного или философского становится мерилom идейной, моральной и политической позиции»²⁾.

Романтическое мировоззрение было несовместимо с практической деятельностью, направленной на изменение действительности, оно препятствовало решению важнейших задач революционно-освободительного движения, притупляло социальную активность общества, осложняло формирование деятельных личностей, в которых так нуждалась Россия. Н. Г. Чернышевский, говоря в «Очерках гоголевского периода русской литературы» о критике того времени, подчеркивал, что она пошла дальше Надеждина именно в том, что, разделяя его взгляд на романтизм как «противу-эстетическое явление в литературе», «обращала главное свое внимание на романтиков, как людей, губящих жалким образом свои силы, как на людей, по заблуждению делающихся вредными для самих себя и смешными»³⁾. По мнению Чернышевского, критика гоголевского периода «своими едкими насмешками оказала несомненную услугу не только литературе, но и самой жизни», когда она заклеила «осмеянным именем романтизма всякую аффектацию, натынутость, болезненную апатию, величающую себя гордым разочарованием, всякую пошлость, прикрывающую себя пышными фразами, всякую реторику в словах и делах, в чувствах и поступках»⁴⁾. Решительное наступление на романтизм, начатое в 40-е годы прогрессивными деятелями, расчищало дорогу для нового, реалистического миропонимания во всех областях научного и художественного освоения действительности, соответствовало настоятельнейшему требованию демократизации литературы, без чего нельзя было вести широкую просветительскую работу, и обуславливало тем самым такой протест против существующего строя, который был основан на тщательном изучении закономерностей развития общества, а не на романтическом «откровении».

Процесс преодоления романтического мировоззрения начался в конце 30-х годов и был отмечен чертами глубокого своеобразия для каждого передового человека эпохи. Решающее влияние в этом отношении оказывала на умы людей сама жизнь, все более глубокое ее познание, но, кроме того, нельзя не учитывать и взаимопроникающих воздействий литературы и критики, философии и политики, а также особенностей воспитания и образа жизни того или иного представителя своего време-

¹⁾ Литературное наследство, т. 55, стр. 187.

²⁾ Там же.

³⁾ Н. Г. Чернышевский. Избр. фил. произвед. в трех томах, Госполитиздат, т. I, 1950, стр. 642.

⁴⁾ Там же.

ни. Самой действительности, влиянию реалистической литературы принадлежит главная роль в эволюции Герцена от романтизма к реализму, но эта эволюция имела и свои специфические особенности, объясняющиеся тем, что преодоление романтизма происходило у Герцена в неразрывной связи с процессом все более глубокого художественного освоения действительности. Свидетельством освобождения писателя от романтического мировоззрения являются его автобиографические произведения конца 30-х — начала 40-х годов, в которых романтический вымысел заменяется конкретным реалистическим описанием и главного героя и окружающей его обстановки. «О себе» и «Записки одного молодого человека» ярко отражают движение Герцена к реалистическому восприятию жизни: на смену романтической патетике приходит тонкая ирония, перерастающая порой в сатиру. В наброске «О себе» Герцен, выходя из романтической односторонности, не только осуждает Сатина за идеалистическую оторванность от жизни («его фантазия была направлена на ложную мысль бегства от земли»⁵), но и подходит к пониманию определенной ограниченности своей юношеской жизни, хотя это и выразилось еще в романтической форме: «Месяц мечтаний, односторонней жизни закатывался, солнце жизни выступало с своею огненною, всепоглощающею любовью, но и черные тучи поднимались грозно и мрачно...» (т. 1, 182).

Но особенно важно то, что писатель подошел к осознанию недостаточности отношения к жизни по Шиллеру. В чертах великого немецкого поэта он по-прежнему ценит целый ряд глубоко симпатичных ему качеств и в то же время порок Кетчера усматривает в том, что он «начал свою жизнь переводами Шиллера и кончил переводом на жизнь одного из лиц, которые Шиллер так любил набрасывать» (т. 1, 171).

«В записках одного молодого человека» установка Герцена на изображение своей жизни носит чисто реалистический характер. Сочувственно процитировав слова Гейне о том, что каждый человек есть вселенная, которая с ним родилась и с ним умирает, Герцен определяет задачу «Записок...», как описание развития личности «под влиянием времени, обстоятельств, случайностей» (т. 1, 258), то есть по существу выдвигает принцип зависимости человека от социальной среды. Один из героев произведения Трензинский интересен тем, что в нем Герцен хотел показать практическую натуру, которая не может действовать во всю меру своих сил в существующих условиях. В его скептицизме и иронии Огарев верно заметил форму перехода от романтического к реалистическому мировоззрению. И не случайно именно Трензинский, признавая, что романтизм — «одна из самых поэтических ступеней в развитии человека и совершенно по плечу юношескому возрасту», резко осуждает романтическое незнание жизни, стремление доходить до всего «словами, а не делом». Он утверждает, что жизнь, понимаемая как деяние, убивает романтическую абстрактность, и эта мысль близка самому Герцену: «Жизнь после покажет, что все громкие слова только прикрывают кисейным покровом пропасти, и что ни глубина, ни ширина их не уменьшается от того ни на волос» (т. 1, 304).

Таким образом, к началу 40-х годов Герцен приходит с ясным пониманием недостаточности романтического взгляда на мир, он убеждается, что в сфере идеального никак не помещается весь человек, так как «ноги внизу, а из-под полу дует, смерть холодно» (т. 21, 401).

⁵ А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах, Изд. АН СССР, т. 1, стр. 172. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

Герцен сознательно изживает в своем сознании черты романтизма, безбоязненно идет вперед по пути все более глубокого познания жизни, какими бы суровыми ни были результаты этого познания. С каждым новым потрясающим событием «все больше и больше разъясняется в голове и все меньше романтизма», — писал он в 1846 году в письме к жене. В этом же письме Герцен очень образно говорит о «траве» романтических иллюзий, скашиваемых жизнью: «Да, отрицание идет косою — за одним рядом падает другой, и все еще остается бездна травы» (т. 22, 258). Но эта «трава», свидетельствующая о живучести романтических пережитков, уже не мешала трезвому реализмическому взгляду на жизнь, и писатель с полным правом мог заявить: «Период романтизма исчез, тяжелые удары и годы убили его. Мы, не останавливаясь, шли вперед, многого достигли, но юные формы приняли мускулезный и похудевший вид путника усталого, сожженного солнцем, искусившегося всеми тяготами пути, знающего теперь все препятствия и пр.» (т. 2, 272). Правда, в некоторых случаях даже в 60-е годы Герцен говорил об отзвуках романтизма в своем мировоззрении, но это не дает оснований для утверждений о том, что он остался романтиком до конца жизни. Так, в дневниковой записи 20 декабря 1866 года, раздумывая над тяжелыми неурядицами в личной жизни, над болезненными ударами судьбы, Герцен пишет: «Покончив со всякими романтизмами, мы все-таки мечтаем о *von einer besseren Natur* — нам все еще кажется, что право на насморк имеют одни простые смертные, — а мы кажемся себе не простыми — зачем же у нас катар?» (т. 20, кн. 2, 609). Удары жизни потому и казались такими горькими и обидными, что «приравнивали к прочим», тогда как «избалованные средой... мы твердо верили, что будем жить на особых правах». Писатель подчеркивает, что подобные представления говорят против среды и времени его личного развития, иными словами, против дворянской среды, воспитавшей Герцена, и общественно-политической обстановки эпохи. Но даже это рассуждение, записанное в одну из трудных минут, писатель начинает с констатации факта преодоления романтизма, а главная мысль, заключенная в записи, состоит в том, что условия жизни дворянского класса представляют особенно благоприятную почву для развития романтического идеализма.

Тот факт, что к началу 40-х годов Герцен отверг романтическое мировоззрение, имеет большое принципиальное значение в разоблачении антинаучных, клеветнических измышлений реакционных историков русской общественной мысли, философии и литературы, среди которых подвизаются такие «теоретики», как Бердяев, Радлов, Зеньковский, Шайберт. Религиозно-идеалистическая концепция русской философии Зеньковского объявлена буржуазной прессой «серьезным достижением», а между тем идейный багаж Зеньковского исчерпывается повторением излюбленных славянофилами мыслей об извечных свойствах «русской души», основу которой якобы составляют религиозность и мистицизм. Исходя из этого, Зеньковский все усилия приложил к тому, чтобы превратить Герцена в идеалиста и романтика от начала и до конца жизни. Вопиюще противореча общепризнанному, он утверждает, что писатель, «хотя и тяготел к философскому реализму, но всегда был и до конца оставался романтиком»⁶⁾. Но даже этого Зеньковскому показалось мало. Как служитель культа, берущийся судить о русской философии, он решил использовать эпизод кратковременного увлечения Герцена

⁶⁾ В. В. Зеньковский. История русской философии, ИЛ, М., 1956, т. 1, стр. 256—257.

религиозными настроениями в 30-е годы для пропаганды религии. Мощный революционный пафос писателя объявляется «романтическим бунтом», диктуемым «последними остатками религиозного сознания, которое только в царстве божием, только в боге и могло бы найти себе покой»⁷⁾. Этот один из немногих примеров подобной фальсификации истории русской общественной мысли свидетельствует о том, что проблема романтического мировоззрения имеет большое идеологическое значение.

Преодоление романтического мировоззрения сопровождалось его критикой, в чем убеждают уже «Записки одного молодого человека». Но особенный размах и остроту борьба Герцена с романтическим мировоззрением приобретает к середине 40-х годов, когда, по словам Ленина, он «сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени». Усвоив диалектику Гегеля и поняв ее как «алгебру революции», Герцен «пошел дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом». Громаднейшим достижением было то, что в условиях крепостной России он «вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед историческим материализмом»⁸⁾. Закладывая вместе с Белинским основы материалистической философии, Герцен, будучи, по определению Ленина, «демократом, революционером, социалистом»⁹⁾, являлся соратником великого критика и в решении многих проблем общественно-политического развития России. Но, говоря о чертах сходства между Белинским и Герценом, необходимо учитывать, что Белинский, как разночинец, был теснее связан с народом, лучше знал его настроения, проявлял больше последовательности и революционной целеустремленности в борьбе с идейными противниками. Например, его отношение к славянофилам с самого начала идеалистического размежевания было непримиримым, тогда как Герцен длительное время испытывал колебания и окончательно порвал личные связи с ними только в 1844 году. Он не мог «видеть революционного народа в самой России в 40-х годах»¹⁰⁾, и в этом заключалась его беда, но перспектива развития писателя была такова, что в 60-х годах, увидев революционный народ, «он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма»¹¹⁾. Расстановка классовых сил и характер общественно-политической борьбы эпохи обнажали прежде всего общее между Белинским и Герценом; при всех расхождениях (на которых, кстати, ни тот, ни другой не заостряли внимания, за исключением конца 30-х годов, когда Герцен резко критиковал Белинского за примиренческие настроения) они находились в одном лагере и вели борьбу с одними и теми же врагами. Глубоко осознавая свою общность с Белинским, Герцен, описав в «Былом и думах» встречу с ним в мае-июне 1840 года, подчеркнул: «С этой минуты и до кончины Белинского мы шли с ним рука в руку» (т. 9, 28).

Близость идейных позиций Герцена и Белинского обусловила принципиальное сходство в их отношении к романтическому мировоззрению. В борьбе с ним они прекрасно дополняли друг друга: их критика в целом не только вскрыла реакционность общественно-политических взглядов романтиков и полное несоответствие романтизма духу времени, но и, определив основные черты романтического характера, показала всю его несостоятельность в разрешении важнейших вопросов жизни. Как

⁷⁾ В. В. Зеньковский. История русской философии, ИЛ, М., т. 1, 1956, стр. 273.

⁸⁾ В. И. Ленин. Сочинения, Изд. четвертое, т. 18, стр. 9—10.

⁹⁾ Там же, стр. 10.

¹⁰⁾ Там же, стр. 14.

¹¹⁾ Там же.

литературный критик, Белинский наносил удары по романтическому мировоззрению в процессе конкретного анализа продукции эпигонов романтизма и тех произведений русских писателей-реалистов, в которых ставился вопрос об ущербности романтических характеров, но при этом он не оставлял без внимания и общих концепций романтиков, что говорит о широте его подхода к данной проблеме. Герцен, не являясь литературным критиком в полном смысле этого слова, сосредоточился в основном, как замечательно глубокий философ-материалист, на разоблачении философских и социологических основ романтического идеализма и вместе с другими писателями того времени поставил тему романтизма в своих художественных произведениях. К критике запоздалого романтизма Белинский возвращался неоднократно, начиная с переписки 1839—1841 гг. с М. Бакуниным и кончая статьей «Взгляд на русскую литературу 1847 года»; Герцен особенно полно разработал этот вопрос в циклах статей «Дилетантизм в науке», «Письма об изучении природы», «Капризы и раздумье».

Считая основным вопросом философии вопрос об отношении мышления к бытию, Белинский и Герцен выделяют в его решении три стадии: античная философия характеризуется ими как, в общем, реалистическая, средневековая — как идеалистическая, а философия нового времени идет по двум путям — идеалистическому и реалистическому. Утверждая, что романтическое мировоззрение утратило «законное право» на существование, что оно является вредным пережитком, Белинский и Герцен как раз и исходили из того, что это мировоззрение тесно связано со средневековой философией. Средневековое воззрение было основано на резком противопоставлении духа и тела, на презрении ко всему природному, материальному. Жизнь средневекового человека характеризуют беспощадное отречение от всего естественного и развитие противоестественного, вечное противоречие слова и дела, мрачное сосредоточение в себе. Романтизм средних веков развил до последней крайности значение человеческой личности, которая «совлекла с себя старого Адама», то есть все непосредственное, телесное, даже земное тело, и из шаткости земных благ вывела необходимость пренебрежения ими. Эпоха Возрождения очеловечила неестественных средневековых людей, разбудила их от «эгоизма романтической сосредоточенности и психических раздражений» (т. 3, 232). Человек снова обратился к природе, почувствовал свою кровную связь с ней, а поэтому стал более ясно смотреть на вещи. «Стремительно развивающийся дух Европы в несколько веков изжил романтико-феодалное содержание» (т. 2, 294), и в XIX веке средневековый дуализм «сходит со сцены в виде романтического идеализма — явления жалкого, бедного, безжизненного, питающегося чужою кровью» (т. 3, 111). Герцен утверждает, что романтический идеализм — последний, запоздалый представитель средневекового романтизма, его последняя школа, которая «тщетно рвется к чему-то иному, недостижимому, несуществующему, к прекрасным девам без тела, к горячим объятиям без рук, к чувствам без груди... и о ней скоро скажут, как о безумной Козлова:

«Ждала, ждала,

Не дождалась и умерла» (т. 3, 111).

Романтизм «шел» средним векам, время которых миновало бесспорно, а поэтому романтический идеализм, с точки зрения Герцена и Белинского, представляет собой исторический анахронизм.

Чтобы доказать всю несовременность романтиков 40-х годов, Герцен создает в «Капризах и раздумье» комический образ г. Тогенбурга: «Пред-

ставьте вы себе, вместо изящного образа рыцаря Тогенбурга, закованного в железо, с крестом на груди, — представьте г. Тогенбурга в пальто и резиновых калошах, проводящего жизнь где-нибудь в Париже, Лондоне, Брюсселе на улице, дожидаясь, «как стукнет окно», — и вам сделается ужасно смешно» (т. 2, 71). В положении г. Тогенбурга оказались в 40-х годах XIX века люди, по той или иной причине не способные к выходу в действительную жизнь, к принятию мировоззрения, соответствующего духу времени, — славянофилы и поэты школы вульгарного романтизма, теоретики официальной народности и те представители дворянской интеллигенции, которые пошли сначала по пути познания конкретной действительности, но остановились на полдороге, не сумев перешагнуть через романтико-идеалистическое мировоззрение. Среди этих дворянских интеллигентов было немало друзей Герцена и Белинского, разделявших в конце 30-х годов их убеждения, но не рискнувших принять в 40-е годы новые истины. «Социализм и реализм остаются до сих пор пробными камнями, брошенными на путях революции и науки, — образно пишет Герцен в «Былом и думах», — группы пловцов, прибитые волнами событий или мышлением к этим скалам, немедленно расстанутся и составляют две вечных партии, которые, меняя одежды, проходят через всю историю, через все перевороты, через многочисленные партии и кружки, состоящие из десяти юношей» (т. 8, 162—163). Вместе с тем нельзя не отметить, что проблема романтического мировоззрения приобретала и более широкий социальный смысл: под влиянием романтической литературы, и особенно поэтов вульгарно-романтической школы типа Беледиктова, складывался «бытовой» романтик, в характере которого в убогой, опошленной форме находили отражение черты того же романтического идеализма.

Главный порок любых проявлений романтического мировоззрения Герцен и Белинский видят в дуализме, вырастающем на основе идеалистической философии, перекочевавшем из средневековья в XIX век. Видя, что мир развивается по своим законам, романтики, вместо познания этих законов, обращаются к идеальному, которое выступает у них в качестве силы, управляющей развитием материального. Как раз об этом пишет Белинский в письме к Бакунину в октябре 1838 года: «Надо развиваться в мысли, учиться; но, недоучившись, не надо перестраивать на свой лад действительность и других людей»¹²⁾. Великий критик уже в то время отчетливо понимал, что романтик закрывает глаза на действительность и создает свою — небывалую и абстрактную. Позднее Белинский находит очень точное определение для этой болезни романтиков — «разлад с действительностью», то есть неумение считаться с объективным ходом исторического развития, приводящее к жизни по заранее составленным программам, противоречащим реальному содержанию действительности. Разлад с действительностью — характерная черта тех дилетантов и буддистов науки, о которых писал Герцен в цикле статей «Дилетантизм в науке». В критике туманной науки дилетантов, так же как и любых других теорий, имеющих в качестве отправного пункта романтические упования, философ-материалист Герцен исходит из того, что «мир фактический служит, без сомнения, основой науки», что «дух, мысль — результаты материи и истории» (т. 2, 361). Борясь за трезвое знание, добываемое в результате изучения жизни, Герцен утверждает, что романтики, имея дело с действительностью, хотят подчинить ее своим категориям, несмотря на «пресмешные уродства», получающиеся в этом случае. Для них личные

¹²⁾ Г. Белинский. Полное собрание сочинений, Изд. АН СССР, т. 11, стр. 315.

убеждения — окончательное, безапелляционное суждение. Не умея смириться перед истиной, принять следствия науки «такими, какими они выйдут», романтики сочиняют всякого рода субъективные мечтательные теории, строят мир *arbitrarij*; они знают, «какой он должен быть по откровению, — ему же хуже, если он не такой, какой должен быть!» (т. 18, 280). Признать истину — значит отречься от мечтательной «домашней философии», противоречащей этой истине, оставить притязания на «самозаконность» разума и не пытаться перекраивать жизнь в соответствии с абстрактными теориями. Но именно на это и не способны «прекрасные души», которым дорога не истина, а то «что они называют истиной». До тех же пор, пока личность соперничает с истиной, — пишет Герцен, — «она ее ограничивает, она ее гнет, выгибает, подчиняет себе, повинувшись одному своеволию» (т. 3, 12). В соответствии с этим романтики выступают как ярые противники новых идей, они пытаются задерживать всеми отжившими идеями историческое развитие и превращаются в Дон-Кихотов. Высмеивая их безрассудство, Герцен пишет: «Личность, противодействующая всеобщему, попадает на глупое положение человека, бегущего с лестницы в то самое время, как густая колонна солдат подымается на нее» (т. 2, 101). Это «противодействие всеобщему» в его конкретной реализации ведет к реакционности общественно-политических позиций романтиков, к полному отрыву их концепций от нужд национального развития страны, о чем наглядно свидетельствует пример славянофилов. Настоятельная необходимость борьбы с ними диктовалась наступательным характером их средневекового романтизма: славянофилы с копьем в руках охраняли свою отжившую идеологию. По мнению Герцена, славянофилы создали мир химер, опираясь на прошедшее, не имея никакой симпатии в настоящем, а поэтому народ никогда не сочувствовал их теориям. «Недельные», «жалкие», «парадоксальные», «нечеловеческие» мнения славянофилов — результат их глубокого разлада с действительностью.

В дневниковых записях за 1844 год Герцен несколько раз упоминает имя Мицкевича в связи с его «курсом славянских литератур» и утверждает, что Мицкевич — «славянофил, вроде Хомякова» (т. 2, 333). Поводом для подобных обвинений послужило то, что великий польский поэт совершенно неправильно подходил к разрешению вопроса о будущем славян: в его лекциях Герцен нашел много прекрасного, пророческого, но поэт был далек «от отгадки» — «напротив, грустно видеть, на чем он основывает надежду Польши и славянского мира... Нет, не католицизм спасет славянский мир и воззовет его к жизни» (т. 2, 343). Со славянофилами Мицкевича как раз и сближали в данном вопросе романтические упования, непонимание объективного хода истории. И совсем по-другому Герцен оценил письма Форстера, в которых его особенно привлек процесс перехода от религиозных мечтаний к трезвому знанию. «Чем более он отходит от мечтаний, — пишет Герцен о Форстере, — тем ярче начинает он понимать социальное положение человека, тем глубже разумеет жизнь и природу» (т. 2, 332).

По мере обострения классовой борьбы и связанного с этим более четкого идеологического размежевания все яснее становилось, что разлад с действительностью присущ не только славянофилам, но и некоторым союзникам Белинского и Герцена по борьбе с ними. Считая, что «всякая остановка, половинность» не могут иметь места, «когда развитие идет вперед», Герцен решительно отбрасывает идеалистические и спиритуалистические концепции. Друзья как раз и разошлись с ним, по словам Анненкова, «в способе относиться к метафизическим представлениям». В «Былом и думах» Герцен ярко рассказывает, как про-

изошел его разрыв с Грановским. Не желая признавать «сухую» «холодную» мысль о смертности человека, которая является объективной истиной, существующей «независимо от того, хотим мы ее или нет», дуалистически противопоставляя дух и тело, Грановский довольно точно выразил одну из существенных сторон романтико-идеалистического мировоззрения. Его взгляд, по словам Огарева, означал «своего рода бегство от несчастий»; жизнь в соответствии с подобным взглядом была бы, как говорил Герцен, «на манер сказок» — «что кому нужно — сейчас и было бы тут как тут» (т. 9, 209).

Осознав настоятельную необходимость выйти из сферы чистого мышления в реальную сферу бытия, стать действителями, Белинский и Герцен подвергли резкой критике романтическую идею героя и толпы. Оторванной от общества личности романтиков, находящейся в состоянии обломовского ничегонеделания, они противопоставили действующую личность, формирующуюся в определенной социальной среде. В полемике с романтиками они глубоко решают вопрос о соотношении теории и практики, о развитии «философии в действие».

Исходя из того, что независимо от человека существует доступная его разуму и чувствам объективная действительность, «мир социально-исторический», писатель утверждает необходимость активного отношения к этой действительности, практической деятельности, направленной на достижение прогресса. Бытие совершается «вечно деятельном процессе», и поэтому человек из «отвлеченно-всеобщих сфер» должен перейти к «действительному осуществлению идеи». В свободном, разумном, сознательном деянии личность находит удовлетворение и положительное примирение, «входит живым звеном в живую цепь» (т. 3, 53). Только в результате деяния, соединения слова и дела, науки и жизни реальный мир из источника социальных страданий может превратиться в источник неисчерпаемых благ для человека. Приведя высказывание Аристотеля о том, что «деяние есть живое единство теории и практики», Герцен пишет: «В деянии разум и сердце поглотились одиозным действием, исполнили в мире событий находившееся в возможности... В разумном, нравственно свободном и страстно энергическом деянии человек достигает действительности своей личности и увековечивает себя в мире событий. В таком деянии человек вечен во временности, бесконечен в конечности, представитель рода и самого себя, живой и сознательный орган своей эпохи» (т. 3, 71). Пора метафизической неясности, только философской разработки проблем, прошла, жизнь требовала практического действия, и Герцен прекрасно понимает, что попытки отделить слово от дела, теорию от практики отражают стремление определенных классов к примирению с существующим порядком. Вскрывая внутренний смысл этих попыток и противопоставляя примирению борьбу за изменение общества, писатель наносил удар и по крайним выводам философии Гегеля: ведь человек «призван не в одну логику — а еще в мир социально-исторический... у него не одна способность отрешающегося понимания, но и воля, которую можно назвать разумом положительным, разумом творящим; человек не может отказаться от участия в человеческом деянии, совершающемся около него; он должен действовать в своем месте, в своем времени — в этом его всемирное призвание...» (т. 3, 76).

Именно отказ от практического действия, являющийся прямым следствием дуалистического взгляда на мир, приводит, по мнению Герцена, к исключительному развитию романтического индивидуализма. Писатель вовсе не склонен отрицать значение отдельной личности, наоборот, он видит в ней вершину исторического мира, к которой

все примыкает и которой все живет. Вопрос ставится об отношении личности к обществу, и, решая этот вопрос, Герцен категорически утверждает: «Судьба всего исключительно личного, не выступающего из себя, незавидна» (т. 2, 62), так как личность имеет «полную действительность по той мере, по которой она в обществе» (т. 2, 155). На примере Вертера Гете Герцен доказывает односторонность и ограниченность жизни, сосредоточенной только в мире личных переживаний: нежная добрая душа Вертера «не может выступить из себя», у него нет ничего «ни внутри, ни вне, кроме любви к Шарlotte». Назвав Вертера «пустым малым», Герцен противопоставляет ему «широко развернутых людей» — Моора, Телля, Пикколомини, у которых любовь «вошла великим элементом в их жизнь, но не поглотила, не всосала в себя других элементов» (т. 2, 68).

В 40-е годы Герцен и Белинский подвергают ироническому переосмыслению многие излюбленные идеи романтиков, они осмеивают романтический характер за ложные, экзальтированные понятия о человеке, за натянутость и неестественность чувств, за эгоистическую сосредоточенность на аффектированных страданиях. Удел человека, погруженного в мечтательную бездеятельность, — болезненная рефлексия, а где рефлексия, там неизменно появляются претензии на гениальность, ходульное стремление к общему благу, идеальная любовь, витание в сферах только высокого, прекрасного, — словом то, что составляет «слабый», «поверхностный» романтический характер, к решительному отрицанию которого Герцен и Белинский подходили в процессе «изживания» своего прошлого и резкой критики пережитков романтизма в некогда близких людях. Определив общее, типовое значение романтического характера, они не оставляли без внимания и его частных, отдельных проявлений, приобретающих иногда личный оттенок. Полное, законченное определение романтического характера Герцен дает в «Капризах и раздумье». «Старый юноша», о котором говорит писатель, ненавидит Гете и обожает Шиллера, презирает практическую деятельность и материальный интерес; «он не любит железных дорог, положительности, индустрии, Северной Америки, Англии; он любит средние века, платоническую любовь; ему надобен эффект, фраза» (т. 2, 85). Благородная, но нереальная натура этого старого юноши не стремится понять препятствий, а идет наперекор событиям, старается сломать препятствия, «лишь бы спасти свои юношеские мечты», и, видя, что успеха нет, останавливается и «повторяет всю жизнь одну и ту же ноту, как роговой музыкант» (т. 2, 84). Личный подтекст постановки проблемы особенно чувствуется в дневниковой записи 1842 года, в которой Герцен передает впечатления от чтения романа Ж. Занд «Орас». Определив общее содержание характера Ораса, как «хвастовство чувствами, которых нет; страдания для народа, желание сильных страстей, громких дел и полную несостоятельность, как дойдет до дела», Герцен, переводя рассуждение в личный план, многозначительно добавляет: «А между тем многие ли, сойдя в глубину души, не найдут в себе много горасовского?» (т. 2, 223). Идя к обобщениям, к выявлению основного в романтическом типе, Герцен опирался и на собственный опыт и на наблюдения над окружающими людьми и на факты литературы, что в полной мере относится и к Белинскому.

Энергичные выступления Герцена и Белинского против романтического идеализма сыграли немалую роль в том, что тема романтизма заняла в 40-е годы огромное место и в художественной литературе. Конечно, отказа от романтического мировоззрения требовала сама жизнь, эпоха, и писатели, чутко реагирующие на изменения в бытии

общественного пульса, видели несостоятельность романтических характеров, но критика Белинского и философские и публицистические работы Герцена придавали общему наступлению на романтизм более острый и целенаправленный характер. Тип романтика появляется в русской литературе еще в 20-х годах, а в дальнейшем, в конце 30-х и особенно в 40-х годах, его не оставляет без внимания ни один крупный писатель. Подходя к романтическому герою с разных сторон, ставя его в различные ситуации, писатели-реалисты подчеркивали, что разрыв с действительностью обедняет человеческое существование, ведет к примирению с существующим строем и практической бесполезности.

Среди многочисленных произведений, так или иначе затрагивающих тему романтизма, выдающееся место принадлежит роману Герцена «Кто виноват?», в котором вопрос о романтическом мировоззрении ставится в связи с двумя героями — Бельтовым и Круциферским. В Бельтове писатель запечатлел тип романтического идеалиста 30-х годов, выросшего на основе жизни крепостнического дворянства. Рассказывая биографию Бельтова, Герцен подчеркнул, что абстрактно-гуманитарное воспитание привело его к полному незнанию действительности; воспитатель и мать «рачительно завесили от него что делается на сером свете и вместо горького посвящения в жизнь передали ему блестящие идеалы; вместо того, чтоб вести на рынок и показать жадную нестройность толпы, мечущейся за деньгами, они привели его на прекрасный балет и уверили ребенка, что это музыкальное сочетание движений с звуками — обыкновенная жизнь» (т. 4, 92). И в дальнейшем, выйдя на путь самостоятельного развития, Бельтов не мог преодолеть своего разобщения с жизнью, он «трусил» перед ней, так как у него «недоставало того практического смысла, который выучивает человека разбирать связный почерк живых событий» (т. 4, 120). Но беда героя не только в воспитании, сделавшем из него «человека вообще», — аналитическая мысль Герцена идет глубже: основная причина практической бесплодности Бельтова, его мечтательного прожектерства — в общих условиях жизни дворянства: «ничто не вызывало его деятельности, она была вовсе не нужна и обуславливалась только его личным желанием», так как герой абсолютно «ни в чем не нуждался» (т. 4, 106—107). Находясь в разладе с действительностью, он с «юношеской запальчивостью и неосновательностью мечтателя сердился на обстоятельства» (т. 4, 104), не умел «жить в настоящем, ценить будущее, отдаваться ему», что, по мысли Герцена, являлось одной из «моральных эпидемий, наиболее развитых в наше время» (т. 4, 130). Незнание жизни, полное бессилие в практической сфере обусловили то, что Бельтов не сумел пойти дальше пассивно-романтического противопоставления своей личности низменной, пошлой окружающей среде. Но герой романа был близок Герцену, как человек, несущий в себе большие потенциальные возможности. Писателю казалось, что в известных условиях Бельтовы могут стать практическими людьми, что не вина их, а беда в неумении перейти от романтического неприятия общества к борьбе с ним. Эта переоценка потенциальных возможностей Бельтова объясняется не только тем, что Герцен, пройдя через культуру романтического идеализма и осознав себя в 40-е годы сторонником реализма, считал, что такой путь возможен и для его героя, но и тем, что в то время писатель стоял на позициях дворянской революционности и поэтому вообще был склонен преувеличивать значение образованного меньшинства дворянского класса. Ориентировка на образованное дворянство в какой-то степени предопределила то, что роль разночинной интеллигенции оценена в романе не совсем исторически верно, что ска-

залось в образе Круциферского. Конечно, Круциферский один из ранних разночинцев в русской литературе, но все-таки он — представитель новой социальной силы, не страдающей, как правило, от разлада с действительностью. Этим объясняется тот факт, что в романе замечается некоторое противоречие между романтизмом Круциферского и теми условиями, которые его сформировали. Тяжелая, полная лишений и труда жизнь бедняка-разночйнца вряд ли была благоприятной почвой для развития романтической односторонности. Но как тип романтика Круциферский обрисован с замечательной художественной силой. Главное в его жизни — любовь, вокруг которой расположились все остальные элементы: «он любил, как может любить нервная, романтическая натура, любил, как Вертер, как Владимир Ленский» (т. 4, 51). Как и любой другой романтик, он не знает практической жизни, так как все его знания почерпнуты из книг, — «свято верит в действительность мира, воспетого Жуковским, и в идеалы, витающие над землей», и от реальных людей и обстоятельств убегает в мир мечтаний (т. 4, 156—157). Круциферский совершенно беспомощен в разрешении практических вопросов, пасует перед любыми трудностями и всю свою жизнь хотел бы провести в рамках тихой семейной сентиментально-романтической идиллии, что явилось одной из причин трагической развязки романа.

Не обошел Герцен проблемы романтического мировоззрения и в своем остро сатирическом, памфлетном произведении «Доктор Крупов», где в соответствии с общим замыслом романтизм рассматривается как одно из проявлений «родового безумия человечества», как духовная золотуха, одна из «злотворнейших психических эпидемий».

Таким образом, в 40-е годы Герцен вел борьбу с романтическим мировоззрением всеми доступными средствами — и как философ и публицист, и как художник слова, показывая, что в любой области, будь то личная или общественная жизнь, романтизм приводит в тупик. Писатель подчеркивал, что это мировоззрение не имеет никакого права на будущее, и его статья «Дилетанты-романтики» была своеобразной эпитафией запоздалым романтикам.

Вместе с тем необходимо отметить, что, отрицая романтический идеализм как мировоззрение, препятствующее познанию и изменению действительности, Герцен, как и другие русские писатели, всесторонне, диалектически рассматривая проблему, постоянно подчеркивал, что в романтизме есть зерно всеобщечеловеческой истины, что романтизм не умирает и не умрет, потому что его элементы являются вечными свойствами человеческой природы. «Жизнь там, где человек, а где человек, там и романтизм», — писал Белинский¹³). Герцен, утверждая, что «вечные элементы, классические и романтические, без всяких насильственных средств живы», так как они принадлежат «двум истинным и необходимым моментам развития духа человеческого во времени», доказывает эту мысль фактом существования двух типов людей — «классиков» и «романтиков», и тем, что почти каждый человек на пути из отрочества в юность проходит через романтический период. Юность, время первой любви, «располагает к романтизму», который «очищает, облагораживает душу, выжигает из нее животность и грубые желания» (т. 3, 37).

Время романтизма в целом проходит вместе с юностью, но это не значит, что «право» на романтизм в дальнейшей жизни имеют только романтики «по натуре». Герцен не сомневался в том, что в юности

¹³) Г. Белинский. Полное собрание сочинений, Изд. АН СССР, т. 11, стр. 145.

«есть нечто, долженствующее проводить до гроба, но не все: юношеские грезы и романтические затеи очень жалки в старике и очень смешны в старухе» (т. 2, 83). Остановиться на юности нельзя, и человек, способный на «совершеннолетие», из юношеского романтизма строит практический взгляд, расширяет свои понятия, беспрестанно развиваясь, воспитывая убеждения по событиям, и в этом развитии остается всегда молодым: «Натура реальная почти не имеет способности стариться—она по преимуществу душа живая» (т. 2, 84). Остаться навек мечтательно-вздыхающим безнадежно по ней, стремящимся и возносящимся, не видя, что под ногами делается, что над головой гремит, — это значит выйти из жизни в какую-то степь, «по которой сколько ни пройдешь, столько же останется», но жить в вечной суете ежедневности, совершенно внешней и ограниченной жизнью — значит так же выйти из жизни... на «скотный двор». По остроумному замечанию Герцена, подлинная жизнь не доступна ни тем, ни другим и величественно течет между этими двумя крайностями, для примирения которых необходимо, что в человеке навсегда сохранилось стремление к высшему идеалу, чистота и приподнятость чувств, полет романтической мечты наряду с трезвым и ясным взглядом на вещи и умением претворять свои идеалы в действительность. Слишком мало романтизма — «человек в толпе, с низкими желаниями, безгласен», слишком много — «человек вне действительности, в сфере праздной и бесполезной» (т. 2, 72). Романтика нового типа входила составной частью в мировоззрение человека, идеал которого отстаивали Герцен и Белинский в 40-е годы. Это была активная, действующая личность, раскрывшая свою душу всему человеческому, живущая «страданиями и наслаждениями современности», сильная патриотическим участием в освободительной борьбе эпохи, но не отвергнувшая влечений сердца, не отрекшаяся от своей индивидуальности (т. 2, 63). Видя в человеческом существовании две стороны — внутреннюю, душевную, иными словами романтическую, и общую, включающую сочетание интересов, выходящих из сферы индивидуальности, Белинский подчеркивал, что только «в гармонии, т. е. во взаимном соприкосновении одной другою этих двух сторон... заключается счастье современного человека»¹⁴).

Жизнь подтвердила силу и прозорливость этих глубоких мыслей Герцена и Белинского. Самым трезвым реалистом прошлого и настоящего, людям, перестраивающим мир, всегда был близок и полет романтической фантазии и веяние романтической мечты.

¹⁴) Г. Белинский, Полное собрание сочинений, Изд. АН СССР, т. II, стр. 158.

Н. Н. ГРУЗИНСКАЯ

СРЕДСТВА РАСКРЫТИЯ ХАРАКТЕРА ГЛАВНОГО ГЕРОЯ В РОМАНЕ А. Ф. ПИСЕМСКОГО «МЕЩАНЕ»

Творчество А. Ф. Писемского, одного из оригинальнейших представителей русского классического реализма XIX века, всегда вызывало полемику в критике. В наше время определились два противоположных взгляда на эволюцию творчества писателя¹⁾.

Один из них, традиционный для буржуазно-либерального литературоведения конца XIX века, отрицает художественную ценность его произведений после 1863 г. В этом году А. Ф. Писемский выпустил антинигилистический роман «Взбаламученное море», желая дать такой щелчок революционерам, после которого они бы не оправились. Роман, действительно, сыграл роль щелчка, но только для самого автора, которому критика до конца его дней не простила этого произведения. Лишь отдельные исследователи и писатели пытались доказать, что к 70 годам «взбаламученный период» в творчестве А. Ф. Писемского закончился. Большинство же отзывов о произведениях писателя после романа «Взбаламученное море» было отрицательно.

Другая группа современных исследователей творчества А. Ф. Писемского опирается на традиции революционно-демократической критики 50 гг. Она стремится показать прогрессивный ход развития мировоззрения и литературной деятельности писателя после пресловутого «Взбаламученного моря».

Все же традиционное представление о гибели таланта А. Ф. Писемского после 1863 г. не опровергнуто до сих пор. Это в значительной мере объясняется тем, что наследие писателя еще не изучено всесторонне. Нет ни одной большой монографии о творческом пути А. Ф. Писемского, не исследовано полностью его рукописное наследие и т. д. Вопрос о характере той эволюции, которую претерпело творчество писателя, и о его месте в русском реализме XIX века до сих пор еще остается открытым.

Одной из неисследованных проблем является форма романов А. Ф. Писемского и, как важнейшей ее компонент, способы раскрытия характеров. Эта проблема имеет большое значение для понимания природы и специфики художественного метода писателя. Цель настоящей статьи — проанализировать средства создания образа главного героя в романе «Мещане» (1877 г.). Это одно из наименее исследованных произведений А. Ф. Писемского, его предпоследний роман. Ана-

¹⁾ См. статью А. А. Рошаль, «К вопросу об изучении творчества А. Ф. Писемского», Ученые записки Азербайджанского пед. ин-та рус. яз. и лит. им. М. Ф. Ахундова, вып. 2, 1957.

лиз его поможет судить о том, действительно ли писатель в 70 гг. не создал ничего равного по художественной ценности своим произведениям до 1863 г.

Писатель работал над романом в то время, когда «мещане» (буржуазия) уже активно утверждали свое господство в России. Еще в конце 50 гг. «Библиотека для чтения», редактируемая им, установила: «Громадные капиталы пришли в движение, сотни проектов стали появляться один за другим, и вся эта деятельность выразилась в одной общей форме — акционерных компаний... Как грибы растут у нас акционерные компании... Что акционеры многих из этих компаний увеличат свое благосостояние, в этом нет никакого сомнения; но как они поведут дела в отношении к развитию благосостояния общественного, этот вопрос, который разрешится, когда скажутся следствия этой деятельности»²). Следствия деятельности «мещан» не замедлили сказаться, и писатель дал совершенно определенный ответ на вопрос о их роли в общественном развитии России. А. Ф. Писемскому было ненавистно «мещанство». Об этом свидетельствуют его высказывания в письмах³) и антиинигилистические пьесы-памфлеты 70 гг. («Ваал», «Подкопы», «Просвещенное время», «Финансовый гений»).

Резкое обличение хищничества «мещан», показ убогих сторон их морали и эстетики заняли главное место также в романе «Мещане». Как заметил один из современников, «превосходно очерченные типы» в этом произведении передают «гоньбу за наживой, которая составляет особенность и характерную черту нашего времени»⁴).

В образах беззащитного дельца Янсутского, банкрота, обвиняемого в преступлении, Хмурина, ходатая по купеческим делам Грохова, и других писатель показал, как погоня за наживой уродует человека. Она губит все его духовные запросы и ставит соображения корысти выше таких понятий, как честность, дружба, любовь.

Наиболее ценной стороной произведений А. Ф. Писемского 70 гг. было обличение «Ваала» как «сильного врага». Самым же уязвимым местом в критике капитализма писателем явилось недостаточное понимание антинародного характера деятельности «мещан»⁵). Кроме того, он стал искать борцов с «мещанами» в среде патриархального дворянства. Эти поиски воплощены в образе главного героя романа «Мещане». Сознавая слабость подобных борцов, А. Ф. Писемский расписался в собственном бессилии найти управу на «смелого жулика»: он назвал его «гением века»⁶). Эта неспособность увидеть перспективу общественного развития и передовых героев времени оставила писателя в стане колеблющихся мелкобуржуазных демократов. А в 70 гг. на арену революционной борьбы вышли народники, зарождалось расчлененное движение. Правда,

²) «Библиотека для чтения», № 12, 1858 и № 2, 1859, «Смесь», «Современная русская летопись».

³) А. Ф. Писемский, «Письма», М.—Л., 1936, стр. 262, 391.

⁴) «Театральная газета», № 50, 1877.

⁵) Так считал и М. П. Еремин, предисловие к Собр. соч. А. Ф. Писемского в 9 тт., М., т. 1, 1959.

⁶) Когда Марлинского фрегат
Попал на мель, и в бричке скромной
Изволит Чичиков катать,
Что в этот век в листок альбомный,
Скажите, может написать
Наш брат, в сатире закошенный,
Как только разве восклицать,
Что гений века — жулик смелый.

(Стихотворение А. Ф. Писемского, 1879 г. Напечатано в Полн. собр. соч., Сиб., т. 8, 1911).

в романе 1871 г. «В водовороте» А. Ф. Писемский в значительной степени порвал с антинигилистической позицией «взбаламученного» романиста и утверждал революционные идеалы 60 гг. Этим роман противостоял таким антинигилистическим произведениям 70 гг., как «Бесы» Достоевского, «На ножах» Лескова, «Марина из Алого-Рога» и «Четверть века назад» Б. Маркевича⁷), а также тем романам, где умеренные взгляды и «малые» дела прописывались как средства обновления жизни («Шаг за шагом» Федорова-Омулевского, «Большая медведица» Вс. Крестовского и многочисленные романы и повести на страницах журнала «Дело»).

Но в 70 гг. было уже недостаточно выразить задним числом согласие с революционными идеалами 60 гг. (К тому же в романе «В водовороте» писателя не оставляет антинигилистическая мысль об обреченности революционной борьбы). К тому же, критикуя в романе «Мещане» пороки общественного развития, А. Ф. Писемский возлагает надежду на патриархальные устои, нравственное совершенствование и религиозность.

В образе Бегушева, главного героя «Мещан», получили отражение многие черты мировоззрения А. Ф. Писемского. Прежде всего, та резкая критика капитализма, которая составляет сильную сторону романа, вложена в уста Бегушева. Поэтому главный герой представляет интерес.

Выбор средств для создания его образа определяется не только своеобразием общественно-политической позиции писателя в 70 гг., но и эстетическими взглядами А. Ф. Писемского в это время.

В 70 гг. писатель остался верен реалистическому принципу изображать «страсти человека и самое время»⁸). Он противопоставлял этому «... темную деятельность Булгарина», «несвойственную русскому человеку мечтательность Жуковского», «бесстрастные страсти Марлинского», «притворный и фабрикованный патриотизм» Полевого, «риторическо-ходульно-величавые фигуры» Кукольника⁹).

Сам писатель воспринимал время, эпоху как нечто трагическое¹⁰), так как не видел сил, способных побороть натиск «Ваала». Это обусловило его эстетическое требование трагического изображения действительности. Не случайно интриги романов А. Ф. Писемского 70 гг., а также образы главных героев в них имеют трагический характер.

Другую особенность эстетики писателя составляет принцип психологического и интеллектуального анализа немногих избранных черт характера. Зато А. Ф. Писемский настаивал на необходимости подчеркнуть их социальную обусловленность. Для такого заострения социально-психологических характеристик как нельзя более подходит часто используемая автором форма короткого письма и сцены с относительно короткими монологами.

Максимальная объективность в выражении авторской оценки — неизменный принцип в эстетике А. Ф. Писемского. Им обусловлено преобладание косвенных характеристик в его романах 70 гг. Причем нередко косвенные и прямые оценки соотносены неумело, а подчеркнутая беспристрастность местами перерастает в объективизм.

В полном соответствии с принципом усиленной объективности повествования А. Ф. Писемский считал главным средством раскрытия

⁷) Оговоримся, что объединяем такие неравноценные по художественным достоинствам произведения лишь на основании общих антинигилистических идей в них.

⁸) А. Ф. Писемский, Письма, М.—Л, 1936, стр. 190.

⁹) Там же, стр. 236—237.

¹⁰) Там же, стр. 182, 190.

характера действие¹¹⁾. Отсюда стремление сделать повествование драматичным не только по содержанию, но и по форме. Драматизм в романе выражается в поисках писателем острого, занимательного сюжета, широте сюжетно-композиционного здания, усложнении в распределении действия на месте и во времени, сценичности в изложении.

Перейдем непосредственно к анализу средств создания образа Бегушова. Писатель показывает характер своего героя в контрастном сопоставлении с характерами «мещан» и обуржуазившихся дворян. Раскрытие характеров по контрасту и сходству, а также связанная с этим сложная группировка образов были свойственны роману А. Ф. Писемского еще в 50 гг. В «Мещанах» писатель продолжает развивать эту традицию реалистической формы русского классического романа XIX века.

Передовая полемика героя с «мещанами» и теми дворянами, которые приспосабливаются к буржуазному укладу жизни, автор проводит интеллектуальный анализ его характера. Во многочисленных диалогах Бегушев высказывает резко отрицательный взгляд на экономическое господство в стране «Таганки с Якиманкой», на упадок искусства в век «мещан». Герой критикует капитализм и в мировом масштабе. Так, в споре со своим петербургским другом чиновником Тюменевым он против того, чтобы рабочие и хозяева уравнились на английский манер, то есть против «курицы во щах» для рабочей аристократии Бегушев разочаровывается во французской революции 1848 г. именно потому, что видит лишь победивших в Европе «мещан».

Эти взгляды героя появились как результат изучения А. Ф. Писемским мировоззрения Герцена, на которого он отчасти ориентировался при создании образа Бегушева как на прототип¹²⁾. Элементы атеизма в мировоззрении Бегушева, его предсказания франко-прусской войны, разочарование в молодой эмиграции 60 гг. повторяют данные биографии Герцена¹³⁾.

Знакомство с единственным сохранившимся черновым вариантом романа «Мещане» показывает, что писатель значительно расширил интеллектуальный анализ характера Бегушева. В ряде диалогов бескорыстный, честный дворянин противопоставляется жадным и нечистым на руку «мещанам». Например, в рукописи отсутствует разговор героя с врачом богатых барынь Перехватовым. В этом разговоре Бегушев предлагает не поддерживать банки своими вкладами, так как в отличие от Перехватова, его интересуют не большие проценты, а судьбы России которую банки ставят на капиталистический путь развития.

В диалогах, содержащих интеллектуальный анализ характера главного героя, как критика буржуазного уклада жизни, раскрывается бегушевское непонимание исторической роли капитализма, а также путей борьбы с ним. В разговоре с Тюменевым герой выступает противником железных дорог и промышленных выставок. Россию Бегушев считает пастищем второстепенных племен, а капитализм — исторической бессмыслицей. Он наивно верит, что русско-турецкая война заставит торгаша присмиреть.

¹¹⁾ А. Ф. Писемский, Письма, М.—Л, 1936, стр. 75.

¹²⁾ В письме к одному из издателей журнала «Пчела» М. О. Микешину от 23/II-1877 г. А. Ф. Писемский сообщает, что имел в воображении характер лиц Бегушева и Герцена, работая над образом Бегушева (Письма, М.—Л, 1936). Герценизм в герое отметила и критика: А. Налимов, «Забыт ли Писемский?», «Образование», кн. 7—8, 1901. В наше время об этом писал И. А. Мартынов во вступлении к Избранным произведениям А. Ф. Писемского, М.—Ярославль, 1940 и др.

¹³⁾ Подробно пишет о связи образа Бегушева с его прототипом Герценом Б. Козьмин «Писемский и Герцен. К истории их взаимоотношений», «Звенья», М., т. 8, 1950.

Теоретическая ошибка в высказываниях героя заключается и в том, что он защищает патриархальность в социальных устоях и традиции дворянской культуры. Бегушев видит выход в пришествии на землю Христа для «обновления душ от смрада материальных благ». Господству Таганки и Якиманки он противопоставляет бегство в науку и искусство, забвение в вине. В беседе с Тюменевым Бегушев признает свое бессилие перед «мещанами». Он вскрывает и причину того, что прожил пятидесятилетнюю жизнь тунеядца. Это, как он выражается, сытый желудок и огромное самодлюбие.

Исследователь мастерства Тургенева-романиста А. Г. Цейтлин справедливо отметил, что «роман А. Ф. Писемского отличался широтой социального фона, сочностью бытовых картин и в то же время элементарностью человеческих характеров»¹⁴⁾. В 70 гг. в творчестве писателя все большую роль приобретает интеллектуальный анализ. Это отражало общую тенденцию в эволюции реализма А. Ф. Писемского. Философский характер романов Толстого и Достоевского, появление социального романа в русской литературе 60 гг. — все это не прошло мимо уже старого мастера. Теперь А. Ф. Писемского интересует мировоззрение героев как таковое, а не только его проявление в поступках. Осмысление проблем современности самим героем стало необходимым элементом в идейном содержании романа. Соответственно важное значение приобретает форма сцены, раскрывающая взгляды героев, особенно диалог. Именно он, а не монолог или описание, составил своеобразие в оформлении интеллектуального анализа у А. Ф. Писемского. Это вполне объяснимо тем, что писателя интересовали только крупные черты интеллектуальной жизни героев, между тем как монолог чаще используется при детализированном интеллектуальном анализе взглядов героя. Кроме того, форма диалога более соответствовала специфическому для А. Ф. Писемского проведению косвенной авторской оценки.

Еще одной стороной своеобразия реализма А. Ф. Писемского-романиста явилось преобладание косвенной оценки над прямой. Он был ярким врагом дидактики в искусстве, стремился избегать прямых оценок и выражать свое отношение к героям через логику развития действия и другие виды косвенной оценки. Вместе с тем писатель иногда доходил до крайности: пренебрегал прямой оценкой и нечетко проводил свою точку зрения через косвенную оценку. А. Ф. Писемский защищал беспристрастие как возможность писать «не для услады каких-либо партий»¹⁵⁾. Он приписывал всем великим художникам работу по пословице: «клади в мешок, дома разберешь»¹⁶⁾. Подобное принижение субъективного момента в искусстве привело писателя к художественным просчетам.

Эмоциональная окраска интеллектуального анализа характера Бегушева достаточно противоречива. С одной стороны, оценка автора явно положительна. Об этом свидетельствует и работа А. Ф. Писемского над рукописью.

В рукописи стремления героя защитить оскорбленных и наказать обидчиков объяснялось «... впечатлением прочтенных им в ранней молодости рыцарских романов, а также романа «Парижские тайны», где некий князь ходит по Парижу, к одним является ангелом-утешителем, а к другим — кару и наказание несущим»¹⁷⁾. В романе писатель говорит

¹⁴⁾ А. Г. Цейтлин, Мастерство Тургенева-романиста, М., 1958, стр. 419.

¹⁵⁾ А. Ф. Писемский, Письма, М.—Л., 1936, стр. 350.

¹⁶⁾ Там же.

¹⁷⁾ А. Ф. Писемский, Мещане, ГБЛ, ф. 407, карт. 2, ед. хр. I, пост. 3103, л. 386.

уже о прирожденном рыцарстве Бегушева, который с детства заступался за слабых и смиренных товарищей, награждая «бегушевскими» затрепинами нахалов и подлецов.

Примером работы автора над раскрытием положительных черт Бегушева может служить и устранение имевшегося в рукописи замечания о богомольности его любимой Натальи Сергеевны. Это лишний раз косвенно подчеркивает атеизм самого героя. Не вошла в печатное издание и оценка Бегушева Янсутским: «говорун и краснобай».

В этой авторской правке уже сказалась некоторая идеализация главного действующего лица. Саморазоблачения носят характер героического самобичевания, прямой же отрицательной оценки слабости бегушевского идеала в романе нет. А. Ф. Писемский недостаточно критикует Бегушева как слабого борца с «мещанами».

Он так и сообщал одному из издателей «Пчелы» о замысле образа главного героя: «Что барство Бегушева необходимо выразить, это вытекает из внутреннего смысла романа: на Бегушеве-барине пробуются, как на оселке, окружающие его мещане; не будь его, — они не были бы так ярки; он фон, на котором они рисуются»¹⁸). То, что единственным «оселком» для мещан является положительный барин, отражает слабые стороны мировоззрения А. Ф. Писемского 70 гг. Как справедливо заметил И. А. Мартынов, дворянин, типа Бегушева, был бы хорош в смысле общественной значимости до появления разночинца¹⁹). А в 70 гг. программа героя «Мещан» требовала не менее острой критики, чем «мещанская» мораль.

Известная идеализация образа Бегушева и явилась причиной того, что критики видели нарушение логики развития характера в некоторых рассуждениях героя²⁰). Еще в 70 гг. Н. К. Михайловский считал разговоры Бегушева на научные темы комически наивными и неуместными²¹). Вместе с тем этот критик явно преувеличивал, когда отрицательно оценил характер главного героя, что было свойственно и буржуазно-либеральным литературоведам конца XIX века. Их взгляд на Бегушева только как на «культурный пустоцвет 40 гг.» в наше время пересматривается²²).

Знакомство с работой писателя над рукописью показывает, что писатель чувствовал эстетическую слабость образа главного героя и пытался преодолеть ее. Например, А. Ф. Писемский вводит эпизод, в котором Бегушев дарит шубу обносившемуся графу Хвостикову. Эта христианская жалость ко всем, в том числе к не желающему работать нищему аристократу, не вызывает одобрения у читателя. Косвенную отрицательную оценку характера Бегушева можно усмотреть также и в частичном устранении «герценизма». Из чернового автографа был впоследствии удален намек на биографическую общность героя с прототи-

¹⁸) А. Ф. Писемский, Письма, М.—Л., 1936, стр. 347.

¹⁹) И. А. Мартынов, Предисловие к Избранные произведениям А. Ф. Писемского, М.—Ярославль, 1940.

²⁰) Об этом пишет М. П. Еремин. Предисловие к Собр. соч. А. Ф. Писемского в 9 т., М., 1959.

²¹) Н. К. Михайловский, Литературные заметки 1878 г., Собр. соч., Спб. т. 4, 1897.

²²) Преимущественно отрицательная оценка образа Бегушева содержится в работе Оникса «Литературный самородок», Литературный журнал, № 5, 1881; в отзывах П. В. Анненкова в письмах к автору от 9/VI-1878, «Новь», № 20, 1888; М. О. Микешина и А. В. Прахова, письма к автору от 22/II и 25/II-1877 г., «Известия книжных магазинов т-ва Вольфа», №№ 5—6 за 1913 г., в отзыве «Новороссийского телеграфа», № 780, 1877.

Этот взгляд на характер Бегушева опровергается в исследованиях советских критиков: И. А. Мартынова, М. П. Еремина, Б. Козьмина и др.

пом: гибель жены и детей на пароходе. В рукописи Бегушев был разжалован и сослан не за дуэль с мужем Натальи Сергеевны, но за урок вежливости, который он дал командиру в бытность свою в гвардии. В черновом варианте и борьба героя с должниками сестры проходила с большим успехом.

Подобное устранение положительных черт характера в процессе работы над образом Бегушева оттенило слабость героя как критика капитализма и носителя патриархальных и христианских идеалов. Это не позволяет считать образ полностью идеализированным.

Особого внимания заслуживает работа писателя над рукописью, когда он стремится выявить те черты характера Бегушева, которые выступают в его отношениях с Домной Осиповной. Эти черты лишены даже оттенка идеализации, окрашивающего мировоззрение героя. Для их раскрытия автор использует психологический; углубление этой формы анализа от романа к роману было тенденцией творчества А. Ф. Писемского.

В Бегушеве любовь к Домне Осиповне сочетается с жалостью к «этому разбитому мужем существу» и желанием вырвать красивую женщину из окружающего ее мира торгашей. Но бессильный в борьбе с мещанами герой не в состоянии сделать и это, так же как вытравить из сердца самой Домны Осиповны страсть к одной только наживе.

Работая над рукописью, А. Ф. Писемский, с одной стороны, подчеркнул упорное желание героя любить и освободить свою избранницу от мещанской пошлости и корыстолюбия, а с другой стороны, яснее раскрыл те противоречия во взглядах героев, которые сделали их союз невозможным. Например, в черновом автографе отсутствовал разговор Бегушева с Тюменевым, в котором первый высказывает свое намерение закончить дни «около этой госпожи», несмотря на ее поверхностное образование. Автор также заменил воспоминание героя о юности и верховой езде на Кавказе мыслями о Домне Осиповне после их разлуки. Вместе с тем в рукописи не было прямой авторской характеристики: «Ему как будто бы совестно было за Домну Осиповну» во время ее рассказа о жизни с развратным мужем, которую она терпела только из-за денежной выгоды. Отсутствовал и диалог героев по поводу платы Перехватову за лечение Бегушева, где раскрыта противоположность двух натур: противника капитализма и типичной приобретательницы: «Я дала ему десять рублей», — отвечала Домна Осиповна. — «Мало это... Они нынче очень жадны», — проговорил Бегушев. — «Совершенно довольно, а то вы его избалуете; он и с нас, грешных, будет того же требовать». Домна Осиповна не любила ни своих, ни чужих денег тратить много²³). Наконец, писатель не случайно устраняет ласковое и интимное обращение Бегушева к Домне Осиповне: «Додо».

Таким образом, знакомство с работой писателя над рукописью показывает, что, хотя авторская оценка характера Бегушева и сложна, противоречива, в романе выступает социально определенный и, вместе с тем, живой характер умного и высоко культурного дворянина, несчастного в личной жизни потому, что он не умеет бороться с ненавистными ему мещанами.

Анализируя любовные отношения героя, А. Ф. Писемский вскрывает социальные причины их развития и исхода. В духе традиции предыдущих романов психологический анализ не исключает социального исследования характера героя «Мещан». Лишь по отношению к приемам раскрытия характеров в более ранних романах А. Ф. Писемского психо-

²³) А. Ф. Писемский. Собр. соч. в 9 тт., М., т. 7, 1959, стр. 111.

логический и интеллектуальный анализ в «Мещанах» можно считать углубленным. Большую роль в раскрытии тех небольших изменений, которые происходят в характере Бегушева, играет социальный анализ. Не только развитие характера, но и его возникновение получает подробное социальное обоснование. В повествовании о *Vorgeschichte* героя автор указывает, условия, которые определили формирование взглядов Бегушева: память о декабристах, впечатления от революции 1848 г. в Париже, знакомство с русской эмиграцией. Бегушев появляется в романе в то время, когда он уже осознал свою неспособность служить обществу, провести свои политические идеи в жизнь. Попытки оказать помощь бедным через церковь и квартал проваливаются. Любовь — это то последнее, на что еще надеется герой как на выход для своих духовных стремлений и душевных сил. Поиски любви, как одной из форм защиты женской красоты от наступления мещанской морали и эстетики, становятся едва ли не первой целью Бегушева.

Писатель показывает, что крах надежды героя на любовь к Домне Осиповне, а затем к Меровой был социально обусловлен. Обе эти женщины — жертвы: если Домна Осиповна является жертвой мещанской морали, то Мерова — своего дворянского происхождения и воспитания, которые оставляют ей единственный путь выйти из бедности — продаться богатым мещанам. Таким образом, в основе неудач Бегушева в любви лежит его столкновение со всем мещанским укладом жизни. В этом столкновении он терпит поражение, становится почти самоубийцей.

Последняя фаза развития образа — это участие героя в неправомерно понятой им войне, где он, однако, увидел народ и был рядом с ним. Социальные причины и условия смерти Бегушева придают ей трагикомический характер, в котором трагическое звучит более интенсивно. Насильственное прекращение развития характера — смерть героя — обусловлено внутренними противоречиями свободолюбивого барина, который не умел ни бороться с мещанским укладом жизни, ни примириться с ним.

Трагическая окраска образа Бегушева — результат тех же причин, что внесли трагизм в образ еще одного дворянина, не сумевшего найти места в жизни, — князя Григорова (роман «В водовороте»).

Итак, раскрытие социальной обусловленности возникновения, развития и завершения развития характера занимает в романе большое место.

А. Ф. Писемский унаследовал интерес Гоголя к социально значительным мелочам жизни, обстоятельствам происхождения и развития характеров. У Гоголя любовный сюжет почти вообще отсутствовал. У А. Ф. Писемского он есть. Но любовные отношения и психологию личности писатель не только рассматривал как следствие социальных причин. Самые причины и обстоятельства — главный предмет его внимания. Для А. Ф. Писемского роман был в первую очередь «художественной статистикой времени и ближайшим помощником истории»²⁴⁾. Определяя этот жанр как «плод материальной и духовной организации автора и концентрации действительности — внешней или психической»²⁵⁾, — писатель явно тяготел к концентрации внешней действительности. Простота психологической и интеллектуальной жизни героев А. Ф. Писемского является результатом осуществления этого общего принципа эстетики писателя. Простота психологического и интеллектуального анали-

²⁴⁾ А. Ф. Писемский, Письма, М.—Л., 1936, стр. 245.

²⁵⁾ Там же, стр. 364.

зов приводит к резкости и некоторой грубоватости образов у А. Ф. Писемского. Отметивший это А. А. Измайлов считал «силу простоты лучшим козырем в игре А. Ф. Писемского»²⁶).

Своеобразием в использовании приемов характеристики Бегушева является создание двух образов его двойников: камердинера Прокофия и бедного дворянина Долгова, который выступает оппонентом в разговорах с Бегушевым и вызывает особое сочувствие главного героя.

В образе Долгова в утрированном виде раскрыто бездействие Бегушева, потребность рассуждать на темы политики и искусства, его беззащитность, как идеолога отживающей дворянской культуры, перед лицом капиталистической действительности. Положительные черты у героев также общие: защита лучших традиций дворянской культуры, желание приблизиться к народу на русско-турецкой войне и т. д. Различия в характерах героев не нарушают общность их социально-культурного типа. Поскольку в Долгове писатель акцентирует слабость этого типа, образ двойника помогает глубже понять слабые стороны характера Бегушева.

Образ Прокофия оттеняет исключительность главного героя и трагичность его судьбы. Необычность слуги явствует уже из его внешности: мрачная физиономия и как-то глупо подвитые на концах волосы. Исключительно его поведение в доме Бегушева: он едва выполняет свои обязанности и, тем не менее, отказывается совсем ничего не делать. К концу романа это воспринимается как намек на «отменного соболя» Бегушева, необычного человека среди штампованных мещан и дворян, перерождающихся в мещан.

Поступки Прокофия таковы, что их мог бы совершать только его хозяин, очутись он на месте слуги. Например, камердинер не берет 25 рублей от мещанки Домны Осиповны, подчеркивая этим свое презрение к «новым» хозяевам. О том же свидетельствует его неприязненное отношение к буржуазному аферисту Янсутскому. Лнеь Прокофия-слуги — это намек на безделье его барина, который лишь проповедует ненависть к мещанам, но не в состоянии даже записать свои взгляды. Неудачи в личной жизни Прокофия и его отъезд на войну вместе с баринском повторяют последний трагический фазис в биографии Бегушева.

При раскрытии характера Бегушева большое значение имеет его портрет. М. О. Микешин сообщал А. Ф. Писемскому, что он ясно представляет Бегушева «с густой короткой бородкой, которая идет лишь к свободолюбивым нашим барам»²⁷). В коротком портрете героя писатель акцентирует его происхождение и роль хранителя традиций дворянской культуры. То, что герой вышел живым и интересным человеком, — результат упорного труда писателя над его социальным портретом.

Приведем рукописный и печатный варианты портрета Бегушева:

«В Большом театре давали «Травиату». Примадонна была восхитительна. В переднем ряду, между все почти военными, сидел один статский. В его фигуре, начиная с курчавой и значительно уже поседевшей го-

«В Большом театре давали «Травиату». Примадонна была восхитительна. В переднем ряду, между все почти военными, сидел один статский. В его фигуре, начиная с курчавой, значительно поседевшей головы и вы-

²⁶ А. А. Измайлов, А. Ф. Писемский, Ежемесячное литературное и популярно-научное приложение к ж. «Нива», № 11, 1909, стр. 439—472.

²⁷ Письмо М. О. Микешина от 22/II-1877 г., Известия книжных магазинов т-ва Вольфа, №№ 5—6, 1913.

ловы и с выражения весьма, как видно, подвижного лица до посадки всего тела проглядывало что-то гордое и осанистое и вместе с тем какое-то прирожденное изящество. Он сидел, опершись своими красивыми руками на палку. Костюм его весьма щеголеватый весь состоял из одноцветной темной материи»²⁸).

Писатель делает портрет более точным, лаконичным и, в соответствии с принципом максимальной объективности, удаляет черточки аристократизма, раскрытые слишком прямо.

**
*

Таким образом, при создании образа Бегушева А. Ф. Писемский провел большую работу — о чем свидетельствует и сохранившийся черновой вариант — над развитием способов реалистической типизации, которые были им выработаны в предыдущих романах.

Анализ основных средств³⁰) раскрытия характера главного героя в предпоследнем романе А. Ф. Писемского показывает, что писатель овладел мастерством реалистической типизации, в проведении которой он был достаточно своеобразен. Специфические черты характерологии писателя отражают своеобразие реализма в его романах в целом.

Вопрос об этом своеобразии ждет дальнейшего более полного исследования, но ознакомившись с приемами создания одного образа в романе «Мещане», уже можно сделать вывод, что суждение об упадке реализма А. Ф. Писемского после 1863 г. вряд ли оправдано.

²⁸) А. Ф. Писемский. Мещане, ГБЛ, ф. 407, карт. 2, ед. хр. 1, пост. 3103, л. 1.

²⁹) А. Ф. Писемский. Собр. соч. в 9 тт., М., т. 7, 1959, стр. 3.

³⁰) Проблема языка автора и героя составляет предмет специального исследования. Несмотря на частое использование речи героя, писатель не сделал его язык индивидуальным, специфическим средством раскрытия характера. Речь Бегушева не отличается от авторской.

Л. И. КОРОЛЬКОВА

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ТВОРЧЕСТВА С. Г. СКИТАЛЬЦА

Имя С. Г. Скитальца, талантливого писателя-демократа предреволюционной эпохи, затем плодотворно работавшего в советской литературе, широко известно советскому читателю. Творческий путь Скитальца продолжался почти полвека (1897—1941 гг.). За это время в его работе были периоды творческого подъема, ознаменовавшиеся созданием значительных в идейно-художественном отношении произведений, и годы зстоя, творческих неудач и ошибок. Перед нами стоит задача наметить основные вехи творческого пути писателя.

Наиболее плодотворными в творческом развитии Скитальца были годы общественного подъема накануне первой русской революции во время революционной бури. На произведения Скитальца этих лет обратил внимание В. И. Ленин. Получив в Лондоне V том «Рассказов» М. Горького и I том «Рассказов и песен» Скитальца, он писал М. А. Ульяновой 7 июня 1903 г.: «Горького, Скитальца получил и читал с очень большим интересом. И сам читал и другим давал»¹⁾.

Писательский талант Скитальца высоко ценили А. М. Горький²⁾ и А. П. Чехов³⁾. Горький много работал со Скитальцем как редактор его произведений, он хотел, чтобы ценный опыт писателя из народа был передан читателю как можно более ярко и образно.

В годы революционного подъема Скиталец — активный участник горьковского «Знания», писатель-реалист. В лучшей части своего творчества он поднимается до революционного демократизма. В это время Скиталец активно работал и как поэт⁴⁾ и как прозаик. В своих прозаических произведениях 1900—1906 гг. Скиталец освещает наиболее острые, актуальные проблемы, стоявшие в центре внимания литературы того времени: проблему таланта из народа, из среды трудящихся масс⁵⁾; проблему крестьянства; своеобразное преломление в его творчестве нашла тема босячества, жизненного «дна»; показал Скиталец и передового рабочего, участника освободительной борьбы.

В 1900—1906 гг. Скиталец особенно много творческого внимания уделяет изображению крестьянства. Крестьянство являлось резервом социалистической революции. В борьбе рабочего класса с самодержа-

¹⁾ Сб. «В. И. Ленин о литературе и искусстве», ГИХЛ, М., 1957, стр. 232.

²⁾ Архив А. М. Горького, т. IV, ГИХЛ, М., 1954, стр. 19, 32, 256.

³⁾ Сб. «М. Горький и А. Чехов», ГИХЛ, М., 1951, стр. 95, 105.

⁴⁾ Поэтическое творчество С. Г. Скитальца рассматривается нами в статье «О поэзии С. Г. Скитальца».

⁵⁾ См. нашу статью «Проблема народного таланта в творчестве С. Г. Скитальца», сб. «Вопросы художественного метода и стиля», Ученые записки Томского госуниверситета, № 48, 1964.

вием и буржуазией оно играло огромную роль. «И, учитывая соотношение сил в нашей революции, мы должны знать, что обязательным признаком действительно широкого общественного подъема, действительно приближающегося революционного кризиса, неизбежно будет в теперешней России движение в крестьянстве»⁶), — писал В. И. Ленин в статье «Об оценке текущего момента» (1908 г.). Крестьянские восстания 1901—1903 гг., предвещавшие революцию 1905 года, произвели огромное впечатление на русское общество, повысили интерес к крестьянскому вопросу. Тема деревни была самой популярной в демократической литературе начала века. Писатели-реалисты, изображавшие крестьянство, глубоко правдиво и ярко показали капитализацию деревни, разорение крестьян кулаками, купцами, помещиками, правительством, крестьянскую темноту, невежество, бедность и бесправие, огромное напряжение сил, с которым крестьянин ведет свое нищенское хозяйство, все время находясь под угрозой полного разорения, бесчеловечные условия деревенского быта («Мужики», «В овраге», «Новая дача» Чехова, пьеса Гарина-Михайловского «Деревенская драма»⁷), рассказы Вересаева, Телешова, Бунина, Гусева-Оренбургского, Чирикова, Подъячева и других). Однако в художественной литературе о крестьянстве, созданной в те годы, немного найдется произведений, в которых раскрывалось бы революционизирование деревни. Скиталец был одним из первых писателей, отобразивших этот процесс. Вместе с Серафимовичем («Зарева», «На площади», «У обрыва»), Гусевым-Оренбургским («Страна отцов»), Горьким («Варенька Олесова», «Мать» и написанная несколько позднее, в 1909 г., повесть «Лето») Скиталец главное внимание уделяет пробуждению деревни, революционному протесту крестьянства.

Скиталец подходит к крестьянской теме как писатель — революционный демократ. Свои взгляды на крестьянство он противопоставляет и эпигонам народничества, идеализировавшим «общинный» быт крестьянина, «устой» крестьянской жизни, и писателям, рисовавшим деревню как сплошное темное пятно, без надежд на пробуждение.

Скиталец решительно отмежевывается от изображения деревни в духе эпигонов народничества. Уже в своем первом значительном произведении повести «Октава» (1900 г.) он прямо полемизирует с народниками. Если народники противопоставляли «развратному» капиталистическому городу «мирную», «общинную» деревню, нравственную чистоту крестьянской жизни, то Скиталец совершенно иначе освещает противоположность между городом и деревней. В «Октаве» герой ее деревенский житель крестьянин Захарыч именно в городе воспринимает бунтарские мысли и религиозные сомнения, начинает задумываться над проблемой общественной несправды. Эта роль города — возбудителя революционной мысли крестьянства — показана и в рассказах «Лес разгорался», «Кандалы» и других произведениях. Писатель глубоко осознает, что капиталистический город не только разоряет, эксплуатирует деревню, но и революционизирует ее.

Выступая против народнических взглядов на отношения между городом и деревней, Скиталец противостоит также писателям, изображавшим деревню как грубую и хищную силу, цитадель косности. Такие взгляды стали особенно часто высказываться в эпоху реакции, после поражения первой русской революции, подавления крестьянских восстаний («На даче» и «Волк» Муйжеля, писания откровенно реакционных беллетристов, дворянских идеологов, клеветавших на крестьянство, —

⁶) В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 251.

⁷) Опубликована в первом сборнике товарищества «Знание», 1903 г.

Родионова, С. Фонфизина и других). Скиталец не закрывает глаз на темные стороны крестьянской жизни, но в то же время видит рост молодой деревенской демократии, идейное сближение между демократией города и деревни.

Наиболее значительными произведениями Скитальца о крестьянстве являются рассказы «Кандалы» (1904 г.), «Полевой суд» и «Лес разгорался» (1905 г.). Рассказ «Кандалы», в котором писатель показал гибель патриархальных устоев, перелом в духовной жизни молодого поколения крестьян, появление мыслящего крестьянина-революционера, был опубликован в V сборнике товарищества «Знание» и вызвал высокую оценку Горького⁸). В основе развития сюжета произведения лежит борьба крестьян села Кандалы с царскими чиновниками и духовенством, борьба революционной молодежи с хранителями патриархальных заветов. Повествование в «Кандалах» ведется от имени «политически неблагонадежного» писателя, сосланного в свое родное село, то есть от лица самого автора. Этот прием позволяет ярче оттенить контраст между воспоминаниями о прошлом и современным обликом деревни. В старой деревне было много поэтических обычаев, материальное положение большинства крестьянства было несколько лучше, пролетаризация еще не развивалась с такой катастрофической быстротой. В то же время писатель с душевной болью вспоминает «суровую религиозность» и «раскольничью косность»⁹) патриархального крестьянина, его враждебное, недоверчивое отношение ко всему новому. Скиталец полемизирует со славянофильствующими дворянскими идеологами, идеализировавшими консервативные, отсталые черты в психологии крестьянина. Писатель подчеркивает, что эти особенности крестьянской психики уходят в прошлое, крестьянин становится совершенно другим. За двадцать лет в селе Кандалах многое изменилось. Ссылный писатель находит среди крестьян своих политических единомышленников, людей, близких ему по духу. Эти коренные изменения в сознании крестьянства нашли свое выражение даже во внешнем облике кандалинских мужиков. «Я озираясь и видел вокруг себя бородатые, большей частью еще не старые лица. И было в этих лицах что-то истомленное, выстраданное и вместе с тем более одухотворенное, чем в прежних мужичьих лицах... Общее выражение их лиц было такое, словно они устали терпеть, устали ждать»¹⁰), — так рисует автор коллективный портрет кандалинских крестьян. Скиталец неоднократно выступал против изображения русского крестьянина смиренным, терпеливым страдальцем, отмечал, что эта легенда выгодна только эксплуататорам¹¹). Он показал в своем творчестве, как здоровые передовые начала, всегда бывшие в крестьянстве, приобретают новое качество — характер революционных настроений.

В старинном живописном и с виду таком тихом селе Кандалы кипит острая политическая борьба. Этой борьбой руководит передовая крестьянская молодежь во главе с бедняком Варфоломеем. С глубокой симпатией рисует автор образ молодого крестьянского революционера. Варфоломей — юноша большой силы воли и энергии. Он происходит из патриархальной крестьянской семьи, но окончательно и бесповоротно порвал с религией, стал убежденным атеистом. На примере семьи Варфоломея писатель показал борьбу старого и нового в деревне и победу новых, прогрессивных начал над косностью, «идиотизмом деревен-

⁸) Архив А. М. Горького, т. V, ГИХЛ, М., 1955, стр. 129.

⁹) С. Г. Скиталец. Рассказы и песни, т. 2, Издание т-ва «Знание», С-Петербург, 1907, стр. 188.

¹⁰) Там же, стр. 218.

¹¹) См. Часы истории (об изображении народа в русской литературе), рукопись. ЦГАЛИ, ф. 484, оп. 2, ед. хр. 5.

ской жизни» (К. Маркс). Мы видим, что «отступничество» от религии, «вольнодумство», типично для большей части сельской молодежи и старшее поколение почти примирилось с этим. В характере Варфоломея автор прежде всего подчеркивает широту его кругозора, глубокий интерес к революционному движению в стране, к революционной борьбе рабочего класса и студенчества. Читая газету, он забывался и неожиданно вскрикивал: «В Киеве рабочие забастовали! Или: — А студенты то опять...!»¹²⁾. Варфоломей — передовой человек деревни, уже начинает понимать необходимость союза рабочего класса с крестьянством в революционной борьбе. Вскоре он был арестован.

В образе Варфоломея Скиталец впервые набросал силуэт крестьянского революционера. Скиталец (Варфоломей в «Кандалах», Мирон в рассказе «Лес разгорался»), Серафимович (Афиногенч в рассказе «Зарева»), Гусев-Оренбургский (Назаров и Алексей в повести «Страна отцов») и с особенной полнотой Горький (Рыбин, Ефим в романе «Мать») первыми в литературе нарисовали образ крестьянина-революционера, осознающего неразрывную связь крестьянской борьбы с борьбой всего народа против самодержавия, помещиков, городской и сельской буржуазии.

Дальнейшим развитием образа крестьянского революционера в творчестве Скитальца является образ Мирона в рассказе «Лес разгорался» (1905 г.). Крестьянин — грузчик, деревенский пролетарий Мирон — талантливый агитатор, организатор деревенской забастовки, руководитель революционной борьбы в селе Буяне и окрестностях. Скиталец почти во всех произведениях изображал талантливых людей из народа, но если в рассказах, написанных до 1905 года, речь идет преимущественно о художественных талантах, то в рассказе «Лес разгорался» он показал одаренность трудового народа в области общественно-политической. Крестьянин Мирон возглавляет народное восстание, ведет за собой «интеллигента» сельского учителя Дивногорского, вовлекает его в революционную работу, оставляет далеко позади прежнего руководителя крестьян «умеренного» либерала Михайлу Васильевича.

Скиталец отмечает не только разрушительную, но и созидательную силу крестьянской революции. Восставший народ беспощадно сметает на своем пути все преграды (вспомним грозный символический образ разгорающегося леса, проникающий весь рассказ), но в ходе борьбы растет самосознание крестьянства, оно политически организуется, спланивается в единый коллектив. Скиталец не видит в крестьянском восстании той бессмысленной жестокости и разгула чувства мести, о которых так много писали Муйжель, Олигер, не говоря уже о бесталанных реакционных беллетристах. Революционная борьба воспитывает в крестьянах новую, высокую мораль, дисциплинирует их. «У нас ведь на самом деле теперича во всем селе тишина: ни драк, ни песен! Винную лавку закрыли приговором: всем селом согласились так, чтобы не пить, не такое время. Мужик теперь должен быть постоянно трезвый, потому что пьяный он не вытерпит, разговорится и выболтает что-нибудь секретное. У нас только и отпирали казенку, когда наместник исправник приезжал и с похмелья был»¹³⁾, — рассказывает Мирон учителю Дивногорскому.

В рассказе «Лес разгорался» заметна некоторая идеализация стихийности крестьянского движения, недооценка роли передовой теории

¹²⁾ С. Г. Скиталец. Рассказы и песни, т. 2, Издание 2-е «Знание», С.-Петербург, 1907, стр. 213.

¹³⁾ Там же, стр. 267.

в революционной борьбе. Скиталец не сумел показать работу коммунистов в деревне, руководящую роль рабочего класса и его партии в крестьянском революционном движении. В этом сказалась ограниченность писателя, расплывчатость его социально-политических взглядов. Однако несмотря на имеющиеся недостатки рассказ «Лес разгорался» — одно из самых ярких произведений о русской деревне в эпоху революции 1905—1907 гг.

В «крестьянских» рассказах Скитальца («В дороге», «Атаман», «Кандалы», «Полевой суд», «Лес разгорался», «В деревне», «На лопе природы», «Дед Матвей», «Проран») с большой силой проявилась страстная субъективность, лирическая взволнованность, эмоциональность таланта писателя. В рассказе «Полевой суд» «обычный» эпизод «аграрных волнений», кровавая расправа царских карателей с крестьянами, захватившими помещичью землю, передается с глубоким лирическим чувством. Романтическая патетика, характерная для многих поэтических и прозаических произведений Скитальца, в этом рассказе сменяется теплом скрытого эмоционального напряжения. Эмоциональная атмосфера в рассказе «Полевой суд» создается не только прямым выражением лирической взволнованности. Лиризм рассказа прежде всего скывается в самом характере описания увиденного, преломленного в поэтических чувствах автора. Сами описания заключают в себе эмоциональность, лиризм, который связан с психологическим обликом автора и его героев — крестьян Селитьбы. Эмоциональная выразительность рассказа достигается и средствами языка, и пейзажем, и широким использованием фольклорных мотивов, и лирическим подтекстом многих художественных образов и сцен. Язык рассказа «Полевой суд» музыкален, ритмически организован. Пейзаж в «Полевом суде», как и почти всегда у Скитальца, при всей реалистической конкретности, географической точности и сочности красок приобретает символическое звучание. Писатель акцентирует внимание на лирическом субъективизированном отношении человека к природе. Мотивы пейзажных зарисовок тесно переплетены с мотивами деятельности героев. Скиталец оттеняет контраст между природой и социальной действительностью. Красота природы выступает как живое напоминание о том, что жизнь безобразна, неустроена, что она должна быть иной.

Рассказы Скитальца на крестьянские темы имеют большое познавательное значение, отличаются художественной выразительностью, афористической отточенностью языка, богатого крестьянской образной лексикой. Реализм в них сочетается с революционной романтикой, устремленностью в будущее, умением подметить новые положительные явления в жизни деревни. Автор избегает этнографизма, мелочного бытописательства, натурализма, довольно распространенного в современной ему литературе о «народе» (В. Муйжель, И. Наживин и др.). На первом плане у Скитальца показ социальной стороны жизни деревни, революционного брожения в ней, много внимания автор уделяет психологии народной массы и ее представителей — передовых крестьян.

В творчестве Скитальца 1900—1906 гг. наряду с крестьянской тематикой большое место занимает жизнь городской бедноты. Певчие, люди, опустившиеся на «дно», мелкие ремесленники и, наконец, рабочие проходят перед нами в рассказах писателя. Его глубоко волнует положение босяков, людей, выброшенных за «борт» нормальной жизни. Проблема «бывших людей», впервые поставленная в русской литературе демократическими писателями 60-х годов (Некрасовым, Решетниковым, Левитовым, Помяловским), приобрела особую актуальность в 90-е — 900-е годы. В этот период чрезвычайно усилился процесс «раскресть-

янивания», пролетаризации деревни. «Каждый неурожай выбрасывает массы среднего крестьянства в ряды пролетариата»¹⁴), — писал В. И. Ленин в своей известной работе «Развитие капитализма в России» (1896—1899 гг.). Часть разорившихся крестьян превращалась в фабричных рабочих, часть — в бродячих деревенских пролетариев, а некоторое количество людей, не находя применения своему труду, скитаясь по всей стране в поисках заработка, опускалось на «дно».

Жизнь отщепенцев общества усиленно привлекала творческое внимание молодого Горького и близких ему демократических писателей начала века — Куприна («Киевские типы», «Конокрады», «Трус», «Обида», «Гамбринус», «По-семейному»); Л. Андреева («У реки», «В подвале», «Христиане», «В тумане» и др.), Чирикова («Танино счастье»); Подъячева («Мытарства»), Скитальца (рассказы о певчих, «За тюремной стеной», «Огарки»). Босяки являлись «вещественным доказательством» преступлений буржуазного строя, обрекавшего людей на муки безработицы, нищеты, голода, унижений. Литература, показывая мир беспросветного страдания, мир людей, насильно сброшенных в грязь, говорила, что так больше жить невозможно. Но для Горького и Скитальца «босяки» это не только жертвы безобразного социального строя. Люди «дна» выломались из своего класса, из социальных ячеек, предназначенных для них жизненными условиями буржуазного общества. Они освободились от «власти земли», от забот о своем «единоличном» крестьянском хозяйстве и вместе с тем от патриархальных предрассудков, заботности, мелкобуржуазной психологии. В некоторых рассказах молодого Горького («Мальва», «Коновалов», «Супруги Орловы» и другие) и в произведениях Скитальца («За тюремной стеной», «Огарки») босяки выступают как ранние протестанты из народной среды, сильные, смелые, гордые люди, больше всего любящие свободу и независимость, стремящиеся к какой-то иной жизни, к новым, хотя и неясным, социально-этическим идеалам.

В творчестве Скитальца мы почти не встретим тех представителей «босяцкого сословия», которые, опустившись до положения воров, алкоголиков, проходимцев, мало были озабочены несправедливостью социального уклада жизни. Писателя прежде всего интересуют люди, стоящие на грани босячества, но перед которыми открывается какая-то другая перспектива, правдоискатели, возмущающиеся социальным злом. Стремясь оттенить положительные качества отщепенцев общества, Скиталец всегда показывает их в столкновении с «хозяевами жизни» или с людьми, зараженными собственнической психологией («За тюремной стеной», «Огарки»).

В своих многочисленных рассказах о певчих («Октава», «Ранняя обедня», «Спевка», «Родной», «Талант»), изображая этих людей, близких к босяцкому миру, Скиталец отмечает их пытливый ум, насмешливое отношение к религии, презрение к духовенству, ненависть к купцам — «меценатам» и к собственнической морали, бескорыстие, человечность и душевное благородство, товарищеские чувства, любовь к прекрасному — к музыке, песне, природе.

В рассказе «За тюремной стеной» (1901 г.) босяк выступает уже как стихийный носитель социального протеста. Это крестьянин-богатырь, которого «за бесписьменность гноят по всем острогам»¹⁵). «Необыкновенный арестант» обличает произвол начальства тюрьмы и царских чиновников, ломает тюремную решетку и наручники. Его фигура

¹⁴) В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 148.

¹⁵) С. Г. Скиталец. Рассказы и песни, т. 1, Издание т-ва «Знание», С-Петербург, 1903, стр. 264.

предстает в романтическом освещении. Безымянный арестант сравнивается с любимым героем народных песен и легенд Разиным. Писатель подчеркивает, что ненависть к угнетателям, мечта о свободе — исконные народные черты, органически присущие народу на всем протяжении его истории. От героя рассказа «За тюремной стеной» веет чем-то богатырски былинным. В обрисовке его фигуры чувствуется нарочитая монументальность, укрупнение образа, романтическая приподнятость. Эти черты характерны для творческой манеры Скитальца при создании образов его положительных героев (Мирон в рассказе «Лес разгорался», герои повести «Огарки» и др.). Скиталец стремится выявить идеальное начало в характере человека, выделить одну психологическую доминанту, определяющую лирико-романтическое звучание образа. Пластически изображенная фигура человека в рассказе «За тюремной стеной» и в других произведениях (рассказ «В дороге») при всем реальном, жизненном правдоподобии приобретает аллегорическое значение, символизирует усилившиеся бунтарские настроения народной массы.

Людей, выбитых из колеи жизни, Скиталец изображает и в одном из значительнейших своих произведений — повести «Огарки» (1906 г.). Это опустившийся на «дно» певчий Северовостоков, человек сказочной физической силы и удали; художник — неудачник Савоська, импровизирующий поэтические легенды из жизни животных и птиц, в которых звучит страстная жажда свободы; Новгородец; австрийский дезертир Пискра и другие. К ним примыкает и главарь «огарческой фракции» Илья Толстый — артистическая, щедрая, талантливая натура из демократических слоев. Он — бывший студент, исключенный из университета за революционную деятельность. Но в провинциальном волжском городе, куда он попал после разгрома Дерптского университета, Илья сближается с «бывшими людьми», ведет образ жизни богемы, бесплодно растрчивает свои дарования, не может найти дела по плечу. Отметим, что в повести «Огарки» Скиталец несколько идеализирует людей, опустившихся на «дно». Автор, вопреки правде жизни, декларирует их близость к революционному движению, к рабочему классу. В этом проявилась неясность политических идеалов писателя, его теоретическая неподготовленность, оторванность от организованной революционной борьбы пролетариата и его партии, что мешало Скитальцу в творческой работе, ослабляло его художественную силу. В данном случае Скиталец расходится с Горьким, идет по ложному пути. Горький в своих произведениях, раскрывая «бунтарские» настроения босяков (Челкаш, Мальва, Коновалов, Григорий Орлов, Сатин), в то же время глубоко правдиво показал свойственный им анархизм и индивидуализм. Это мешало «бывшим людям» стать рядовыми революционной армии, принять действительное участие в освободительной борьбе народа. Горький подчеркивает бесплодность, трагическую обреченность стихийного «босяцкого» бунта.

Повесть Скитальца «Огарки» — произведение, глубоко противоречивое по своему идейному замыслу. Писатель высказывает ложный взгляд на «огарческую фракцию» как на какую-то подпольную революционную организацию. Однако Скиталец и сам чувствует необоснованность такого возвеличения своих героев, с достаточной полнотой показывает разрыв между словом и делом у «огарков», тоску их богемного существования: «В глубине души огаркам было действительно стыдно за отсутствие у них настоящего, достойного их дела и настоящей жизни, было больно и обидно за что-то»¹⁶⁾.

¹⁶⁾ С. Г. Скиталец. Рассказы и песни, т. 2, Издание т-ва «Знание», С-Петербург, 1907, стр. 25.

Несмотря на отмеченные противоречия, повесть «Огарки» явилась правдивым рассказом о загубленных молодых силах, о трагедии молодежи, близкой народу и горячо сочувствующей его страданиям, но попавшей в «безвременье», осужденной на бездействие преступным социальным укладом. Повесть Скитальца прозвучала грозным обвинением бесчеловеческой жестокости, лживости, бездушию буржуазного общества, уродовавшего и коверкавшего людей, ценных по своим задаткам, достойных лучшей участи.

В повести «Огарки» Скиталец, наряду с людьми, ведущими образ жизни богемы, обрисовал представителей рабочего класса. Ему не удалось показать передовых рабочих в главном деле их жизни — в массовой революционной борьбе, но все же Скиталец отобразил многие характерные черты нового социального типа — революционно настроенного рабочего, носителя пролетарского самосознания.

Образ передового рабочего впервые появляется в творчестве писателя в 1903 г. в рассказе «Кузнец» («Федор Иванович»). Интерес Скитальца к этому новому герою не случаен. В обстановке надвигающейся революции, во главе которой встал рабочий класс, Скиталец, писатель революционно-демократического направления, но не имевший четкого социалистического мировоззрения, приблизился к пролетариату и его идеологии.

В годы революционного подъема Скиталец подошел к рабочей тематике ближе многих других писателей — «знаниевцев» (Бунина, Л. Андреева, Телешова, Чирикова). У вышепоименованных писателей мы почти не встретим рассказов о рабочих. В произведениях Куприна «Молох» и «В недрах земли» рабочие предстают перед нами только как угнетенная, задавленная масса; протест рабочих в повести «Молох» — это вспышка отчаяния. В повести другого «знаниевца» Вересаева «Два конца» (1899—1903 гг.) жизнь рабочих рисуется в сугубо бытовом плане; герой повести Андрей Иванович — питерский рабочий — переплетчик и его товарищи далеки от общественных интересов, неразвиты; они только жертвы буржуазного строя, представители отсталых слоев пролетариата. Скиталец вместе с Горьким («Мать», «Враги», «Товарищ» и другие произведения) и Серафимовичем («Среди ночи», «Похоронный марш», «На Пресне», «Бомбы») сосредоточивает внимание на новых явлениях в жизни рабочего класса, хотя ему не удалось так глубоко, как этим двум писателям, отобразить революционную пролетарскую борьбу. Скиталец, в отличие от Горького и Серафимовича, не сумел показать рабочий коллектив как нового и активного героя истории. Однако он одним из первых в русской литературе обрисовал характер передового рабочего, упорно тянущегося к культуре, протестующего против капиталистического строя.

Федор Иванович («Кузнец», 1903 г.), Михельсон, Сокол, Митяга («Огарки», 1906 г.) — это сознательные, революционно настроенные рабочие, вступающие на путь идейной борьбы. В характерах рабочих писатель оттенил чувство собственного достоинства, уважения к человеческой личности. Поведение Федора Ивановича, Михельсона, Сокола отличается не только стихийной дерзостью, но и пролетарским мужеством. Несмотря на бедность, материальную зависимость от фабрикантов, Федор Иванович прямо и резко высказывает им свое мнение, хотя знает, что за это лишится работы и куска хлеба, будет вышвырнут с детьми на мороз. Скиталец не показывает рабочего коллектива, но атмосфера пролетарского коллективизма живо ощущается в его произведениях, героями которых являются промышленные рабочие. Кузнец и механик-самоучка Федор Иванович гордится своей принадлежностью

к рабочему классу, трудом которого созданы все богатства земли. «Вы хозяева завода, а я — хозяин дела, хозяин этих машин, в которых вы ничего не смыслите»¹⁷⁾, — заявляет он фабрикантам. Федор Иванович глубоко презирает их как никчемных бездельников и паразитов.

В повести «Огарки» ссыльный рабочий-революционер Михельсон выступает уже как «зачинщик» забастовки на фабрике. Правда, об этой забастовке в повести только упоминается, выступление рабочих не подготовлено, стихийно, однако мы видим, что Михельсон пользуется большим авторитетом в рабочей среде. По его знаку рабочие, в ответ на грубую выходку хозяина, бросают инструмент, прекращают работу. В повести, написанной в разгар революционных событий, писатель откликнулся на героическую борьбу пролетариата, показав первые шаги рабочего движения в нашей стране.

Скиталец глубоко раскрыл силу, непримиримость, революционную осознанность ненависти рабочих к эксплуататорам. «А вы бы написали про начальство да про купцов, про эту мощну расейскую, бесславную, дикую, которая весь рабочий люд гнет, мнет и бьет, про нее бы, грязную и нахальную, написали вы, как она оскорбляет и унижает нас, да и не понимает еще всей силы унижений наших, потому что у нас больше чести и уважения к человеку, чем у них, потому что очень уж у нее, у мощны у этой, рабского много, чтоб ей задохнуться в себе самой»¹⁸⁾, — говорит кузнец Сокол газетному фельетонисту Небезызвестному. Терпение и всепрощение отнюдь не являются пролетарскими добродетелями. Рабочие готовятся к решительной схватке со своими классовыми врагами. «Терпеть, — вымолил тот же Сокол, — прощать... Да надо ли терпеть-то? Можно ли простить это?»¹⁹⁾. Условия жизни и труда рабочих невыносимы (вспомним эпизодический образ «глухаря» — котельщика, надорвавшегося на работе, в повести «Огарки»). Но рабочие добиваются не только улучшения своего материального положения. Они встали на защиту человеческого достоинства, борются за жизнь, достойную человека, создающую условия для расцвета человеческой личности. В повести с большой силой прозвучал мотив пролетарского революционного гуманизма.

Скиталец во время первой русской революции не поднялся до последовательной пролетарской революционности, но он интуитивно понимал величие целей рабочего класса, огромность перспектив, открывавшихся перед ним. Федор Иванович, Сокол, Михельсон чувствуют себя хозяевами родной земли, всех ее богатств, наследниками культурных ценностей. Заслугой Скитальца является то, что он, вместе с Горьким, показал пролетариев, которые по своему умственному развитию и культурному уровню стоят гораздо выше окружающего их общества. Если демократические писатели 60-х годов, изображавшие жизнь рабочих и городской бедноты (Решетников, Левитов, Глеб Успенский), говорили, в соответствии с исторической правдой, о темноте, забитости трудящихся масс, ограниченности их кругозора, то Скиталец осветил новый момент в жизни рабочего народа. Его пролетарии могут вступить в идейный спор с буржуазной интеллигенцией и встать выше ее в культурном отношении (повесть «Огарки»). Мы присутствуем у истоков рождения новой рабочей интеллигенции.

В повести «Огарки» Скиталец показал острый конфликт между сознательными рабочими (Михельсон, Сокол), примыкающими к ним

¹⁷⁾ С. Г. Скиталец. Избранные произведения, ГИХЛ, М., 1955, стр. 169.

¹⁸⁾ С. Г. Скиталец. Рассказы и песни, т. 2, Издание т-ва «Знание», С-Петербург, 1907, стр. 80—81.

¹⁹⁾ Там же, стр. 80.

революционными студентами (Илья Толстый) — с одной стороны — и буржуазной либеральной интеллигенцией — с другой. В смелой постановке этого вопроса — достоинство повести Скитальца. В годы первой русской революции, когда были написаны «Огарки», особое значение имело разоблачение контрреволюционности либеральной буржуазии. Предательство кадет и их подголосков нанесли огромный вред революционному движению. Скиталец в своей повести показал, что еще на заре рабочего движения началась глухая борьба, неприязнь между демократической интеллигенцией, принадлежавшей к трудовому народу, и либералами, щеголявшими «революционной» фразой. «Повесгь «Огарки» впервые осветила новое в то время явление критического отношения развитых рабочих и тогдашней демократической молодежи из крестьян к буржуазной интеллигенции»²⁰), — замечает в своей неопубликованной статье о Скитальце известный писатель — «знаниевец», организатор «сред» Н. Д. Телешов.

«Огарков», бедняков, принадлежащих к «простонародью», особенно возмущает безответственная болтовня сытых, праздных и глубоко равнодушных к страданиям народа буржуазных либералов, органический антидемократизм буржуазной интеллигенции. В то же время Скиталец далек от огульного осуждения интеллигенции с «махаевских» позиций. Интеллигенции буржуазной он противопоставляет молодую формирующуюся демократическую интеллигенцию, непосредственно связанную с рабочим классом и крестьянством.

В повести «Огарки» с большой силой проявилось свойственное Скитальцу мастерство лепки человеческих характеров. Скиталец по основным принципам своего творчества художник-реалист; характер у него всегда предстает как единство типического и индивидуального. Скиталец глубоко раскрывает социально-историческую обусловленность, определенность характера и индивидуальное своеобразие героя, неповторимый аромат личности. На первом плане у Скитальца показ духовного богатства человека из народа, многогранности и сложности его внутреннего мира, широты его интеллектуальных интересов. Писатель умеет передать человеческое обаяние своих героев. В образе рабочего Михельсона нас привлекают сила воли, выдержка, ядовитое остроумие в беседе с идейными противниками, высокая культура, добытая с величайшим трудом. Как замечает А. А. Волков, «Михельсону присущи черты подлинного пролетария: он не может жить без работы, помогает всем окружающим»²¹). Михельсон — человек суровой судьбы. «Он был выслан на Волгу по этапу, и его привезли в кандалах, изъеденного вшами»²²), — рассказывает Илья Толстый. Но несмотря на это в его характере сохранилось много жизнерадостности, юмора, поэзии. Он тонко чувствует красоту природы, горячо любит музыку и пение. В «огарческом братстве» Михельсон славится игрой на гуслях собственной работы и исполнением русских народных песен. Скиталец в образах рабочих, как и всегда, выявляет эстетическое богатство народного характера, художественную чуткость «простого» человека, единство этических и эстетических норм. Умение видеть, замечать и творить красоту, добро выступает как выражение полноты жизни, любви к ней, как проявление нерасторжимого кровного единства трудящегося человека со всем миром, хозяином которого он себя чувствует.

²⁰) ЦГАЛИ, ф. 499, оп. 1, ед. хр. 20.

²¹) А. А. Волков. М. Горький и литературное движение конца XIX и начала XX вв., Советский писатель, М., 1951, стр. 177.

²²) С. Г. Скиталец. Рассказы и песни, Издание т-ва «Знание», С-Петербург, 1907, т. 2, стр. 26.

В отличие от сдержанного, иронического Михельсона его друг Сокол — горячая, размашистая натура. Монолитность, страстная целеустремленность его характера проявляется в постоянном «непокорстве», бунте против эксплуататоров. Удаль, смелость Сокола подчеркивается происхождением от запорожских казаков. Образ Сокола, как и почти все образы любимых героев у Скитальца, несколько романтизирован. Романтическую окрашенность ему придает и пейзажный фон, и историческая параллель с запорожцами, и портрет (огромный рост, большая физическая сила, сверкающие черные глаза).

Как уже упоминалось, Скиталец не показывает массового рабочего движения, неразрывной связи передового рабочего с пролетарским коллективом но несмотря на эти недостатки, он сказал свое слово честного наблюдателя о главном герое своего времени; произведения Скитальца, действующими лицами которых являются рабочие, стоят на генеральной линии развития литературы.

Герои повести «Огарки» очень близки реальным, действительно существовавшим лицам, — самарским знакомым Степана Гавриловича. Здесь мы встречаемся с отличительной особенностью творческого почерка Скитальца. Автобиографический материал всегда играл исключительно большую роль в произведениях писателя, почти у всех его героев есть очень близкие прототипы. Однако это вовсе не говорит о скудости творческого воображения Скитальца, фотографичности, натурализме. Опираясь на реальный прототип будущего образа, Скиталец домысливает его сообразно сущности многих людей подобного типа, создает типический характер. В своей неопубликованной статье «Интеллигенция и «огарки» Скиталец вспоминает, что людей, подобных «огаркам», встречал не только в Самаре, но и в других местах родной страны²³). Художественный образ всегда богаче, объемнее единичного предмета, отраженного в нем, глубже захватывает жизнь.

В лучших своих произведениях Скиталец отбрасывал все случайное, нетипическое, имевшее узко личное значение, отбирал из биографических данных наиболее характерное, общественно значимое, объективное и претворял его в художественные образы, сохранявшие глубокое сходство со своими реальными прототипами, но в то же время имевшие большое обобщающее значение. Биографический факт поднимался до художественного обобщения, не теряя своих индивидуальных «портретных» черт.

Повесть «Огарки», напечатанная в горьковском «Знании»²⁴), вызвала горячий интерес у современников и ожесточенные споры в критике. Особенно значительным было выступление А. А. Блока. В статье «О реалистах» Блок дает высокую оценку повести Скитальца. Однако высказывания Блока имеют значение не только для оценки этого конкретного произведения: они помогают понять многое в творческой манере писателя, заостряют внимание на характерных особенностях всего его творчества. Блок подчеркивает, что Скиталец — художник-реалист (на это указывает само заглавие статьи), но в то же время называет его «безбытным»²⁵) писателем. На первый взгляд, это кажется странным. Скиталец внимательно относится к бытовой обстановке, окружающей его героев, быт помогает раскрыть характер действующих лиц («Октава», «Сквозь строй», «Огарки» и др.). Скиталец изображает действительность реалистически конкретно, точно, в формах самой

²³) ЦГАЛП, ф. 484, оп. 1, ед. хр. 40.

²⁴) Впервые опубликована в X сборнике «Знания» в 1906 г.

²⁵) А. А. Блок. Собрание сочинений в 8 тт., Гослитиздат, М.—Л., т. 5, 1962, стр. 110.

жизни, в его произведениях много «правдивых деталей» (Ф. Энгельс). Очевидно, Блок хотел отметить свойственную Скитальцу эмоциональность творчества, лирический подтекст его «бытовых» произведений. Блок противопоставляет Скитальца писателям-натуралистам, рабски копирующим жизнь, скользящим по поверхности, не умеющим раскрыть общее значение фактов. Для Блока Скиталец — писатель углубленный, думающий, чуждый внешнему «бытовизму», стремящийся раскрыть душу народа, его психологию. В творчестве Скитальца Блок слышит «горьковскую ноту — дерзкий задор и сосредоточенную пристальность взгляда»²⁶). Скиталец — писатель горьковской школы, ученик и последователь Горького. Он исключительно много творческого внимания уделяет социально-экономическому положению трудящихся масс, освободительной борьбе народа. Но Скиталец, как и Горький, умеет показать социальные конфликты преломленными через внутренний мир героев. В духовной драме героев его произведений, в противоречиях мыслей, чувств и поступков нашли отражение глубинные процессы общественной жизни, напряженный драматизм современной Скитальцу русской действительности (образ Захарыча в повести «Октава», образы «огарков» в одноименной повести).

Блок подчеркивает, что Скиталец — писатель, со всей остротой ставящий проблему судеб народа, его будущего. «Не знаю, смогут ли они (герои «Огарков» — Л. К.) принести новую жизнь»²⁷), — сомневается поэт, но отмечает бодрый тон повести, веру в силы народа, свойственный творчеству Скитальца оптимизм. «Есть много таких людей, которые прочтут «Огарков», и душа их тронется, как ледоходная река, какою-то нежной, звенящей, как льдина, музыкой»²⁸), — пишет Блок. В произведениях Скитальца Блока привлекает их искренность, демократизм, народность, глубокая человечность, пристальное внимание к «проклятым» вопросам своего времени, яркость и пластическая завершенность картин из жизни народных масс. «Ведь вот откуда мое хватанье за Скитальца, я за Волгу ухватился, за понятность слога, за отзывчивость души, за ее здоровую и тупую боль»²⁹), — пишет он Андрею Белому 15—17 августа 1907 г.

Скиталец — писатель густых и сочных красок, широких, смелых мазков, определенных, четких социально-этических симпатий и антипатий, резких контрастов в изображении характеров. Ему свойственна большая образительная сила и сила чувства, эмоциональная напряженность. Скиталец — художник-реалист, в творчестве которого неразрывно слиты объективно реальные конкретные черты действительности и эстетические оценки художника. Воссоздаваемая объективная действительность не заглушает в его творчестве субъективного оценочного начала, которое иногда даже выступает на первый план, как это имеет место в романтическом искусстве. Реалистическое по своим основам творчество писателя органически впитало в свою ткань романтику. Романтическое начало чувствуется и в идеализации некоторых героев, и в приподнятости стиля, в лирическом пафосе, в страстной субъективности, в широком использовании народных легенд героического характера, в двойственном — конкретно-реальном и символическом значении некоторых образов. Романтическая струя, отнюдь не противоречащая природе художественного реализма и расширяющая возможности ре-

²⁶) А. А. Блок. Собрание сочинений в 8 тт., Гослитиздат, М.—Л., т. 5, 1962, стр. 110.

²⁷) Там же, стр. 111.

²⁸) Там же.

²⁹) А. Блок. Сочинения в одном томе. Гослитиздат, М.—Л., 1946, стр. 522.

листического искусства, обогащает творчество писателя. Некоторые изобразительные средства, характерные для романтического стиля, подчинены единой эстетической системе реализма, оттеняют реальные закономерности жизни, служат конкретно-историческому изображению действительности, «типических характеров в типических обстоятельствах» (Ф. Энгельс).

В эпоху первой русской революции Скиталец переживает творческий подъем. В это время он, вместе с Горьким, принимает личное активное участие в революционной борьбе, что исключительно благотворно повлияло на развитие его писательского таланта. Передовые читатели любили Скитальца как талантливого художника-реалиста, борца за свободу. Многих привлекали его «лишние люди», на примере которых он показал душевное богатство, талантливость родного народа и безобразный гнет, тяготеющий над ним. Не менее значительной в творчестве Скитальца была крестьянская тема, рассказ о новых людях деревни, о борьбе крестьян против помещичьего землевладения; писатель сказал свое слово и о рабочем классе, о начальном этапе рабочего движения в стране. Все это свидетельствует о широте творческого диапазона писателя в годы революционного подъема.

Поражение первой русской революции явилось тяжелым ударом для Скитальца-писателя, с большой силой выразившего веру в победу восстания, в светлое будущее народа, в близкое освобождение. Скиталец мучительно пережил гибель своей мечты, расправу с революционными борцами (рассказ «Свидетель» о казни героя революции 1905—1907 гг. лейтенанта Шмидта). Его особенно возмущает та «внутренняя, психологическая реакция»³⁰⁾, которая охватила значительную часть интеллигенции. Скиталец, не имевший четкого социалистического мировоззрения, далекий от марксистско-ленинской партии и организованного рабочего движения, порой впадал в отчаяние. После поражения революции 1905—1907 гг. он отошел от активного участия в общественной жизни, в освободительной борьбе. Все это тяжело отразилось на его творчестве. Прежде всего резко сократилась творческая продуктивность писателя. В годы реакции он редко выступает в печати, мало создает новых произведений. Иногда им овладевает желание замкнуться в узком мире «личных», «интимных» переживаний, копаясь в своей «душе». Эти настроения нашли отражение в повести «Этапы», написанной в 1908 г. (первый вариант). Первую редакцию этой повести сурово ссудил Горький, увидев в ней дань настроениям буржуазного упадка в литературе, индивидуализму и субъективизму³¹⁾.

Скиталец, в эпоху между двумя революциями переживавший тяжелый творческий кризис, стоявший в стороне от революционного рабочего движения, не сумел сразу понять значения Великой Октябрьской социалистической революции. Он совершает тяжелую политическую ошибку (эмиграция в Харбин в декабре 1921 г.). Но Скиталец осознает свою трагическую вину перед Родиной. В 1927 г. он выступает с официальным заявлением о разрыве с эмиграцией и желании вернуться в Советский Союз³²⁾. С 1928 г. Скиталец начинает сотрудничать в советской периодической печати (в журнале «Красная новь»). Однако возвращение Скитальца в Советский Союз было задержано на несколько лет конфликтом на КВЖД, трудностями с визой. В мае 1934 г. ему,

³⁰⁾ С. Г. Скиталец. Повести и рассказы. Воспоминания, Московский рабочий, 1960, стр. 45.

³¹⁾ Архив А. М. Горького, т. VII, ГИХЛ, М., 1959, стр. 70.

³²⁾ См. ж. «На литературном посту», 1928, № 1, стр. 91 и «Вечернюю Москву» от 27 декабря 1927 г., № 295.

наконец, удалось вырваться из Харбина и выехать в Москву. Возвратившись на Родину, Скиталец сразу же активно включается в литературную жизнь страны. Он участвует в работе Первого всесоюзного съезда советских писателей, встречается с читателями, завершает работу над романом «Дом Черновых», вторым вариантом повести «Этапы», пишет роман «Кандалы». Последние большие произведения Скитальца, подводящие итог его творческой деятельности, явились вкладом в советскую литературу.

Романы Скитальца «Дом Черновых» и «Кандалы» — большие эпические полотна. Хронологические рамки «Дома Черновых» охватывают эпоху с конца 90-х годов и до первых лет советской власти включительно; в романе «Кандалы» изображается жизнь пореформенной деревни, подготовка революции и события 1905—1907 гг. Тяготение к широкому эпическому отображению действительности, к произведениям, в которых чувствуется реальное протекание исторического процесса, исторические масштабы, характерно для всей советской литературы 20-х — 30-х годов, что, несомненно, оказало воздействие на Скитальца. Оживление творческой деятельности Скитальца в послеоктябрьский период, обращение к большим эпическим формам было вызвано стремлением понять смысл великих исторических событий, проследить истоки революции. Социалистическая революция разбудила творческую энергию писателя, помогла ему найти выход из творческого тупика. Он обращается к эпохе подготовки величайшего в истории переворота, стремится отобразить действительность во всем многообразии ее существенных связей; его интересует история развития человеческого характера в течение длительного промежутка времени.

В «Доме Черновых» и «Кандалах» писатель вновь возвращается к некоторым проблемам своего творчества эпохи первой русской революции, но углубляет их в свете новой исторической перспективы. В романе «Дом Черновых» Скиталец изображает конфликт между талантливым человеком из народной среды и буржуазным обществом — тема, занимавшая большое место в его творчестве 1900—1906 гг. Но если в произведениях, написанных в начале века («Октава», «Любовь декоратора», «Композитор»), показан безысходный трагизм положения художника в буржуазном обществе, то в «Доме Черновых» намечается преодоление трагедии. Сближение с хищнической буржуазной семьей Черновых едва не погубило талант Валерьяна Сомова, выдающегося художника из крестьян, демократа по убеждениям. Но Валерьян находит в себе силы порвать с «домом Черновых», связать свою судьбу с жизнью и борьбой народа. Его творческая деятельность восстанавливается, талант возрождается на службе революции.

Писатель подчеркивает закономерность прихода Сомова к революционному, советскому искусству. Эстетический идеал Сомова — это идеал художника-реалиста. Он видит прекрасное в самой действительности, в жизни народа. «Мне нравится сильное тело, солнце и жизнь...»³³), — заявляет Сомов. Его глубоко возмущают декадентские течения в живописи, «...умышленно несимметричные произведения... призрачные, истонченные, болезненно-зеленые тела искривленных женщин с грифом скрипки взамен головы или черепным оскалом вместо улыбки»³⁴). Сомов замечает, что эти уродующие, искажающие действительность картины не нужны народу, существуют только для «фешенебельного» общества, «аристократии»³⁵), являются симптомом загни-

³³) С. Г. Скиталец. Дом Черновых, Ульяновское книжное издательство, 1962, стр. 178.

³⁴) Там же, стр. 261—262.

вания буржуазии. В образе художника Сомова Скиталец обобщил также и свои собственные взгляды на искусство, свои эстетические переживания. Протест Скитальца против «умирания, вырождения, бреда, безумия»³⁶⁾ в живописи и литературе, против художников, «рисующих не живых людей, а удавленников каких-то»³⁷⁾, приобретает особую актуальность в наши дни, помогает советскому народу бороться с абстракционизмом и формализмом, с чуждыми, глубоко враждебными нам буржуазными влияниями в искусстве.

Идейно-тематическое содержание романа «Дом Черновых» богато и многогранно, в нем мы видим сложное переплетение сюжетных линий, изображение жизни различных классов и групп в исключительно бурную историческую эпоху. Главной темой романа является показ неизбежной исторической гибели буржуазного строя, социальной, нравственной и физической деградации богатой купеческой семьи. Эта тема нашла глубокое художественное воплощение в творчестве современных Скитальцу писателей — Серафимовича, Горького. На роман Скитальца «Дом Черновых», написанный в конце 20-х годов, несомненно, повлияли «Город в степи» Серафимовича и «Дело Артамоновых» Горького.

История падения и разложения дома Черновых раскрыта в судьбе трех поколений: Силы Гордеича Чернова, его детей и внуков. Писатель с большой художественной убедительностью рисует фигуру главы купеческого рода, хищника-стяжателя, опутавшего своей паутиной все Поволжье, своеобразного «идеолога» буржуазии, понимающего свою силу в собственническом обществе, силу капитала, стремящегося всячески прославить хозяйственно-организаторскую деятельность капиталистического класса, хотя, по его же утверждению, эта «работа» заключается только в умении наживать деньги.

Однако Скиталец акцентирует внимание не на деятельных силах буржуазии, а на деградации и неизбежном крахе капиталистического общества. В романе подвергается уничтожающей критике античеловечный уклад капитализма, цинизм буржуазной морали, семейных отношений, раскрывается неполноценность, никчемность представителей буржуазии. Показывая социальное и физическое вырождение Черновых и родственно связанных с ними Блиновых, писатель подчеркивает, что проклятие, тяготеющее над их семьями, не в биологическом законе неизбежного одряхления и смерти, а в паразитизме эксплуататоров.

Скиталец не всегда показывает историю дома Черновых во взаимосвязи с историей трудящихся. Мы согласны с мнением И. С. Новича, автора неопубликованной рецензии на роман «Дом Черновых», что «первая часть романа отвлечена от жизни эпохи, широкой социальной жизни...»³⁸⁾. Однако в произведении Скитальца за «внешним» планом — жизнью буржуазной верхушки и связанных с нею групп, все время ощущается второй план — борьба народа за свое освобождение. Этот «большой» план приоткрывается в картине волжского разлива, символизирующего приближающуюся народную революцию, в красочных описаниях трудовой Волги — богатырской работы и удалого веселья волжского народа; в образе крестьянина-батрака Ивана Царевича — правдоискателя, мечтающего о равенстве всех людей и т. д. Во второй

³⁵⁾ С. Г. Скиталец. Дом Черновых, Ульяновское книжное издательство, 1962, стр. 262.

³⁶⁾ Там же, стр. 261.

³⁷⁾ Там же, стр. 178.

³⁸⁾ ЦГАЛИ, ф. 484, оп. 1, ед. хр. 109.

части книги картины жизни народных масс, революционной борьбы занимают центральное место, закономерно отодвигают на второй план изображение семьи Черновых; она распадается, гибнет. Писатель с подлинным историзмом раскрыл социальные причины крушения дома Черновых. Мы видим, что конец дому принесла революция. Черновский капитал потерял силу, разрушен и сожжен дом Черновых. Оставшиеся в живых потомки Силы Горденча или бежали к дальним берегам или, как его внук Коля Пирогов, стали активными белогвардейцами, палачами рабочих и бесславно погибли в гражданской войне. Скиталец всей системой образов романа показывает обреченность и бессилие русского капитализма перед лицом народа, социалистической революции, социально-историческую и этическую закономерность гибели буржуазии.

В последние годы своей жизни Скиталец работает над романом «Кандалы»³⁹⁾ (завершен в 1940 г.). Это произведение долго вынашивалось автором. Многие рассказы и очерки 1900—1919 гг. послужили эскизами к будущему роману. В «Кандалах» писатель обращается к своей кровной теме — революционному пробуждению деревни — и стремится подвести итог своим наблюдениям над жизнью крестьянства эпохи первой русской революции. В романе «Кандалы» Скиталец прибегает к синтезированной обработке материалов своих прежних рассказов о деревне, но в то же время значительно углубляет, по-новому освещает поставленные в них проблемы.

Если рассказы Скитальца о крестьянстве 1904—1906 гг. писались по горячим следам событий, являлись непосредственным откликом на злобу дня, то роман «Кандалы» (1940 г.), отобразивший ту же эпоху, это историко-революционное произведение. В нем мы не заметим модернизации истории, 1905 год в деревне изображается реалистически точно, исторически конкретно, но в то же время в произведении ощущается перспектива победившей социалистической революции. Это помогло Скитальцу значительно шире, чем в рассказах 1904—1906 гг., показать политическое творчество, политическую самостоятельность крестьянства в эпоху первой русской революции. Если даже в лучшем, наиболее революционном, рассказе 1905 года «Лес разгорался» крестьяне только готовятся к решительному выступлению, то в романе «Кандалы» мы видим, как они создают революционную Кандалинскую республику, организуют свое демократическое самоуправление. В романе «Кандалы» Скиталец впервые показал связь восставшего крестьянства с городскими партийными организациями пролетариата (образ последовательного революционера Василия Солдатова, руководителя «сознательных» кандалинских крестьян, боровшегося за единство действий рабочего класса и крестьянства; выступление кандалинца Лаврентия Ширяева на рабочем митинге в городе; совместная подготовка рабочих и крестьян к вооруженной борьбе).

В центре романа «Кандалы» изображение крестьянской массы, пробуждение ее сознания, революционной активности. Сюжет произведения разворачивается как история борьбы крестьянства за свое освобождение. Главным героем «Кандалов» является народная крестьянская масса; писатель рисует широкую панораму крестьянской жизни. Однако в произведении Скитальца собирательный образ народа не подчиняет себе историю отдельных характеров, а раскрывается через эти характеры. В крестьянской массе выпукло очерчены типичные ее представители — замечательные крестьянские революционеры, народ-

³⁹⁾ С. Г. Скиталец написал два одноименных произведения — рассказ и роман. Рассказ «Кандалы» (1904 г.) явился ядром будущего романа.

ные трибуны Елизар Буслаев и Лаврентий Ширяев, смело возглавившие Кандалинскую республику, и другие. Особенность этих героев в том, что они действуют вместе с народом, выполняя его волю, и немыслимы вне крестьянской массы. Это эпические герои, выразители духа своего народа, его миропонимания. По своему жанру «Кандалы» Скитальца ближе всего к многоплановому роману — эпопее, в основе которого лежит судьба народной массы, ее художественная, то есть раскрытая через человеческие характеры (собираательные или индивидуальные) история. (Сам автор назвал свое произведение «историческим сказом», желая подчеркнуть документальность многих эпизодов и образов⁴⁰), хроникальность основного сюжета).

В романе «Кандалы», своем последнем, «итоговом» произведении, Скиталец стремится к эстетическому освоению истории, к органическому единству человеческих характеров, личных судеб и исторических событий. Однако это не всегда удается автору. Наряду с полнокровными цельными характерами, в которых мы видим это органическое слияние личного, индивидуального и исторического, в произведении встречаются бледные, иллюстративные образы, привлеченные автором исключительно для персонификации какой-либо идеи (например, рабочий Альбрехт, ратующий за укрепление союза рабочего класса и крестьянства и говорящий цитатами из прокламаций). Роман «Кандалы» написан неровно. В нем преобладают выпукло, пластически изображенные сцены крестьянской жизни, революционной борьбы в селе Кандалах. В то же время произведение не свободно от мелькания эпизодических образов, от многословных описаний, которые тормозят развертывание сюжета. При всех несомненных достоинствах последнего произведения Скитальца мы не можем назвать его вершиной творчества писателя. Скиталец стремится дать широко эпическое, обобщенное, синтезированное отображение революционной действительности, но ему не удалось вполне овладеть сложной формой советского многопланового романа — эпопеи.

Несмотря на отмечавшиеся выше противоречия и писательские неудачи, творчество Скитальца — писателя реалиста, талантливого прозаика и поэта — обогатило нашу литературу. Лучшие произведения Скитальца сохранили свое значение и в наши дни, горячо интересуют современного читателя⁴¹).

⁴⁰) См. Революция 1905—1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии. Документы и материалы. Куйбышевское книжное издательство, 1955, стр. 215—228.

⁴¹) См. «Почему не перенздают произведения Скитальца?» (письмо читателей). «Литературная газета» от 10 июня 1954 г.

Л. И. КОРОЛЬКОВА

О ПОЭЗИИ С. Г. СКИТАЛЬЦА

Талантливый писатель-демократ С. Г. Скиталец в годы первой русской революции был широко известен как общественный деятель, прозаик и поэт. Особенно популярной была поэзия Скитальца. Его поэтическое творчество переплетается с политической борьбой, являясь частью этой борьбы.

Выступления Скитальца-поэта выливаются в бурные революционные демонстрации (чтение стихотворений «Гусляр» и «Нет, я не с вами...» на литературно-музыкальном концерте в Москве 12 декабря 1902 г.¹⁾, выступление на вечере, организованном симбирской организацией РСДРП в январе 1905 г.²⁾). Поэтическая деятельность Скитальца в разгар революционных событий 1905—1907 гг. непосредственно связана с рабочим революционным движением. Он участвует в организованном Горьким 30 июля 1905 г. литературном концерте в Териоках, средства с которого шли в фонд помощи бастующим путиловским рабочим³⁾, выступает на митинге трудящихся Гельсингфорса в честь Горького и русской революции 19 января 1906 г.⁴⁾. Стихотворения Скитальца публикуются на страницах социал-демократической газеты «Молодая Россия»⁵⁾, печатаются в прокламациях и сборниках революционной поэзии⁶⁾.

В годы первой русской революции Скиталец в лучшей части своего поэтического творчества выступает как поэт революционной демократии. Не случайно на поэзию Скитальца обратил внимание В. И. Ленин, который в своей работе «Победа кадетов и задачи рабочей партии» (1906 г.) использует образы стихотворения «Тихо стало кругом» и в подстрочном примечании цитирует это стихотворение⁷⁾. Скиталец накануне первой русской революции и во время революционной бури стоит на пути к пролетарской революционной поэзии. Его поэтическое

¹⁾ См. Н. Д. Телешов. Записки писателя, Московский рабочий, 1958, стр. 46—48.

²⁾ См. «1905 год» (сборник воспоминаний участников революционного движения в бывших Самарской и Симбирской губерниях), Куйбышевское краевое издательство, 1935, стр. 66—67.

³⁾ Документ петербургского охранного отделения о концерте в Териоках, цитируется по книге «М. Ф. Андреева», Государственное издательство «Искусство», Москва, 1961, стр. 84—86.

⁴⁾ Там же, стр. 101.

⁵⁾ См. П. С. Бейсов. Заметки о Скитальце (Горьковское влияние «Гусляр»). Ученые записки Ульяновского государственного педагогического института, вып. 7, Ульяновск, 1955, стр. 222.

⁶⁾ См. А. Дун. М. Горький и Скиталец. Русская литература, № 3, 1960, стр. 168.

⁷⁾ В. И. Ленин. Сочинения, Издание четвертое, т. 10, стр. 194.

творчество необходимо рассматривать в тесной связи с произведениями пролетарских поэтов начала века. Молодые поэты рабочего класса, Скиталец и их великий учитель Горький находятся в одном литературном лагере, по одну сторону баррикад, хотя Скитальцу и не удалось подняться до последовательной пролетарской революционности.

Близость Скитальца к революционной пролетарской поэзии проявилась в идейно-тематическом содержании и стиле его поэтических произведений. В творчестве Скитальца большое место занимает вопрос о роли поэта в общественной жизни страны. В годы революционного подъема это была политически актуальная проблема, вокруг которой развернулась острая полемика. В начале века активизировались поэты-декаденты, выступавшие со своими программными заявлениями о назначении поэта. В их поэтических декларациях проявился крайний индивидуализм, абстрактно-идеалистическая отрешенность от действительности, мистицизм и, в конечном счете, враждебность народу. Декаденты твердили о расколе «поэта и общества»⁸⁾, об отказе поэзии от гражданственности, от «служения новому богу — народу»⁹⁾, о том, что целью искусства являются «мистические тайны»¹⁰⁾.

В противоположность декадентским любителям «чистого искусства» демократическая литература выдвинула идеал поэта — гражданина, неразрывно связанного с трудящимися массами. Лирический герой стихотворений Скитальца: «Колокол», «Нет, я не с вами: своим напрасно...», «Я хочу веселиться, радостного пенья...», «Я оторван от жизни родимых полей...», «Гусляр», «Знайте, если я пел...», «Телами нашими устлали мы дорогу...», «Четверо», «Я и меч» — вышел из народа и всем сердцем верен «народным заветам»¹¹⁾. Он овладел культурой, современным образованием, но остался чужим в кругу далекой от народа буржуазной интеллигенции.

«Но для тех, в чью страну я заброшен судьбой,
Я не сделался близким и другом:
Я их проклял проклятием злобы святой,
И отброшен я сытым их кругом»¹²⁾.

Это поэт-революционер. Скиталец утверждает неотделимость судьбы народного певца от судьбы народа. В стихотворении «Четверо» он рисует образ народного поэта, сына крестьянки, который вдохновляет своих братьев на революционную борьбу и сам погибает в этой борьбе:

«Певец перед боем спел песню героям
И сгинул в неравном бою»¹³⁾.

Все помыслы поэта принадлежат трудящимся, угнетенным и пораженным господствующими классами.

В разработке темы поэта и поэзии Скиталец выступает как представитель определенного литературного направления, сближается с пролетарской поэзией. Например, аналогичные взгляды на роль поэзии высказывают пролетарские поэты А. М. Гмырев («Мои песни»),

⁸⁾ Вячеслав Иванов. Поэт и чернь, ж. «Весы», 1904, № 3, стр. 4.

⁹⁾ А. Бенуа. Художественные ереси, ж. «Золотое руно», 1906, № 2, стр. 86.

¹⁰⁾ В. Брюсов. Ключи тайн, ж. «Весы», 1904, № 1, стр. 21.

¹¹⁾ С. Г. Скиталец. Избранные стихи и песни, ГИХЛ, Москва, 1936, стр. 43.

¹²⁾ С. Г. Скиталец. Рассказы и песни, Издание товарищества «Знание», С.-Петербург, т. I, 1903, стр. 240. (В дальнейшем издании не указывается).

¹³⁾ С. Г. Скиталец. Избранные стихи и песни, ГИХЛ, Москва, 1936, стр. 43.

А. А. Богданов, который в своем стихотворении «Два стана» противопоставляет поэзию труда и борьбы декадентской проповеди умирания, пресыщения¹⁴), А. Я. Коц («Я слышу звук его речей...»), Е. М. Тарасов («Недосказанная поэма», «Замкнувшись в башню с окнами цветными...»). Взгляд на поэзию как на «гимн грядущему», гимн свету, мы встретим и в юношеском стихотворении Горького «Не браните вы музу мою...»¹⁵). Скиталец, пролетарские поэты и их учитель Горький выступают против эстетского взгляда на искусство как на служение какой-то высшей, оторванной от народа и народной жизни красоте.

Такое понимание вопроса о назначении поэта является органическим продолжением традиций революционно-демократической поэзии XIX века — традиций Некрасова, поэтов «Искры», поэтов революционного народничества. В стихотворениях Скитальца о роли поэта и поэзии чувствуется творческая переключка с известными произведениями великого поэта крестьянской революционной демократии Некрасова («Муза», «Блажен незлобивый поэт...», «Праздник жизни — молодости годы...», «Поэт и гражданин», «Элегия» и другие).

В то же время Скиталец поэт, по своему дарованию и творческому диапазону значительно уступавший Некрасову, но живший в эпоху пролетарской революции, внес в разработку этой темы существенно новый момент. Это новое было навеяно массовым революционным движением, борьбой рабочего класса. Скиталец первым в русской поэзии создает образ поэта-рабочего, поэта-кузнеца, поэта — пролетарского революционера, и в этом его непреходящая заслуга. Для лирического героя стихотворения «Кузнец» (1902 г.) поэтическое слово — это меч в борьбе с угнетателями, поэт и революционер слиты в одном лице. Такая трактовка образа роднит Скитальца с пролетарскими поэтами, у которых революционное слово и дело неразрывны. Образ поэта-кузнеца, поднимающего тяжкий молот на своих классовых врагов, впервые появившийся в стихотворении Скитальца, становится исключительно популярным в революционной рабочей поэзии («Кузнецу» И. Е. Привалова, «Песня кузнеца» А. Микульчик, «Кuem и знаменитое «Мы кузнецы, и дух наш молод...» Ф. С. Шкулева, «Песня кузницы» Н. Рыбацкого, «Кузнец» Д. Н. Семеновского и другие).

Стихотворение Скитальца «Кузнец» было широко известно в революционной среде, восторженно встречалось передовой молодежью. О политической окрашенности стихотворения, о производимом им впечатлении свидетельствует интересный эпизод, приведенный Л. Никулиным в книге «Люди русского искусства». Вспоминая о концерте Ф. Шаляпина в Тифлисе в 1910 г., Никулин рассказывает: «Читал он (Шаляпин) «Кузнеца» Скитальца. Читал не лучше драматических артистов, и только в самом конце стихотворения: «...и в железные сердца — бей!» — в слове «бей» прозвучала металлическая нота шаляпинской силы и вызвала бурю восторга. Впрочем, здесь было не только восхищение мастерством артиста, это было эхо революционных бурь 1905 года. Была пора реакции: все, что говорило молодежи о ненависти к «железным сердцам», вызывало возбуждение и подъем революционных чувств»¹⁶). Стихотворение «Кузнец» любил читать с эстрады

¹⁴) Сб. «Революционная поэзия», Советский писатель, Ленинград, 1954, Большая серия, стр. 257.

¹⁵) См. «М. Горький и поэты «Знания», Советский писатель, Ленинград, 1958, стр. 84.

¹⁶) Л. Никулин. Люди русского искусства, Государственное издательство «Искусство», Москва, 1952, стр. 136.

молодой В. В. Маяковский¹⁷⁾. О «крамольном и отражающем иронию на правительство» содержании этого произведения писали в своих до-несениях жандармы¹⁸⁾. Стихотворение «Кузнец» было положено на музыку композитором Кенеманом¹⁹⁾ и распевалось по всей стране как революционная песня наряду с песнями пролетарских поэтов Л. П. Ра-дина, Ф. С. Шкулева, А. А. Богданова, А. Я. Коца, с обработками польских революционных песен Г. М. Кржижановского.

В поэзии Скитальца, как и в творчестве пролетарских поэтов, пре-обладает политическая лирика. Если у раннего Скитальца (в 90-е годы) мы найдем много стихотворений интимного характера, в которых преобладают мотивы грусти, тоски («Дума», «Дитя мое, ты так пы-тлива...», «Осень», «Сон», «Ночи, мои ночи, как вы молчаливы...»), за-метна романтическая идеализация гордой, сильной, свободолюбивой личности, бросающей вызов окружающему мещанству, но социально одинокой («Вы сказались, бессонные ночи...», «Закипела в сердце кровь...»), то в поэзии 1900—1907 гг. он выразил подъем демокра-тических настроений накануне первой русской революции и в разгар револю-ционных событий. Лирика Скитальца этих лет предвещает наступление революционной бури и приветствует ее. Стихи Скитальца прозвучали как голос угнетенных масс, впервые осознавших свое право на жизнь и счастье:

«Воздуха, цветов мне, солнечной погоды!
Слишком долго шел я грязью, под дождем.
Я хочу веселья, я хочу свободы,
Оттого что был я скованным рабом!
Я хочу рубиться, мстить с безумной страстью,
Оттого что долго был покорен злым.
И хочу любви я, и хочу я счастья,
Оттого что не был счастлив и любим!»²⁰⁾.

Его поэзии свойственны романтическая приподнятость, романтиче-ский пафос стремления ввысь: к свету, солнцу, свободе («Я хочу ве-селья, радостного пенья...», «Долго я шел без дороги...», «Я упал с об-лаков в эту бездну мученья...», «Алмазы», «Ручей», «Узник» и другие).

Оптимистическое, бодрое настроение, вера в победу народа, сбрасывающего ярмо рабской жизни, роднят Скитальца с зарождающейся пролетарской литературой — с творчеством ее гениального основопо-ложника Горького и с пролетарской поэзией начала века. Эту творче-скую близость отмечали многие современники. Н. Д. Телешов в своей неопубликованной статье о Скитальце упоминает, что «его (Скиталь-ца) стихи имели большое революционизирующее значение. Его поэзия прозвучала встречным откликом на буревестнические настроения Горького. В лучших его стихах были вспышки тех же молний, среди которых реял и горьковский «буревестник»²¹⁾.

Однако нужно отметить, что Скиталец в своем поэтическом твор-честве только приближается к Горькому и молодым поэтам рабочего класса. Пролетарская поэзия 1890—1917 гг. внесла в литературу новые

¹⁷⁾ См. История русской литературы, Издательство АН СССР, М., 1954, Л., т. X, стр. 706.

¹⁸⁾ Цитируется по книге «М. Ф. Андреева», Государственное издательство «Искус-ство», Москва, 1961, стр. 84—85.

¹⁹⁾ См. С. Г. Скиталец. Письмо брату А. Г. Петрову от 24/IV-1928 г., ЦГАЛИ, ф. 484, оп. 1, ед. хр. 60.

²⁰⁾ С. Г. Скиталец. Я хочу веселья, радостного пенья..., Рассказы и песни, т. 1, стр. 118.

²¹⁾ ЦГАЛИ, ф. 499, оп. 1, ед. хр. 20.

темы и образы, запечатлев в своих произведениях жизнь и борьбу русского пролетариата, ставшего во главе всенародного движения в России и проложившего путь к торжеству социализма. Она выступила как поэзия боевой социалистической партийности. В пролетарскую поэзию в 90—900-е годы проникла социалистическая идеология и сделалась ее ведущей и определяющей силой («Смело, товарищи, в ногу...» и «Смелей, друзья, идем вперед...» Л. П. Радина, «Песня пролетариев» и «Студенческая марсельеза» А. А. Богданова, «Варшавянка», «Красное Знамя», «Беснуйтесь, тираны» Г. М. Кржижановского, вершина пролетарской социалистической поэзии — международный рабочий гимн «Интернационал» Эжена Потье в русском переводе А. Я. Коца и другие). В поэзии Скитальца борьба за свободу носит стихийный характер, в его поэтических произведениях мы не найдем такого четкого выражения революционных идей, осознанного социалистического содержания. Но в творческом наследии поэта есть и произведения, в которых он поднимается до понимания огромной ведущей роли пролетариата во всенародном освободительном движении, откликается на героическую борьбу рабочего класса — «Кузнец», «Тихо стало кругом». Стихотворение «Тихо стало кругом» явилось непосредственным откликом на поражение Московского вооруженного восстания в декабре 1905 года. Это событие не повергло поэта в безысходный пессимизм. Он полон ненависти к наступающей реакции, обличает кроважидную жестокость царских карателей, верит в грядущую победу народа. В стихотворении «Тихо стало кругом» Скиталец сумел выразить настроения пролетарских революционеров, не растерявших после временного поражения революции и готовивших силы для новой борьбы. Стихотворения «Кузнец» и «Тихо стало кругом» по своему идейному значению, художественной выразительности и широкой популярности в народных массах не уступают, на наш взгляд, лучшим образцам пролетарской революционной поэзии.

Скиталец, как и поэты рабочего класса, многому научился у Горького. В гениальных произведениях Горького, стихотворениях в прозе «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике», «Человек» молодая социалистическая поэзия выступила как искусство глубочайших философских и художественных обобщений; в них воплощен высокий нравственный идеал свободного человека — идеал, который мог возникнуть только на почве формирующегося революционного социалистического мировоззрения. Это глубокое идейное содержание Горький передает в своеобразной художественной форме, в обобщенных концентрированных образах — символах. Поэтическое творчество Скитальца по своему идейно-тематическому содержанию и художественной манере родственно Горькому, хотя мы, конечно, не можем сопоставлять Скитальца и Горького ни по силе художественного дарования, ни по идейной, философско-революционной зрелости и глубине поэтических обобщений. О Скитальце и Горьком можно говорить как об ученике и учителе. «Стихи мои (Скитальца — Л. К.) явились невольным отражением переживавшихся настроений, новых впечатлений, прочитанных книг и ежедневных, чрезвычайно содержательных разговоров с Алексеем Максимовичем»²²), — вспоминает Скиталец о своей поэтической работе в начале 900-х годов.

Революционно-романтическая поэзия Горького была замечательной школой художественного мастерства. Творчество Горького оказало огромное влияние на содержание и стиль поэзии Скитальца. Многие современники обращали внимание на появление в произведениях Ски-

²²) С. Г. Скиталец. Повести и рассказы. Воспоминания, Московский рабочий, 1960, стр. 311.

гальца «горьковских» мотивов и поэтических иносказаний (например, в стихотворении «Я упал с облаков...», можно найти прямые реминисценции из «Песни о Соколе» Горького). Не являлось ли это механическим подражанием великому писателю и литературному учителю? Такая мысль проскальзывает в некоторых интересных работах о поэзии Скитальца (в статье Н. В. Гамалий «М. Горький и Скиталец»²³) и во вступительной статье С. В. Касторского к сборнику «М. Горький и поэты «Знания»²⁴). Лучший ответ на вопрос дал сам А. М. Горький. Когда поэт Д. Н. Семеновский однажды спросил его, почему Скиталец писал в том же стиле, в каком написаны горьковские произведения («О маленькой фее и молодом чабане», «Песня о Буревестнике»), Алексей Максимович объяснил: «Время было такое»²⁵). Сама эпоха, сходство биографий, активное участие в освободительной борьбе народа, революционно-демократические убеждения и особенности таланта, индивидуальная творческая предрасположенность диктовали молодому Скитальцу «горьковские» мотивы, горьковскую романтическую патетику. Творческое взаимодействие Скитальца с Горьким было глубоко органичным. Скиталец-поэт выполнял эстетический завет Горького — замечать героические явления в жизни и поэтизировать, романтизировать их, наступало время «нужды в героическом»²⁶), революционные подвиги становились все более частым явлением и требовали своего литературного воплощения.

Скитальца, как и Горького, привлекает обобщенное, синтезированное отображение действительности. В его стихотворениях много условных, аллегорических образов. Эти образы-символы концентрируют большое жизненное содержание, помогают кратко и в поэтической, эмоциональной форме раскрыть сущность социальных явлений. Они выражают революционные идеи, воспевают новых людей революционного действия, разоблачают врагов восставшего народа (закованные в гранит и тоскующие о солнце алмазы; разрушающий плотину ручей; буря на море; узник и его друг — орел; выросший в «проклятой стране» и напавшийся человеческой кровью цветок; одряхлевший и обожравшийся зверь самодержавия; разбивающий оковы богатырь и другие). Интересно отметить, что по мере приближения к революционному 1905 году символы в поэзии Скитальца становятся отчетливее, конкретнее, яснее, глубже захватывают жизнь, отображают революционную практику пролетариата. (Сравним образы написанных в 90-е годы стихотворений «Спит море предо мной...», «Утром зорька молодая...», «Моя жизнь — это бурная ночь на волнах...» и других с поэтическими иносказаниями появившихся ближе к 1905 г. стихотворений «Кузнец», «Тихо стало кругом», «Проклятая страна», «Валькирии», «Шумит, ревет и пляшет море...»).

Тяготение к условным, фантастическим, аллегорическим образам, лишенным социальной и бытовой конкретности, характерно для романтического стиля. Однако эта романтическая окрашенность поэтических произведений Скитальца вовсе не говорит об отрешенности поэта от действительности, об его уходе в мир фантазии. Символы Скитальца — не метафизические абстракции, а собирательные образы реальных людей, страдающих, борющихся, побеждающих. Романтика Скитальца 900-х годов носит ярко выраженный революционный характер; корни ее в самой действительности, в пробуждении молодых сил.

²³ Н. В. Гамалий. М. Горький и Скиталец. Ученые записки Краснодарского педагогического института, вып. 21, 1957, стр. 111—126.

²⁴ М. Горький и поэты «Знания», Советский писатель, Ленинград, 1958, стр. 36.

²⁵ М. Горький в воспоминаниях современников, ГИХЛ, 1955, Москва, стр. 397.

²⁶ М. Горький. Собрание сочинений в 30 тт., т. 28, ГИХЛ, Москва, 1954, стр. 118.

в революционной энергии поднявшегося на борьбу народа. Массовое революционное движение, героика и патетика самой действительности питали романтическую струю в поэзии Скитальца.

Отметим, что у многих пролетарских поэтов-современников Скитальца мы найдем более четкое, конкретно-историческое изображение социалистической борьбы рабочего класса. В стихотворениях В. Е. Нечаева («Безработный», «Душно»), А. А. Богданова («На заводе»), А. А. Белозерова («Из песен труда»), И. Е. Привалова («Прядильщики»), Ф. С. Шкулева («Из моего прошлого») рисуется жизненно правдоподобная реальная картина жестокой эксплуатации труда рабочего; в пролетарской поэзии реалистически точно, «в формах самой жизни» изображаются различные эпизоды революционного рабочего движения (стачки, демонстрации, маевки, баррикадные бои, расправы царских карателей). Пролетарские поэты гораздо лучше Скитальца знали жизнь рабочего класса, и в этом их большое преимущество. В их творчестве нашли свое выражение идеи коммунистической партийности. В то время как Скиталец оставался писателем общедемократических взглядов, его политические идеалы были довольно расплывчатыми. Однако и политическая лирика Скитальца с ее обобщенными, романтическими образами, с ее героическим пафосом в какой-то мере выражала настроения революционного пролетариата и народных масс, сплотившихся под его знаменем.

Поэзия Скитальца не теряет своей героической настроенности, оптимизма и в момент поражения первой русской революции. Содержание стихотворений, являющихся откликом на поражение восстания, не исчерпывается только горькой скорбью и проклятиями палачам («Тихо стало кругом», «Проклятая страна», «Четверо», «Валькирии», «Шумит, ревет и пляшет море...», «На рассвете юной жизни...»). Поэт верит в народ, в его грядущую победу, призывает к сопротивлению («На рассвете юной жизни...», «Тихо стало кругом»). Образ народа — «богатыря, разбивающего оковы»²⁷), не смирившегося перед реакцией, собирающего силы для новой решительной схватки с «одряхлевшим драконом»²⁸) — самодержавием привлек внимание В. И. Ленина к стихотворению «Тихо стало кругом». Эти настроения сближают поэзию Скитальца с пролетарской поэзией времен реакции («Смолкли залпы запоздалые...» Е. М. Тарасова, «Узник» А. А. Белозерова, «После боя» А. А. Богданова, «Они победили...» А. М. Гмырева и др.). Творчество Скитальца и пролетарских поэтов противостояло поэзии буржуазного упадка, произведениям декадентских литераторов, торопившихся похоронить революцию, надругаться над памятью павших борцов (Федор Сологуб, Мережковский, Гиппиус, прозаик Арцыбашев и другие). В это трудное время Скиталец остается верен революционно-демократическим идеям, знамени Горького.

Подлинная народность содержания лучших стихотворений Скитальца обусловила народность их формы. Поэзия Скитальца органически близка устному народному творчеству.

Неразрывная связь с фольклором характерна для всей революционной поэзии начала века. Передовые поэты рабочего класса много черпали из фабрично-заводского фольклора и, в свою очередь, их произведения оказали большое влияние на устную поэзию фабрик и заводов. Но с особенной полнотой и яркостью творческое взаимодействие с фольклором проявилось в поэзии Горького и Скитальца. Поэтические

²⁷) С. Г. Скиталец. Рассказы и песни, т. 2, Издание товарищества «Знание», С.-Петербург, 1907, стр. 283.

²⁸) Там же.

произведения Скитальца близки фольклору по своему идейному содержанию, образной системе, языку, песенной форме.

Как уже упоминалось, в стихотворении «Тихо стало кругом» встречаются фольклорные образы Дракона и борющегося с ним Богатыря. в стихотворении «Шумит, ревет и пляшет море...» образ Орлицы — родины, скликающей своих потерянных детей — погибших революционеров, в стихотворении «Валькирии», посвященном финскому художнику А. Галлену, с которым Скиталец познакомился на революционном митинге в Гельсингфорсе в январе 1906 г.²⁹⁾, поэт удачно обращается к скандинавскому фольклору, чтобы прославить бесстрашных героев, погибших в борьбе за революцию.

В поэтическом наследстве Скитальца можно выделить произведения, написанные на фольклорные мотивы. Некоторые из них по содержанию и форме напоминают народную песню («Колокольчики-бубенчики звенят...», «Ты скажи-ка, оборванец молодой...», «Каждый вечер, только солнышко зайдет...», «Прощальное слово»), другие передают исторические легенды и поверья народа («Волжские легенды», «На пароходе», «Змей»). В стихотворении «Волжские легенды» (1899 г.) Скиталец творчески использует народные исторические сказания о Степане Разине³⁰⁾. Но особенно частым и глубоко органичным было обращение Скитальца к народной песне. Горячую любовь к песенному фольклору Степан Гаврилович пронес через всю свою жизнь. Вместе с популярностью Скитальца-писателя росла его популярность певца и гусяра. Скиталец был не только замечательным исполнителем, популяризатором, но и собирателем народных песен³¹⁾. Особенно ярким фактом в деятельности Скитальца — собирателя фольклора — является то, что именно он первым записал текст и мелодию песни «Солнце всходит и заходит...», известной всем по пьесе Горького «На дне». В очерке «Волжские песни» Степан Гаврилович вспоминает, что записал эту песню в 1901 г. в глубине самарских степей от рабочей артели, певшей ее³²⁾. Мы полагаем, что факт записи песни «Солнце всходит и заходит...» Скитальцем и передачи ее Горькому подтверждается и перепиской самого Алексея Максимовича. В письме к К. П. Пятницкому от начала февраля 1903 г. Горький сообщает: «Получил «Дно». Очень хорошо вышло. Но Скиталец все же напутал в нотах. Первый голос у него транспонирован ниже хора. Едва ли это так, а впрочем — я не политик и в нотах не знаток»³³⁾.

Долгое время считалось, что автором песни «Солнце всходит и заходит...» является Горький. Передача этой песни Скитальцем Горькому говорит и о близости их взглядов на фольклор и о творческом содружестве писателей Горький был учителем и литературным наставником Скитальца. Однако их творческая связь не была исключительно односторонней, как иногда изображают³⁴⁾, общение со Скитальцем в свою очередь отразилось и в творчестве самого Горького.

²⁹⁾ См. С. Г. Скиталец. Повести и рассказы. Воспоминания, Московский рабочий, 1960, стр. 341—343.

³⁰⁾ Вопрос о творческом использовании С. Г. Скитальцем легенд разинского цикла рассматривается нами в статье «С. Г. Скиталец и некоторые вопросы фольклора», см. сб. «Вопросы метода и стиля», Ученые записки Томского госуниверситета, № 45, 1963

³¹⁾ См. там же.

³²⁾ С. Г. Скиталец. Волжские песни. Полное собрание сочинений, Книгоиздательство «Жизнь и знание», Петроград, 1918, т. 3, стр. 271—272. О записи этой песни С. Г. Скитальцем упоминается в статье А. Дун «М. Горький и Скиталец», Русская литература, 1960, № 3, стр. 166.

³³⁾ Архив А. М. Горького, т. IV, Письма к К. П. Пятницкому, ГИХЛ, Москва, 1954, стр. 117.

³⁴⁾ См. статью Н. В. Гамалий. «М. Горький и Скиталец» (Ученые записки Краснодарского педагогического института, вып. 21, 1957, стр. 111—126) и автореферат ее кандидатской диссертации «Редакторская деятельность А. М. Горького в изда-

Глубокий интерес Скитальца к народной песне проявился в укреплении песенного образно-интонационного строя в его поэзии. Стихотворения «Узник», «Прощальное слово», «Ты скажи-ка, оборванец молодой...», «Каждый вечер, только солнышко зайдет...» и другие близки жанру народной «тюремной» песни. Скиталец особенно интересовался так называемыми «разбойничьими» песнями, потому что в них поется не только о несправедливости народа, но и о его ненависти к угнетателям, о его протесте. В своей неопубликованной статье «Корни революции (народные сказки и песни)» Скиталец вспоминает об огромном впечатлении, испытанном им в 1901 г. во время заключения в нижегородскую тюрьму от слышанных там тюремно-невольничьих песен. «Песни каторжан, сопровождаемые звоном цепей, производят потрясающее впечатление. Мне лично приходилось слышать эти песни не от артистов, загримировавшихся и костюмированных каторжанами, а от подлинных каторжан в дореволюционной тюрьме. Особенно тяжело было слышать песню об ужасах Сахалина, этого, поистине, острова мертвых. Она заканчивалась словами: «Спит там правда, спят законы»... и т. д.³⁵⁾.

Эти впечатления отразились в написанном в тюрьме поэтическом цикле. В стихотворении «Узник» творчески используется традиционный фольклорный мотив дружбы узника и орла. Пойманный, закованный орел (сокол) — один из любимых образов народной поэзии. У Скитальца орел — вольная птица, которая «смело, гордо реет»³⁶⁾ в облаках и издали посылает свой привет узнику. Это символ оставшихся на свободе непобедимых сил революционного народа. Стихотворение Скитальца перекликается с «Узником» Пушкина, произведением, которое стало народной песней, возвратилось в фольклор и обогатило его. Творческая связь с фольклором — одна из лучших традиций русской классической литературы — была подхвачена демократическими писателями начала XX века.

В своих заметках о фольклоре Скиталец указывает на причины некоторой идеализации разбойника и сочувствия к нему в народной песне крепостной эпохи. «Разбойник был страшен попом и купцам, но запуганному крестьянину часто оказывался другом. Их судьба была единственным путем к единственной тогда воле...³⁷⁾. К «разбойникам» относили «беглых» солдат и крепостных, «скрывавшихся, как звери, по лесам и трущобам»³⁸⁾. В некоторых народных песнях разбойник — не просто человек, вырвавшийся из-под крепостного гнета на волю, он — народный мститель и борец за поправленную справедливость. Мысли Скитальца о причинах поэтизации личности разбойника в народных песнях близки высказываниям Горького по этому вопросу (см. статью Горького о Робин Гуде³⁹⁾).

В некоторых народных песнях о «разбойниках» рассказывается, каким образом молодой крестьянин становится разбойником, раскрываются социальные корни разбойничества. В стихотворении Скитальца «Ты

тельстве «Знание» (Московский педагогический институт им. Н. К. Крупской, Москва, 1958).

³⁵⁾ ЦГАЛИ, ф. 484, оп. 2, ед. хр. 53, Корни революции (народные сказки и песни).

³⁶⁾ С. Г. Скиталец. Рассказы и песни, т. 1, стр. 241.

³⁷⁾ ЦГАЛИ, ф. 484, оп. 2, ед. хр. 53, Корни революции (народные сказки и песни).

³⁸⁾ Там же.

³⁹⁾ М. Горький. Несобранные литературно-критические статьи, Гослитиздат, Москва, 1941, стр. 303—305.

скажи-ка, оборванец молодой...» также упоминается о причинах, толкнувших героя на «разбой», в общих чертах передается его краткая поэтическая автобиография:

«Воспитала меня мачеха-судьба,
Я щелчками да ударами вскормлен,
А учила беспощадная борьба,
Всем наукам я прекрасно обучен»⁴⁰).

Герой стихотворения по традиции смело отвечает на допрос воеводы. Его иронический ответ о своих друзьях и сообщниках напоминает ответ доброго молодца «грозному судье — самому царю» в широко известной народной «разбойничьей» песне «Не шуми, мати зеленая дубравушка». В стихотворении «Ты скажи-ка, оборванец молодой...» Скиталец использует такой характерный прием народной песни как олицетворение. Отвлеченные понятия — голод, холод, неудача, нужда, гнев, горе, одиночество, месть — выступают как живые существа — сестры, братья и «товарищи — друзья» героя.

В стихотворении «Каждый вечер, только солнышко зайдет...» звучит мотив неизбежности тюрьмы, вечной неволи, очень распространенный в народных песнях (например, «Голова-то моя ль удалая...» и другие). Герой произведения Скитальца также подружился, породнился с тюрьмой, тюрьма поглощает его навсегда. В этом стихотворении мы встречаемся с лексикой и интонацией народной «тюремной» песни:

«Эх ты, матушка, кормилица-тюрьма,
Хлебосольна ты, крепка и хороша!
Знать, тебя-то, как ни рвется без ума,
Не минует молодецкая душа»⁴¹).

Заключительным стихотворением «тюремного» цикла 1901 г. является «Прощальное слово». Оно было положено на музыку композитором Слоновым и вместе с романсом Кенемана на текст стихотворения «Кузнец» прочно вошло в концертный репертуар Шаляпина⁴²).

«Тюремная» тема была исключительно популярной в революционной поэзии начала века. Особенно много стихотворений о тюрьме появилось после поражения революции 1905—1907 гг. В творчестве пролетарских поэтов («Узник» А. Белозерова, «Они победили...», «Я погибну, но вместе со мной не умрут...» А. Гмырева, «Перестукиваемся...» Н. Рыбацкого, «Если, товарищ...» И. Привалова, «тюремные» циклы Е. Тарасова и И. Воронова) перед нами предстает тюрьма политзаключенных, мужественных, сознательных борцов против самодержавия, не сломленных дикими, зверскими расправами царских тюремщиков. Это была новая, пролетарская «тюремная» поэзия, проникнутая социалистической идеологией, отражавшая качественно новый этап русского революционного движения, центральной фигурой которого стал рабочий класс, возглавивший всенародную борьбу за свободу. Политические мотивы в «тюремной» лирике пролетарских поэтов звучат гораздо яростнее, чем у Скитальца. В стихотворениях Скитальца о тюрьме, как и в народных песнях этого жанра, нет прямого призыва к свержению социальной несправедливости. На первый взгляд, в них нет ничего революционного. Тем не менее противопоставление воли и неволи имело определенный символический смысл, призывало к борьбе за свободу. Этим объясняется

⁴⁰) С. Г. Скиталец. Рассказы и песни, т. 1, стр. 245.

⁴¹) Там же, стр. 244.

⁴²) См. Ф. И. Шаляпин. Статьи, высказывания, воспоминания о Шаляпине. Государственное издательство «Искусство», Москва, т. 2, 1958, стр. 581—582.

особая популярность «тюремных» стихотворений Скитальца во время первой русской революции, когда они, как и пушкинский «Узник», лермонтовское «Отворите мне темницу...», записанная Скитальцем и ставшая широко известной благодаря пьесе Горького «На дне» народная песня «Солнце всходит и заходит...» пелись как песни революционные.

Органическая связь с устной народной поэзией, широкое использование фольклорных образов придает неповторимое художественное своеобразие лирике Скитальца. Он подходит к фольклору творчески, ему чужд взгляд на устную народную поэзию, как на что-то застывшее, мертвое. Некоторые традиционные фольклорные образы переосмысливаются поэтом, в них вкладывается новое, революционное содержание. Так, например, герой стихотворения «Гусляр», народный певец и музыкант, не только поет старые песни, полученные в наследство от «батюшки-гусляра». Он поет новую «песнь свободы»⁴³).

В поэтической лексике Скитальца много фольклоризмов. Тут и существительные с уменьшительными суффиксами (солнышко), повторы (колокольчики-бубенчики, воля-вольная), повторение предлогов (очи милые мне светят в темноте из-под черных, из-под бархатных ресниц), постоянные эпитеты (тюрьма постылая, душа молодецкая, думы черные, поле чистое, звон малиновый), устойчивые сочетания слов (Волга-матушка-река, матушка-кормилица-тюрьма), сравнения — символы (черный ворон — тоска).

Близость к народной песне, страстный лиризм, бурный порыв и романтическая патетика стихотворений Скитальца требовали гибкости и разнообразия в ритмическом оформлении и размере стиха. Большим достоинством многих стихотворений Скитальца является их музыкальность. Они написаны как бы под впечатлением пения и для пения («Колокольчики-бубенчики звенят...», стихи «тюремного» цикла, «Гусляр» и многие другие). В лирике Скитальца, как и в народной протяжной песне, огромную роль играет мелодический рисунок. Не случайно, некоторые его стихотворения стали народными песнями — например, песня «Колокольчики-бубенчики звенят...», в которой любовная тема была насыщена мотивами неумной жажды свободы и борьбы, говорилось о праве «простого» человека на счастье и любовь, красоту. «Стихотворение «Колокольчики-бубенчики звенят...», полное жажды жизни, распевалось всей страной, как народная песня»⁴⁴), — вспоминает Н. Д. Телешов.

Многие стихотворения Скитальца близки народной песне и по своим размерам. «Колокольчики-бубенчики звенят...», «Ты скажи-ка, оборванец молодой...», «Каждый вечер, только солнышко зайдет...», «Прощальное слово» и другие написаны характерным для песенного фольклора шестистопным хореем. В одном из вариантов стихотворения «Гусляр» часть текста написана в ритме плясовой народной песни, типичным плясовым русским размером:

«По наследству
Струны — юны —
Позолочены,
Только сверху звонкой медью
Околочены,
Не линияла б позолота!
Прочь, забота!

⁴³) С. Г. Скиталец. Рассказы и песни, т. 2, стр. 2.

⁴⁴) ЦГАЛИ, ф. 499, оп. 1, ед. хр. 20.

Пей, голота —
 Деньги плочены!
 Наша плата —
 Силы трата!
 Кавардак и трепак,
 Веселится кабак
 И вот эдак
 И вот так!»⁴⁵⁾

В стихотворениях «Гусляр» и «Кузнец» наблюдается переход из одного размера в другой, что позволяет передать различные оттенки настроений, придает ритмическое разнообразие, оригинальность стихотворению.

В поэзии Скитальца наряду с песенной интонацией и интонацией живой, разговорной речи часто звучит голос оратора, трибуна. Агитационно-политическая лирика — излюбленный жанр нашего поэта. Замечательными образцами ораторского жанра являются стихотворения Скитальца «Колокол», «Нет, я не с вами: своим напрасно...», «Я о том лишь пою, что я видел и знал...», «Памяти Чехова», «Тихо стало кругом», «Я и меч» и другие. Энергичная суровость и жесткость стиха сопряжена с воинственным, трибунным характером стихотворений этого типа. В их лексике преобладают «суровые слова» (С. Г. Скиталец «Колокол»), выражающие ненависть поэта к врагам революционного народа, его решительность и твердость в борьбе. В стихотворении «Колокол», имеющем программное значение, Скиталец говорит о себе как о поэте прежде всего гражданском, поэте-ораторе.

Ораторская поэзия стала особенно популярной с началом нового, пролетарского этапа в революционном движении в стране. Революционная песня и ораторское обращение к слушателям — наиболее распространенные жанры в поэзии Е. М. Тарасова, А. А. Богданова, А. Я. Коца, А. М. Гмырева и других современников Скитальца, писавших в 90—900 годы. Скиталец внес свой вклад в развитие русской гражданской поэзии этого периода.

Скиталец не был выдающимся мастером поэтической формы. В его стихотворениях подчас встречаются риторические образы, шаблонные сравнения, красоты, преувеличения без соблюдения чувства меры. Неумеренный гиперболизм, риторичность в выражении чувства ненависти к врагам давали повод к литературным пародиям⁴⁶⁾. В некоторых стихотворениях Скитальца чувствуется нажим на читателя, раздражение одной и той же мысли в разных вариантах, многословие. В поэзии Скитальца мы не найдем такой филигранной, тонкой отделки формы, как, например, в стихотворениях его современников: Бунина, Брюсова, Фофанова. Горький, с горячей симпатией относившийся к Скитальцу-поэту, высоко ценивший его поэтическое творчество за демократизм, политическую актуальность, героический пафос, глубину идейного содержания, яркую образность, в то же время неоднократно указывал на свойственную Скитальцу грубость и неуклюжесть стиха, небреж-

⁴⁵⁾ См. вариант стихотворения «Гусляр», созданный автором в 1941 г. Приводится П. С. Бейсовым в статье «Заметки о Скитальце» (Горьковское влияние «Гусляр»), Ученые записки Ульяновского педагогического института, вып. 7, Ульяновск, 1955, стр. 222—223.

⁴⁶⁾ См. М. Горький. Литературные портреты, Гослитиздат, Москва, 1959, стр. 173.

ность отделки⁴⁷⁾. «Стих груб, но настроение ценное»⁴⁸⁾. — писал Горький Телешову по поводу «Песен Скитальца», опубликованных в журнале «Жизнь в декабре 1900 г. «Он (Скиталец) груб, но силен»⁴⁹⁾, — замечал Горький в другом письме, сопоставляя лирику Скитальца с поэзией Фофанова.

Однако совместная работа Скитальца с Горьким над стихотворениями, вошедшими в I том «Рассказов и песен» (издан в марте 192 г.), творческая учеба у Горького в 1900—1902 гг. помогли Скитальцу преодолевать свойственные его поэзии художественные недостатки. Великий пролетарский писатель сыграл исключительную роль в творческом становлении Скитальца и как прозаика и как поэта. Горький — редактор стихотворений Скитальца — помогал ему избавляться от риторических образов, учил его добиваться большей простоты, конкретности, четкости в композиции, краткости и точности в выражении поэтической мысли. «Можно, я думаю, переставить строчки и так: «Мы сделали тверды, как сталь! И злым засверкали огнем! — Мне кажется, что символ, заключенный в этих 8 строчках, не менее ясен, чем был раньше в 12-ти»⁵⁰⁾, — замечал Горький относительно стихотворения «Алмазы». В стихотворениях Скитальца, написанных ближе к 1905 г., исчезают напыщенные фразы, многословие, в них больше сдержанности и лаконичности в выражении чувств («Тихо стало кругом», «Проклятая страна», «Валькирии», «Четверо» и другие). Под влиянием Горького и приближавшейся революционной бури поэзия Скитальца становилась все более идейно насыщенной, оптимистической и боевой». Его демократизм приобретал новое качество, становился революционным демократизмом. Поэзия Скитальца привлекает яркой эмоциональностью, искренностью, лирическим воодушевлением. «Поэзии всегда свойственна сила чувства: слабые духом не могут быть поэтами, как безголосые певцами»⁵¹⁾, — записывал он в своей тетради.

В лучших стихотворениях Скитальца, в которых поэт избавляется от ходульной риторики, мы видим и живописное мастерство (картина ночи после боя в стихотворении «Валькирии»⁵²⁾, скульптурный портрет старухи-крестьянки, рассказывающей толпе народа о суровом воемездии, ожидающем «счастливец земли» — господ («На пароходе»⁵³⁾), картины волжской природы в стихотворении «Волжские легенды»⁵⁴⁾).

Расцвет поэтического творчества Скитальца относится к 1900—1906 гг. В 1907 г. в сборнике «Знания», книга 16, публикуется одно из лучших его стихотворений — «Четверо», этот реквием павшим борцам революции, и голос Скитальца-поэта смолкает в литературе. Оживление творческой деятельности писателя, наступившее в 30-е годы, после его возвращения из эмиграции (в это время завершён роман «Дом Черных», завершена автобиографическая трилогия, написан роман «Кандалы»), не коснулось его поэзии. После 1907 года Скиталец работал только в прозаических жанрах и в советскую литературу вошел как писатель-прозаик.

⁴⁷⁾ «Злит он (Скиталец) меня своей небрежностью. Ведь может же писать гладко!» — замечает Горький о стихах Скитальца, См. Архив А. М. Горького, т. IV, письма к К. П. Пятницкому, ГИХЛ, Москва, 1954, стр. 73.

⁴⁸⁾ Архив А. М. Горького, т. VII, Письма к писателям и И. П. Ладыжникову, ГИХЛ, Москва, 1959, стр. 21.

⁴⁹⁾ Архив А. М. Горького, т. IV, Письма к К. П. Пятницкому, ГИХЛ, Москва, 1954, стр. 32.

⁵⁰⁾ Там же, стр. 73—74.

⁵¹⁾ ЦГАЛИ, ф. 484, оп. 2, ед. хр. Молодое творчество (литературные беседы).

⁵²⁾ С. Г. Скиталец. Рассказы и песни, т. 2, стр. 285.

⁵³⁾ С. Г. Скиталец. Избранные стихи и песни, ГИХЛ, Москва, 1936, стр. 77—80.

⁵⁴⁾ Там же, стр. 67—69.

Е. А. САФРОНОВА

ПРИЕМЫ САТИРИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ В РАССКАЗАХ С. ЗАЛЫГИНА 50-х ГОДОВ

Путь к мастерству у разных писателей различен. Одним писателям углубленное внимание к определенному жанру дает возможность открыть новые пласты человеческой психики, расширить и обогатить свой творческий горизонт. Примером такого пути может служить творческая судьба С. Антонова. Для С. Залыгина путь к мастерству открывается как путь от одного жанра к другому. Писатель постигает не только специфику и возможности рассказа или очерка, но берет в каждом жанре что-то новое, то, что пригодится ему в дальнейшем творчестве.

Для творчества С. Залыгина 40-х годов было характерно избирательное внимание к хорошему в жизни: лишь к определенному типу героев, по-детски ясных и чистых, к простым жизненным ситуациям, в которых проявляется любовь героя к труду, бескорыстная самоотверженность. Основной недостаток этих рассказов коренился в том, что писатель не мог еще найти необходимой дистанции между собой, автором и своим героем. С отсутствием такой дистанции были связаны и интонационное однообразие авторского комментария, и излишнее увлечение несобственной прямой речью как главным средством психологической характеристики героя, и определенная ограниченность, прямолинейность этой характеристики. Первыми рассказами, где автор попытался встать над своими героями, были «Оськин аргиш» и «Без веревочки». Но в «Оськином аргише» сам материал, сюжет произведения помогал писателю. Более сложно обстояло дело с рассказом «Без веревочки». Хотя в этом рассказе нет элементов сатирической характеристики героев, но рассказ этот был необходимым этапом на пути создания писателем таких сатирических рассказов, как «Боб», «Функция» и сатирических образов таких, как дед Стрижецкий («Первый шаг»), Никитична («Красный клевер»). Рассказ «Без веревочки» нельзя отнести к бесспорным удачам писателя. В рецензиях отмечалась растянутость сюжета и просчеты в композиции. Но этот рассказ представляется разведчиком новых путей в раскрытии судеб и характеров. Герои этого произведения — люди, вызывающие у читателя и у автора более сложные чувства, чем герои первых рассказов. Доля авторского участия, авторского комментария, как ни в одном из рассказов первого периода, мала. Сам автор это объясняет тем, что ни один из изображенных не был ему достаточно близок. Три героя, три разных характера изображены художником: инспектор гидрометслужбы Кузьма Сотник, работник управления связи Ладников и заготовитель пушнины Князев. Прежде всего в этом рассказе герои не делятся на «правиль-

ных» и «неправильных», на тех, кому автор целиком сочувствует, в ком заинтересован полностью, и тех, кому уделено минимум авторского внимания симпатий. Научиться этой объективности писателю было необходимо. А. М. Горький придавал большое значение этому качеству. В 1909 году в письме к молодой писательнице Л. А. Никифоровой А. М. Горький советовал ей: «Обратите Вашу повесть в ряд сцен, совершенно изгнав из нее саму себя, автора, с Вашими симпатиями, антипатиями, с Вашим «я»...»¹⁾).

Нарисовав в своем рассказе глубоко различных по характеру людей, автор сумел пробудить читательскую активность, без которой немислимо восприятие художественного произведения. Герои рассказа встретились случайно и пережили смертельную опасность. Они потерялись в огромных просторах тундры, изнемогают от холода и голода, гибнут олени. Но самым страшным была неприязнь между Ладниковым и Князевым. Князев, пожалуй, первый герой в творчестве С. Залыгина 40-х годов, для характеристики которого автор использовал иронию. «Князев страдал больше всех — он промок и продрог. Но этот человек, должен быть, никогда и ни в чем не винил себя. Он искал виновников своих бед, и это доставляло ему удовлетворение»²⁾).

Один из критиков, хорошо знающих творчество С. Залыгина, Б. Рясенцев считает этот рассказ полной неудачей художника. «В целом рассказ недоработан, он растянут, недостаточно организован. Зачем, например, понадобилось, тормозя действие, давать длинные и скучноватые отступления о прошлом Кузьмы Сотника — одного из равноправных участников сюжетного развития?»³⁾. Критик не замечает того нового, что пришло в творчество С. Залыгина с этим рассказом. Если брать рассказ не изолированно от общего развития творчества писателя, то легко уловить, что избрав героев несколько необычного для себя плана, писатель должен был прибегнуть и к новым приемам художественного воплощения таких героев. О каждом из них он рассказал по-разному, в самой форме повествования, отражая сущность характера того или иного героя. Например, С. Залыгин очень мало говорит о Князеве. Это психологически очень верно. Темпераментный и не очень глубокий человек, Князев живет сегодняшними бедами и радостями. В нем все на виду, он легко «выговаривается». Появляется он — и сразу раскрывается его характер. Нет в нем черт, которые требовали бы авторской расшифровки, взгляда автора на его прошлую жизнь. Иное дело Ладников. С самого начала за его раздражительностью, молчаливостью чувствуется тайная горькая мысль. Ладников раскрывается перед читателем и перед своими спутниками лишь в момент, когда им всем грозит опасность. Во внутренних монологах приоткрывается душа этого человека с его обидой за «глупую смерть»; с его мечтой воевать на фронте. Третий герой, Сотник, по условиям своей жизни и работы привык к сдержанности в словах, поступках и даже мыслях. Он привык к одиночеству, всегда считал, что оно обогащает. Он человек по-настоящему сильный, но, привыкнув к суровой самодисциплине, как-то разучился воспринимать богатство и разнообразие человеческих характеров. Боясь опасного «самокопания», он отвык вообще анализировать свои чувства и мысли. Вполне понятно, что его было бы бесполезно показывать с той же долей авторской «объективности»,

¹⁾ А. М. Горький. Письмо Л. А. Никифоровой, Гослитиздат, М., Соч. т. 29, стр. 91.

²⁾ С. Залыгин. 20 рассказов. Новосиб. книжное изд., 1959, стр. 62.

³⁾ Б. Рясенцев. О рассказах С. Залыгина. «Сибирские огни», 1951, № 3, стр. 124.

как Князева или Ладникова. Закономерно, что о Сотнике автор больше говорит сам, больше рассказывает о нем, делает экскурс в его прошлую жизнь. Таким образом, в небольшом рассказе «Без веревочки» автор сумел найти правильное соотношение между объективным показом и субъективным авторским рассказом о герое. Без этого опыта был бы труден переход к рассказам 50-х годов. Но если в рассказах 40-х годов С. Залыгин искал и находил художественные приемы, наиболее полно выражающие авторский замысел, авторское видение мира, то без очерков 1954 года, без того остроконфликтного жизненного материала, которым полны очерки «Весной 1954 года», не могло появиться сатирических рассказов 50-х годов.

В середине 50-х годов в творчестве С. Залыгина намечается явный перелом. Основной пафос творчества С. Залыгина — стремление раскрыть в обыденном поэтическое, показать, как и почему меняется человеческий характер, обогащается его духовный облик — требовал от писателя расширения круга изображаемых героев. После очерков «Весной 1954 года» для писателя стало ясно, что подлинную жизненность и объемность герои обретают в борьбе, в столкновении с другими людьми. Избирательное внимание к хорошему, радостному в жизни — ценное качество творчества, но в какой-то степени оно ограничивает охват жизненного материала писателем. До сих пор на страницах книг С. Залыгина жили люди глубоко симпатичные ему. Теперь, после 1954 года, автор обратился и к тем, кого он не любит, с кем борется. И в очерках, и в рассказах 50-х годов писатель, рисуя конкретных носителей зла, не допускает однолинейности, не рисует их лишь черной краской. В 20-е годы существовала «теория» о том, что врагов советский писатель должен изображать, не вдаваясь в психологию, иначе приговор смягчится; поняв их, писатель как бы прощает их. В той сложности, с которой С. Залыгин изображает своих отрицательных героев, в понимании их души нет однако ни малейшей примиренности с ними, прощения их. Писателю важно показать корни появления типов подобных деду Стрижецкому («Первый шаг»), Никитичны («Красный клевер»), Боба («Боб»), Бурундукова («Функция»). Чем больше степень индивидуализации этих героев, тем более глубоко раскрывает писатель типичность этих образов, всех тех, кто «мешает людям полностью выявить себя»⁴⁾. А. М. Горький в 1931 году в беседе с молодыми писателями настойчиво советовал действовать смехом, бичующим гротеском на все отрицательные явления жизни, справедливо считая, что «Мы живем и работаем в стране и в условиях, которые дают исключительное право осмеивать и смеяться. Наши враги — серьезные враги. Но никогда еще враг не был так смешон, как наш враг»⁵⁾.

С. Залыгин ставит своих отрицательных героев в такое положение, что они делаются смешными и нелепыми. Но верный своему строго реалистическому письму, писатель никогда не делает их карикатурными. С появлением этих героев обогатилась интонационная палитра писателя. Это хорошо чувствует и сам автор. Он от рассказа к рассказу все больше усиливает сатирические элементы при создании отрицательных персонажей. В 1954 году появляется рассказ «Первый шаг», где сатирически изображены дед Стрижецкий и его невестка Стеша, в 1955 году «Красный клевер», в котором ограниченная и самодовольная Никитична изображена еще более зло, а в конце 50-х годов появляются такие рассказы, как «Боб», «Функция», где сатирические образы поднимаются до гротеска. Таким образом, во вторую половину 50-х го-

⁴⁾ А. М. Горький. Соч. т. 29, стр. 128, Гослитиздат, М., 1956.

⁵⁾ А. М. Горький. Кукрыниксы. Гослитиздат, М., 1953, соч., т. 26, стр. 234.

дов сатирическая струя в творчестве С. Залыгина явно усиливается. Появление героев этого типа потребовало от писателя не только умения сохранить видимость полной авторской объективности, но и новых средств художественной выразительности. Образом, наиболее полно выразившим результаты этих поисков художника, явился образ Степана Федотовича Стрижецкого в рассказе «Первый шаг».

«Первый шаг» — одно из лучших произведений писателя в 50-е годы. Это своеобразная художественная декларация писателя. Но этот рассказ интересен и с точки зрения приемов сатирической характеристики, только что найденных писателем. Прежде всего характерна та жизненная ситуация, в которую поставлен отрицательный персонаж. Ситуация, на первый взгляд, чисто комическая. Молодой писатель, деревенский учитель Кузьмичев, впервые написал рассказ. Неожиданно для автора рассказ, напечатанный в газете, вызвал бурные споры на заседании колхозного правления. Дед Стрижецкий узнал себя в герое рассказа и требует «постановить и записать в протокол», что дед Строков — действующее лицо в рассказе Кузьмичева — это не он, Степан Федотович Стрижецкий. Само по себе это требование, такое нелепое, ни с чем несообразное, вызывает комический эффект. Но чем дальше развивается столкновение Стрижецкого с учителем Кузьмичевым, тем менее безобидным начинает представляться Стрижецкий. А. М. Горький предупреждал литераторов, чтобы они не забывали об опасном внутреннем враге: «Это мещанин, героически настроенный, способный к нападению. Он хитер, он опасен, он проникает во все лазейки»⁶). Вот таким мещанином, способным к нападению, и представляется дед Стрижецкий. Это человек в деревне известный. Знаменит он своей памятью и изворотливостью «... вечно вздыхая по поводу своей малограмотности и темноты, он обладал необыкновенной памятью, чуть ли ни наизусть знал десятки передовых статей из районной, областной и центральных газет, помнил, когда и что сказал такой-то руководящий товарищ, и назубок знал законы. При этом оказывалось, что все законы стоят на защите его личных интересов»⁷). Степан Федотович Стрижецкий — ловкий демагог. Первое знакомство с ним читателя происходит на заседании правления, где Стрижецкий выступил в необычайной роли. Шла уборка. Председатель колхоза Снегиренко, сутками не спавший, все-таки не мог вывести колхоз из прорыва. А учителя и директор школы Кузьмичев требовали ремонта школы и заготовки дров: приближался новый учебный год. И вот Стрижецкий, вызванный на заседание правления, чтобы выслушать нагоняй за потраву колхозного посева и горячо покаявшийся в своем поступке, столь же горячо «стал защищать директора школы, самое школу, районо, и вообще народное образование». Иронический комментарий автора дает представление о том наборе высоких слов, которыми оперировал Стрижецкий в своей речи. С. Антонов в статье «Слово» пишет: «... такие слова, как Мир, Коммунизм, Родина, Свобода и им подобные, обладают свойством рентгеновского аппарата. Чем более убого чувство, для сокрытия которого они привлечены, тем отчетливее сквозь такие слова просвечивает сморщенное сердечко сочинителя... трескучая фраза побуждала нас на пародию или насмешку»⁸). У героев С. Залыгина типа Стрижецкого фраза, высокие слова употребляются не для сокрытия убогого чувства, а для сокрытия чувств, прямо противоположных высказываемым вслух словам. Поэтому «защита» Стрижецким «школы, районо и всего народ-

⁶) А. М. Горький. Речь на заседании ж. «Красная новь», «Правда» 1928, № 135.

⁷) С. Залыгин. 20 рассказов. Новосибирское книжное изд-во, 1959, стр. 136.

⁸) С. Антонов. Слово. Вопросы литературы, 1963, № 2, стр. 163.

ного образования» вызывают сложное чувство: не только смех, но и ненависть к этому персонажу. Фигура Стрижецкого теряет свои злобные черты, как только он сбрасывает маску. Становится ясно, что опасен он только тогда, когда прячется, умело жонглирует нашими словами и понятиями, близкими и дорогими Кузьмичеву и Снегиренко. «Дед Стрижецкий тем временем все говорил и говорил безусловно правильные слова, и было неловко оттого, что именно он, а не кто-то другой поддерживает эти требования»⁹). Но магия «правильных» слов, хотя бы и произносимых человеком заведомо недостойным, довлеет над людьми. В этом сила Стрижецких, Никитичны, всевозможных Бурундуковых.

Рисуя образ Стрижецкого, автор впервые прибегает к портрету, как средству индивидуализации, средству психологической характеристики. В его рассказах 40-х годов внешний облик героя рисовался очень общими условными чертами. В очерках наиболее выразительной и запоминающейся была фигура Башлакова, а в остальных случаях внешняя характеристика героев была связана лишь с первым впечатлением очеркиста, от имени которого идет повествование. В сатирических портретах героев детали их внешнего облика впервые приобрели важное значение и для определения авторского отношения к изображаемому лицу, и для характеристики внутренней жизни героя. О Стрижецком, о Никитичне, о Бобе, Бурундукове мало рассказать автору, мало услышать их речь (хотя бы и с саркастическим комментарием автора). Чтобы понять сущность этих людей, нужно их увидеть. «Выступая и жестикулируя, дед Стрижецкий имел еще привычку часто пощупать свою лысину, словно желая убедить присутствующих в том, что все, что он говорит, исходит именно отсюда — из продолговатой головы с короткой бородкой клинышком»¹⁰). На протяжении всего произведения подчеркивается наиболее важная деталь портрета героя. Так подчеркивается во внешнем облике Боба — горе-ученого Коробко — прическа бобриком и голос, гипнотизирующий преподавателей.

Автору важно не просто как-то внешне выделить героя, но в самом его облике ухватить внутренние черты характера. «Жестикулируя, он вдруг застыл на мгновение в какой-то неестественной позе»¹¹). «Лысина у него была яркая, выпуклая и как будто не настоящая, а наклеенная на густые и кудрявые волосы, слегка тронутые седью»¹²). Так рисует автор Стрижецкого. А в облике Коробко («Боб») С. Залыгин сумел тонко передать выработанный автоматизм движений, точно передающий ощущение невыносимой скуки, ограниченности и глупости, которые составляют основу этого характера. «Всякий раз, как на факультете начинались экзамены, и Боб усаживался за стол профессора с экзаменационным билетом в левой руке, правой рукой он вынимал из бокового кармана серого полувоенного и слегка потрепанного френча миниатюрную расческу в серебряной оправе и несколькими неторопливыми, уверенными движениями приводил в полный порядок стриж пегих, коротких и упругих волос на своей голове»¹³).

Уже из приведенных примеров можно заметить важную особенность в портретной характеристике героев С. Залыгина. В сатирических рассказах 50-х годов он открывает для себя нерасторжимую связь слова и жеста героя. «Ухватить жест, который бы выражал характер, и притом жест, который бы выражал нечто типическое в характере, это задача, требующая очень близкого, очень длительного и внимательного

⁹) С. Залыгин. 20 рассказов. Новосибирское книжное изд-во, 1959, стр. 138.

¹⁰) Там же, стр. 137.

¹¹) Там же, стр. 136.

¹²) Там же, стр. 137.

¹³) С. Залыгин. Красный клевер. Советский писатель, М., 1961, стр. 154.

участия в жизни»¹⁴). До сих пор таких приемов индивидуализации и психологической характеристики в творчестве писателя не было. Вот дед Стрижецкий возмущается тем, что написано в рассказе Кузьмичева, возмущается, что дед Строков — герой рассказа — произносит такие слова: «Считаете все! Все считаете! А вот очень просто возьметесь и просчитаетесь! Ведь какая оборачивается ситуация? В этом году, гляди-ка, в колхозе рублей по десять на трудовень отвалят. Думали, ну, пять, от силы семь, а ведь ежели с хлебом вовремя управятся, не дадут хлебу осыпаться на корню, то отвалят и по 10! Кто же его знал! Живи век, учись век! Но ежели у нас не больше, так хотя бы у них меньше было!»¹⁵). Стрижецкий делает вид, что он потрясен этими словами о колхозе. «Мыслимое ли дело так говорить! А? — Он поднимает к самым глазам толстый кургузый палец с потемневшим ногтем и с удивлением взглядывает в него. «Мыслимо ли? Где это услышал наш товарищ Кузьмичев, чтобы такой разговор? Нигде! Это бессовестный человек так может! А еще!? — Кургузый палец снова ползет по газете... Еще! — В волнении потеряв нужную строчку Стрижецкий снова повторяет: — Бессовестный разговор... Точно бессовестный»¹⁶). Это кургузый палец, патетически поднятый или ползающий по строчкам рассказа в поисках новой «крамолы», очень верно передает и мизерное лицемерное возмущение Стрижецкого и его страх перед неведомой силой, которая проникла в тайное тайных его мыслей и чувств. Стрижецкий впервые столкнулся с силой искусства, умеющего угадывать правду и судящего человека по законам, неведомым всезнающему Степану Федотовичу. Чтобы передать всю сложность чувств, которые булвуют героя, С. Залыгин вновь прибегает к изображению деталей внешнего облика: «А это? Это что?» — дед Стрижецкий несколько раз торопливо вздыхает и собирается сделать что-то отчаянное, но вдруг мягко улыбается и спрашивает Кузьмичева: «Ну, скажите по совести, чтобы все слышали, про кого это написано? Не было ж того... Выдумка. Скажите людям по совести!»¹⁷).

Стрижецкий в самом деле поднаторел в борьбе с законами, в умении использовать их, перетолковать их в свою пользу. Услышав от Кузьмичева о художественном домысле, Стрижецкий радуется: «Ага! Все слышали: выдумал! Сам говорит: «Выдумал! Прошу записать эти его слова в протокол! Все слышали — признался! Прошу записать и выдать выписку из протокола! Прошу! Справку!»¹⁸). Обычно С. Залыгин прибегает вот к такому саморазоблачению персонажа, когда огромное несоответствие представлений действующего лица и того, что есть в действительности, показывает ограниченность и неминуемый крах этих конкретных носителей зла. «Лучше бейте смехом», — говорил А. М. Горький молодым писателям. С Залыгин часто прибегает к такому бичующему смеху. Чем откровеннее говорит тот или иной его герой, тем убийственнее звучит этот смех. Также разоблачающе звучит речь Коробко («Боб») о Чарльзе Дарвине. «Великий был человек Дарвин, обеспеченный человек. Родители обеспечили все необходимые условия для научной работы. — Корабль там, дачку. Можно было точно соблюдать режим рабочего дня. Если разобраться — чего особенного?»¹⁹).

Появление таких героев безусловно диктовалось требованиями на-

¹⁴) М. Слонимский. Как я работаю над своими произведениями, Профиздат, М.—Л., 1934, стр. 13.

¹⁵) С. Залыгин. 20 рассказов. Новосибирское книжное изд-во, 1959, стр. 143.

¹⁶) Там же, стр. 143.

¹⁷) Там же, стр. 144.

¹⁸) Там же, стр. 145.

¹⁹) С. Залыгин. Красный клевер, Советский писатель, М., 1961, стр. 172.

шего времени, объявившего непримиримую борьбу косности, чиновничьему отношению к жизни и людям. Атмосфера высокой требовательности, критики и самокритики, установившаяся в стране, определила и весь жизненный тонус литературы. Все отрицательные персонажи, сатирически изображенные С. Залыгиным, обладают одним общим свойством: это люди, не способные к живой творческой мысли. Они умеют запоминать чужие мысли. Знает на память все постановления Никитична, спасает себя на экзаменах Боб-Коробко, выучив по две страницы из Менделеева, Дарвина, Тимирязева. Каждый из отрицательных героев С. Залыгина носит выбранную однажды в жизни маску: Коробко — маску сдержанного и молчаливого ученого, Стрижецкий — бесхитростного, но страстного поборника правды и справедливости, Никитична — грубоватого прямого человека. При этом автор сначала сохраняет беспристрастие. Он даже доверяет характеристику отрицательного персонажа другому герою, который не может понять, например, ту же Никитичну. «Я объяснил, что Никитична — научный работник из сельхозинститута, очень боевая, активная, на зубок знает все постановления, мастер по составлению всяких резолюций и постановлений. Район наш она знает очень хорошо, неофициально как бы шефствует над нами со стороны науки. Всех руководящих работников товарищей она зовет только по отчеству: Николаич, Андреич, Кириллыч, потому и ее называют Никитичной»²⁰).

Иронический оттенок этой характеристики усиливается тем, что Иванов в самом деле хочет сказать о Никитичне все самое хорошее. Но каждый раз, назвав какое-то положительное качество в ней, он следующим предложением совершенно уничтожает впечатление от этого положительного качества. Назвал он Никитичну боевой и активной, а когда захотел конкретизировать эти качества, привел в подтверждение целый «букет» чисто чиновничьих добродетелей. Это сочетание в характеристике героя ценного человеческого качества, обозначенного самыми общими словами, и конкретного свойства героя, снимающего положительное впечатление, несовместимого с ним, рождает отрицательное отношение к персонажу. Сказал Иванов о том, что Никитична хорошо знает район, шефствует над ним со стороны науки, а вслед за этим отметил: «Всех руководящих товарищей она зовет только по отчеству...» — и то положительное общее, что хотел сказать Иванов, уничтожается конкретным мелким замечанием, за которым читатель угадывает подлинную индивидуальность героини. Это «простецкое» величание по отчеству, нарочитая демократичность оборачивается маской, под которой скрыто равнодушие. Писатель точно подметил качество людей этого типа — удивительное умение проходить мимо сути дела и улавливать только одно: противоречит или соответствует происходящее у них на глазах указаниям свыше. Никитична виртуозно пользуется набором общих фраз, которые помогают ей сказать речь по любому поводу с необходимой вескостью и солидностью.

Рисуя своих героев, С. Залыгин часто использует как прием характеристики ту или иную фразу, ярче всего оттеняющую типическую сущность героя. Для Никитичны, например, такой фразой было: «Надо выправлять положение». Причем фраза произносится по особому, с особой интонацией. Прежде чем выступить на бюро, Никитична не очень громко, но и не тихо, так, что несколько человек все-таки слышали ее, сказала: «Надо выправлять положение...»²¹).

²⁰) С. Залыгин. 20 рассказов. Новосибирское книжное изд-во, 1959, стр. 163.

²¹) Там же, стр. 159.

Эту фразу Никитична произносит значительно и даже с оттенком таинственности, как бы про себя, но вместе с тем, чтоб кто-то ее услышал. Она намекает, что ей известно больше, чем другим. Эта фраза является последним штрихом, завершающим ее образ. Никитичне, Коробко, Бурундукову важно не выслушать других, не разобраться в сложном вопросе, а вернуть живую мысль людей к привычному спокойствию шаблона. Вот поэтому у каждого из героев есть в запасе такая стереотипная фраза-формула. Тупой и бездарный Коробко, встречаясь с людьми талантливыми и творческими, не может не чувствовать некоторого беспокойства. Поэтому он очень часто, успокаивая себя, говорит: «Если разобраться — ничего особенного!». Он прибегает к этой фразе, когда думает о Дарвине, когда вспоминает о своем однокашнике, Вадиме Кузнецове, о язвительном Карабирове, вообще о всех людях, не похожих на него. Все, что делается другими, — «ничего особенного». Все, что делает он сам — «очень знаменательно!».

Кроме любимой фразы у отрицательных персонажей залыгинских рассказов есть любимые дела. Для Коробко таким душевным отдыхом являются часы, когда он вместе с сыном обновляет портреты великих людей для аудитории, где он читает лекции. «Аудитория, в которой доцент Коробко читал лекции, была вдалеке от кафедры — в противоположном конце коридора, а все простенки ее были заняты портретами великих ученых. Несколько ниже портретов висели розовые листы бумаги одинаковой продолговатой формы и одинакового размера, через пульверизатор эти листы были покрыты мельчайшими каплями золотистой и серебряной краски. На розово-серебристо-золотистом фоне черной тушью были выписаны цитаты из трудов ученых»²²). Сделать рамки для портретов в университетской столярной мастерской, расчертить репродукции на аккуратные квадратики, тщательно скопировать все линии портрета в соответствующем квадратики ватманского листа — ради этого неторопливого дела Коробко даже домой приходил пораньше. Во время этого занятия он раскрывает перед сыном свою нехитрую философию: «Вот был на факультете спор — рассказывал Коробко, — в связи с вейсманизмом-морганизмом. Все друг на друга. Оскорбления даже. Конечно, нужно проработать, поговорить...»²³). Коробко глубоко верит, что люди спорят, критикуют друг друга лишь ради формы, потому что нужно это делать. Никитична больше всего любит перерыв во время какого-нибудь важного совещания, когда можно мимоходом перекинуться шуткой с каким-нибудь руководящим товарищем, выслушать в меру соленый анекдот. То, что именно в таких пустопорожних делах эти герои чувствуют себя наиболее счастливыми, воспринимается нами как уничижительное разоблачение.

В рассказе «Боб» наиболее четко выражена авторская мысль о необходимости ожесточенной борьбы с тупостью, приспособленчеством. Зло, как ложь, многолико. Писатель показывает, как носители зла пользуются даже всем хорошим, что есть в окружающих людях, — отзывчивостью, добродушием, снисходительностью. Характерно, что в большинстве рассказов С. Залыгина эти конкретные носители зла не только продолжают свое существование, но, на первый взгляд, даже торжествуют. Но на самом деле они уничтожены смехом и иронией автора. Однако то, что отрицательные герои чувствуют себя победителями (Бурундуков, Коробко, да и Никитична), тоже своеобразный прием автора. Писатель дает возможность ощутить, насколько живуча

²²) С. Залыгин. Красный клевер, Советский писатель, М., 1961, стр. 172.

²³) Там же.

в людях сила инерции, благодаря которой может разглагольствовать перед честными людьми Стрижецкий, дослужиться до юбилея Коробко, продолжать свою никому не нужную «функцию» Бурундуков.

Неслучайно автор заставляет одного из любимых героев — Вадима Ивановича Кузнецова («Боб») — пережить объяснение с Коробко. «Я много потрудился на благо, это верно, так ведь человек — то не может быть один? Не может! Один я бы, может, в науке ни шагу. А с Вами...»²⁴). И Вадим Иванович Кузнецов с ужасом чувствует, что Коробко прав. И он потворствовал или просто не мешал иногда Коробко. Значит, и его доля ответственности есть в том, что посмешище факультета Боб-Коробко защитил диссертацию, получил звание доцента. Мало того, уже появилась династия Коробко, на одном из младших курсов учится Коробко — сын, такой же солидный на вид, такой же тупой, рассчитывающий на тот же путь. «За вечерним чаем семья внимательно слушала рассказ отца о себе: о его планах, его трудах. Говорили, что когда выйдет большой труд Коробко — отца, он обязательно посвятит его сыну, а когда будет опубликована первая работа Коробко-сына, он напишет на ней посвящение отцу. В комнате воцарялось глубоко переживаемое всеми ощущение значительности»²⁵).

Таким образом, придя к созданию сатирических образов через рассказы 40-х годов, взяв публицистический накал и богатство жизненного материала в своих очерках 50-х годов, писатель нашел целый ряд новых приемов психологической характеристики и выражения авторского отношения, авторского приговора в рассказах конца 50-х годов. Опыт создания сатирических образов во многом помог писателю при создании романа «Тропы Алтая».

²⁴) С. Залыгин. Красный клевер, Советский писатель, М., 1961, стр. 178.

²⁵) Там же, стр. 172.

Г. И. КЛИМОВСКАЯ

О НЕКОТОРЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ИНВЕРСИИ ИСКОННО ПОСТПОЗИЦИОННОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Изучение повторения предлога при определении, выраженном именем прилагательным или адъектированным местоимением, и определяемом слове¹⁾ как особой приметы синтаксиса памятников древнерусского языка, произведений устного народного творчества и некоторых диалектов (главным образом северновеликорусских) заставило связать историю этого явления (в том числе и само его возникновение) с историей атрибутивного (т. е. в роли определения) имени прилагательного. В самом деле, п. п. при определяемом слове и инверсированном (с точки зрения норм современного русского языка) постпозиционном определении мы считаем следствием этой инверсии, которая в свою очередь является средством переноса логического ударения в группе опр. и опр. именно на определение²⁾.

Анализ различного по месту и времени написания материала позволяет выделить 4 основных типа конструкций с п. п. при опр. и опр., а именно:

1) так называемое нами первичное п. п. — реликтовое, остаточное от времен паратаксиса, имеющее место при исконно постпозитивном определении, выраженном именем, по форме не отличающимся от имени существительного: «въ кафтане въ бархате»; вторичное п. п. — п. п. при инверсированном, по сравнению с предшествующим этапом, препозиционном определении. Вторичное п. п. появилось в языке, по нашему мнению, как следствие некоторой (за счет содержания представления о носителе качества, названного данным определением) субстантивации инверсированного прилагательного, явившейся в свою очередь следствием и средством расподобления атрибутивного и предикативного прилагательных.

Третичное п. п. — спутник и следствие новой инверсии препозиционного на предшествующем этапе определения. Препозиция определения с течением времени перестала ощущаться как инверсия. Данное положение дел очень любопытно с точки зрения соответствующих ему логических процессов. Встает вопрос, какое из двух логических явлений имеет место в данном случае: либо и в логическом синтезе двух понятий, соответствующем сочетанию опр. и опр., произошла инверсия — тогда перед нами случай обратного влияния языка на мышление; либо такой логической инверсии не произошло — и тогда в мы-

¹⁾ Впредь будем пользоваться следующими сокращениями: п. п. — повторение предлогов; опр. и опр. — определение и определяемое слово.

²⁾ См. мою статью в Трудах историко-филологического факультета ТГУ, Изд. ТГУ, Томск, 1962.

шении людей, говорящих на языке, где нормой является препозиция, каждый раз, когда они пользуются в речи группой опр. и опр., происходит своеобразное логическое *salto mortale*, заставляющее в языковой синтагме менять порядок следования элементов по сравнению с синтагмой логической. Мы больше склоняемся к первому варианту объяснения данной ситуации (ведь именно он находится в соответствии с принципом экономии мышления).

С тех пор как препозиция определения перестала ощущаться как инверсия, в языке открылась возможность использовать в качестве указателя логического ударения в группе опр. и опр. новую (вторичную) инверсию. Реализации данной возможности способствовало неизбежное приобретение постпозиционным определением в языке соответствующего периода дополнительно к атрибутивному значению новых значений предикативно-атрибутивного³) и собственно противопоставительного значений⁴) и значения коммуникативной нагрузки⁵). Именно эти три дополнительных значения и составляют, по нашему мнению, комплекс логической ударенности.

Новая инверсия опр. приводила к некоторой — только за счет содержания представления, но не понятия — субстантивации прилагательного, следствием и формальным проявлением которой мы считаем гретичное п. п., очень широко встречающееся в древнерусском языке и в современных говорах.

Наконец, следует выделить еще один вид п. п. при опр. и постпозитивном определении — так называемое нами «порционное» п. п., появляющееся в разговорной речи при особых условиях: когда высказывается не готовая, законченная мысль, а когда она оформляется частями, «порциями», по мере ее формирования. В таких случаях возможна постановка уточняющих определений после опр. слова и даже разделение их другими членами предложения. При наличии предложного управления в таких случаях всегда появляется п. п. Однако мы не называем данное п. п. четвертичным, ибо появление его связано лишь с особыми условиями протекания акта коммуникации и не обусловлено в отношении времени или места (т. е. не является ни архаизмом, ни диалектизмом).

Интересующее нас в данной статье вторичное п. п. наряду с некоторыми другими грамматическими явлениями — и в первую очередь с появлением в русском языке так наз. постпозитивного члена — мы считаем, как уже упоминали, следствием инверсии исконно постпозиционного определения, обусловленной необходимостью различать атрибутивные и предикативные прилагательные. Значение качественности (без подразделения его на собственно качественность, относительность и притяжательность) с течением времени могло осложняться оттенками новых значений, например, предикативных. Предикативное прилагательное выражало качество предмета не как пассивное и присущее предмету безотносительно ко времени, а как активное, ограниченное во времени, и выступало в предложении в роли сказуемого. При этом значение предикативности, складывающееся в основном из значения временности и значения активности (собственно предикативности), распределялось между самим предикативным прилагательным (где сосредоточивалось значение активности признака) и глагольной связ-

³) А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, Л., 1941, стр. 292.

⁴) См. мою статью в Трудах историко-филологического факультета ТГУ, Томск, 1962.

⁵) К. Г. Крушельницкая. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков, М., 1961, стр. 196—206.

кой (где сосредоточивалось значение временности), которая стояла между подлежащим и сказуемым — предикаторным прилагательным.

В славянских языках данный тип характеризовался тем, что настоящее время в нем выражалось негативно: отсутствием связки⁶⁾.

Именно это обстоятельство и явилось, по нашему убеждению, причиной инверсии исконно постпозиционного атрибутивного прилагательного — в силу необходимости диссимилировать, расподобить прилагательное — сказуемое (исконная постпозиция которого совпала с обычным местом сказуемого в предложении) и прилагательное — определение.

Как указывается в «Грамматике русского языка» АН СССР⁷⁾, его нормы позволяют пользоваться (в стилистических целях, в целях соблюдения ритма в стихотворной речи и т. д.) постпозицией определения с достижением только желаемого результата.

По-иному происходила первичная инверсия определения, когда синтаксический строй языка обладал многими принципиальными особенностями по сравнению с современным синтаксисом — и главной, кардинальной, определяющей все другие особенности остаточной паратактичностью⁸⁾. Последняя проявлялась в отношении группы опр. и опр. в том, что опр. и опр. могли быть отделены друг от друга другими членами предложения (их непосредственное следование друг за другом не было законом даже при «непорционном» формировании мысли): в том, что в ритмически организованной речи (в былинном стихе, например) опр. и опр. могли быть разделены союзом «да» наподобие сочиненных членов предложений; наконец, в том, что в случае предложного управления группой опр. и опр. со стороны глагола предлог ставится перед каждым компонентом, обнаруживая их параллельную, независимую друг от друга соотнесенность с управляющим словом.

Вследствие этого остаточного паратактизма первичная инверсия не прошла в языке «гладко», с достижением только желаемого результата, а сопровождалась многими параллельными, побочными явлениями. Среди последних мы различаем собственно последствия инверсии опр. и дополнительные к инверсии вспомогательные средства расподобления атрибутивного и предикативного прилагательных. К числу вспомогательных средств мы относим развитие творительного предикативного падежа прилагательных — и с меньшей уверенностью — образование в языке членных форм прилагательных⁹⁾. Однако не эти явления служат специальным объектом внимания данной статьи. К числу собственно следствий первичной инверсии мы относим вторичное п. п. и возникновение постпозитивного и препозитивного членов, о которых мы и собираемся говорить.

1. Вторичное повторение предлогов

Итак, оно появилось в славянских языках в неопределенно древний период их истории как следствие инверсии прилагательного — определе-

⁶⁾ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, Л., 1941, стр. 179—180. Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису, М., 1956, стр. 41—42. Известно также указание А. Мейе на тот факт, что в древнейшем греческом языке и в языке древнеиндийском тип бессвязочных предложений господствовал сравнительно с типом связочных предложений.

⁷⁾ Грамматика русского языка, Изд. АН СССР, М., 1960, т. II, ч. I, стр. 676—682.

⁸⁾ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, ч. III, Харьков, 1889, стр. 219 и сл.

⁹⁾ Любопытен в этом отношении факт, что в польском языке, где характерен связочный тип предложений со сказуемым-прилагательным, в том числе и в настоящем времени, членные формы прилагательного не закрепились.

ния, а точнее — как следствие связанной со сдвигом с обычного места некоторой субстантивации прилагательного. Такая некоторая субстантивация наблюдается и в современном русском языке, однако не нарушает спаянности группы *опр.* и *опр.* как единого грамматического целого¹⁰⁾ (что сказывается, например, в постановке одного единственного предлога перед группой инверсированного *опр.* и определяемого слова в случае предложного управления, причем роль этого предлога исчерпывается указанием качества связи между управляющим словом и всей группой в целом).

По-иному обстояло дело в соответственно древних славянских языках. Вследствие меньшей, чем в современном языке, степени абстрагированности сложного синтезированного понятия о предмете и его качестве от представления о конкретном проявлении этой связи — отдаление названия качества от названия самого предмета не могло первоначально вызвать одновременную логическую, понятийную инверсию. Поэтому инверсированное определение, «привыкнув» стоять после определяемого и будучи не в силах сразу отказаться от многовековой привычки, ищет для себя какой-либо опоры, какого-либо определяемого взамен утраченного. Это имело два последствия. Не найдя опоры на понятийном уровне (логической инверсии не произошло и место понятия о качестве в синтезе понятий не соответствует месту определения в группе *опр.* и *опр.*) и не развив поэтому впереди себя повторного определяемого слова (сочетаний типа «поясь золотъ поясъ», вероятно, никогда не было в языке), инверсированное определение ищет ее на более низком содержательном уровне — на уровне представлений — и, видимо, находит. Такая субстантивация на уровне представления не проявлялась в языке постановкой повторного определяемого слова (т. е. не уподобляла группу *опр.* и *опр.* двум самостоятельным дополнениям), но все-таки нарушает грамматическую спаянность группы *опр.* и *опр.* основательно и вполне достаточно, чтобы вызвать п. п. перед каждым компонентом этой группы в случае предложного управления («на золотомъ на поясе»).

Вторым последствием данного комплекса причин мы считаем появление в языке так называемого препозитивного члена, о чем будем говорить позднее.

С течением времени однако препозиция *опр.*, как мы говорили, перестала ощущаться как инверсия, и исчезли реальные обоснования вторичного п. п.; оно постепенно исчезает из языка. Как показывает анализ древнерусских памятников и записей диалектной речи, случаев вторичного п. п. вообще немного. Основное число их приходится на северные древнерусские памятники, северновеликорусские диалекты (как мы полагаем, вследствие общепризнаваемой архаичности их) и на произведения устного народного творчества (где повторные предлоги, почти всегда имевшие в своем составе гласный, задерживаются ритмической стиха).

Особенности северных древнерусских памятников в отношении п. п. при препозиционном *опр.* следующие. Наряду с п. п. в формулах делового письма («в вынешнемъ во 119 году»), а также с п. п. при препозиционном определении, выраженном адъективированным местоимением, где старое вторичное п. п. сохраняется гораздо дольше, вторичное п. п. встречается и в свободных словосочетаниях при *опр.*, выраженных обычными прилагательными, — по законам логической ударенности («о государевом о ратномъ деле»).

¹⁰⁾ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, чч. I, II, М., 1941, стр. 97. И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи, Л., 1954, стр. 122.

При опр., выраженном адъектированным местоимением, в том числе и притяжательным, вторичное п. п. встречается очень часто даже в современной литературной разговорной речи («на эту на гору лезть»; «с этими с бумагами как свяжешься»; «на такую на должность его не поставишь» и т. д.) в силу двух особенностей их лексического значения. Во-первых, в их лексическом значении отсутствует конкретная предметная соотношенность, что делает их особенно восприимчивыми к субстантивному содержанию; во-вторых, почти все адъектированные местоимения являются членами более или менее широких групп слов, находящихся по смыслу в отношении собственно противопоставления: мой — твой — свой — его и т. д.; тот — этот, тот — другой и т. п. В пределах каждой смысловой ситуации с участием адъектированных местоимений это противопоставление либо налицо, либо подразумевается. Так что практически почти любое опр., выраженное адъектированным местоимением, логически ударено. Наличие этих особенностей в лексическом значении данного разряда местоимений делает вторичное п. п. при них наиболее устойчивым и живучим.

В записях диалектной северновеликорусской речи вторичное п. п. встречается исключительно при препозиционном опр., выраженном адъектированным местоимением («в этом в японском лазарете»; «на самой на земле окно гля дров»; «вот за этой за Княжой за рекой есть остров» и т. д.).

Показания памятников устного северного народного творчества следующие. Среди многочисленных случаев п. п. при опр. и препозиционном опр. можно выделить 2 типа:

- 1) п. п. при опр., выраженном адъектированным местоимением;
- 2) п. п. при препозиционном опр., выраженном обычным прилагательным, — но при этом без единого из оттенков комплекса логической ударенности (кроме пресловутого «стремления к детализации», отмечаемого литературоведами, но его вряд ли можно интерпретировать как какое-либо грамматическое значение). Этот последний тип п. п. при препозиции опр. мы считаем очень архаичным, непосредственно связанным с теми временами в жизни языка, когда п. п. при опр. и опр. в препозиции появлялось как следствие только инверсии — препозиции — без каких-либо дополнительных условий в виде логической ударенности. Тем более, что такое п. п., восходящее, по нашему мнению, к архаическому вторичному п. п., встречается чаще всего и как правило в так наз. «твердых» местах текста былин и исторических песен, а именно в зачинах, которые сохранили в силу своей устойчивости в тексте наиболее архаические языковые явления.

В несевверных памятниках п. п. при препозиционном определении как общее правило нет. Только в одной (из пяти проанализированных) редакции большого Киево-Печерского Патерика встретится 1 случай такого п. п. Но встретился он в Арсениевской (северной, тверской) редакции, принадлежащей «боголюбивому епископу Арсению Тферьскому» (тверскому). Работая над данной редакцией Патерика, Арсений использовал одну из его южных, киевских, редакций, но допустил в ней ряд текстуальных изменений. Одним из них является и п. п. в отрывке: «Мыже паки въ Твое во имя собрани вонь»¹¹⁾. В южных редакциях Патерика это место читается так: «Мы же паки въ Твое имя събрани во нь»¹²⁾).

Особняком среди несевверных исторических памятников стоят «Дон-

¹¹⁾ Сб. «Патерик Киевского Печерского монастыря», 1911, стр. 166, 46.

ские дела»¹²⁾), где вторичное п. п. встречается в формулах и при опр., выраженном адъективированным местоимением.

Нужно отметить, что вообще в исторических памятниках, где имеется вторичное повторение предлогов (несеверных и северных тоже) **количество вторичных повторений, обусловленных логической ударенностью определений, несравненно меньше, чем третичных повторений, обусловленных логической ударенностью определений**, и по мере приближения к нашему времени все сокращается. Мы объясняем это тем, что со времен самых ранних памятников именно постпозиция, противопоставленная препозиции, закреплялась как указатель логического ударения. Поэтому вторичные повторения предлогов, обусловленные логической ударенностью определений, мы рассматриваем как явление изживающее себя, хотя и очень живучее. Судьба вторичных повторений предлога при определении, выраженном адъективированными местоимениями, несколько иная: они были на всем протяжении истории повторения предлогов **более живучи**, чем повторения, обусловленные логической ударенностью определений и, более того, по мере движения истории живучесть и употребляемость некоторых из них увеличивается, так как они часто становятся в некоторой мере несвободными словосочетаниями: «с самого с начала», «у самого у берега», «в самом в здании» и т. д.

Свидетельства несеверных диалектов не расходятся с показаниями несеверных исторических памятников.

В памятниках несеверного фольклора случаи п. п. при препозиционном определении очень часты — даже более часты, чем в северных былинах. Однако почти ни в одном из этих случаев не представляется возможным говорить о логической ударенности этих определений. Вероятнее всего, мы наблюдаем здесь выход п. п. при препозиционном определении за рамки грамматического явления и превращение его в жанровую принадлежность произведений фольклора, о чем говорит А. П. Евгеньева¹³⁾. Любопытно, что во всех проанализированных памятниках несеверного фольклора нет третичного п. п. Это наличие якобы древнейшего п. п. при отсутствии более позднего, третичного лишний раз подтверждает наш вывод об искусственном, не грамматическом характере п. п. при опр. и препозиционном определении в несеверном устном народном творчестве. Здесь повторные предлоги, почти всегда имеющие в своем составе гласные звуки («ва этой ва слаботки», «биз милова биз друшка», «пад этой пад грушей» и т. д.), уподоблялись другим словечками — заполнителями «пустых» слогов: «ды», «вот», «ой», «ай» и т. д., которые в изобилии соседствуют с данными п. п.

Однако искусственность повторений предлогов перед опр. и препозиционным опр. в произведениях фольклора не была абсолютной, так как:

во-первых, живой язык несеверных говоров хранил память о вторичном п. п. (при опр., выраженном адъективированным местоимением),

во-вторых, заимствованные с севера произведения устной поэзии — былины и исторические песни, в основном, — подкрепляли эту память. Собственно, эти заимствованные с севера произведения и создали представление о п. п. перед препозиционным определением как о художественном приеме поэтического языка, из них и был совершен выход повторения предлогов за рамки жанра, места и времени рождения былины или исторической песни.

¹²⁾ Донские дела, М., 1915.

¹³⁾ А. П. Евгеньева. Очерки по языку русской устной поэзии XVII—XIX вв. (диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук), Л., 1950.

Любопытны в этом отношении результаты следующего сравнения равных по объему (по числу страниц) текстов **современных** северных былин и донских былин — судя по содержанию, не заимствованных.

Мы взяли для сравнения именно **современные** северные былины (новины М. С. Крюковой) не случайно: именно для них, современных произведений, можно говорить о п. п. как об искусственно употребляемом художественном приеме. Встречающиеся в них п. п. — не реликтовые, а недавно родившиеся в недавно сложенном произведении. Мы говорим об их искусственности потому, что никогда в живой свободной речи этих же северных диалектов не встречается такого обилия повторений предлогов. Здесь явно мы наблюдаем выход их в роли художественного приема за рамки **времени** создания былин. Однако применительно к **северным** новейшим произведениям устной поэзии следует говорить о еще меньшей степени искусственности этих приемов, так как:

1) во-первых, здесь не происходит выхода повторений предлогов за рамки **места** рождения былин, а только **времени**;

2) во-вторых, в северных диалектах, в живой речи гораздо **сильнее** память о реальном вторичном повторении предлогов, чем в южных.

Итак, 5 страниц текста, принадлежащего М. С. Крюковой (1 глава ее «На зимнем берегу, у моря Белого»)¹⁴) сравниваем с пятью страницами из сборника «Былинно-песенное творчество Дона»¹⁵), на которых уместилось 4 былины: «Ай во городе что не стук стучит», «Ой да из славного было из города», «Ай да не горы-то со горами сходилися», «Ай да как во славном было в городе».

Результаты сравнения:

В новинах: п. п. при препозиционном опр. — 5;

В былинах Дона: п. п. при препозиционном опр. — 12.

Если бы шло простое заимствование п. п. — вместе с текстом северных былин, то в исконно донских произведениях мы не встретили бы такого обилия п. п. при препозиции опр. При таком положении дел приходится говорить не о заимствовании отдельных случаев повторения предлогов, а о заимствовании повторения предлогов вообще как художественного приема и широком плеонастичном употреблении его в текстах несеверного фольклора.

Результаты подобного же анализа еще двух отрывков из этих же сборников — тоже по 5 страниц каждый.

Сев. новина: п. п. при препозиционном опр. — 7; Донская былина: п. п. при препозиционном опр. — 17.

Результаты, как видим, аналогичные и подтверждают вывод об искусственности (относительной) повторений предлогов перед препозиционным определением в современных произведениях устного народного творчества.

Наконец, вот наши записи из разговорной литературной и просторечной речи:

«с этого с уstatку сто грамм нужно»; «в самом в магазине продают» (т. е. не в киоске возле магазина);

«у моего у Петьки сломался» (значок); (в ситуации было 2 Петьки);

«у этой у М. сроду так»;

«на самом на верху живут».

«до самой до реки бегом» и т. д.

¹⁴) М. Крюкова. На зимнем берегу, у моря Белого, Архангельск, 1946.

¹⁵) А. Листопадов. Былинно-песенное творчество Дона, Ростов, 1948.

Все определения — адъектированные местоимения.

Наши выводы: вторичное повторение предлогов, явление грамматическое по своей сущности, явившееся результатом инверсии согласованного определения, с течением времени исчезает из русского языка как норма, сохранившись

а) в устной диалектной и литературной речи при определениях — адъектированных местоимениях и иногда при логически ударенных препозитивных определениях, причем в северных диалектах больше, чем в несевверных диалектах и в разговорной литературной речи;

б) в произведениях устного поэтического творчества — как принадлежность жанра.

Постпозитивный член

Два обстоятельства заставили нас обратиться к изучению истории постпозитивного члена и построить нашу гипотезу о его происхождении.

Во-первых, изучая в северновеликорусских говорах и в произведениях устного народного творчества повторение предлога в группе определения и определяемого слова, которое мы считаем одним из последствий перехода атрибутивного определения из исконной постпозиции в препозицию по отношению к определяемому слову, мы обратили внимание, что повторению предлогов сопутствует и другая синтаксическая особенность — наличие постпозитивного члена. Однажды нам пришла мысль, что это не простое, случайное соседство.

Во-вторых, встречая многочисленные постпозитивные «то» в текстах устного народного творчества, мы обнаружили, что часто они не имеют ни одного из тех значений, которые приписывают современному постпозитивному члену¹⁶).

Обращение к лингвистической литературе, посвященной постпозитивному члену¹⁷), позволило нам сделать следующие рабочие выводы и принять к сведению следующие указания и факты в качестве исходных положений нашего исследования:

1) Постпозитивный член (для его обозначения в дальнейшем будем пользоваться знаком Р) встречается в русских говорах повсеместно, но не во всех говорах одинаково часто и в одинаковых формах (П. С. Кузнецов).

2) По происхождению Р, как указывают остатки согласования его с существительным в некоторых северновеликорусских говорах, — указательное местоимение *тѣ, то, та*:

3) По значению Р — указатель логического ударения на слово, после которого оно стоит.

¹⁶) А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров, Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 263—266.

¹⁷) В. В. Иванов. Русские народные говоры, М., 1957, стр. 33. Е. Ф. Карский. Русская диалектология, Л., 1924, стр. 68—69. И. В. Устинов. Очерки по русскому языку, ч. I, стр. 202. А. С. Ягодинский. «Народные говоры западной части Вологодского района Вологодской области» (диалектологический сборник), т. II, Вологда, 1924, стр. 100. П. С. Кузнецов. Русская диалектология, Учпедгиз, 1960, стр. 125—126. А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров, Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 263—266. С. С. Высотский. О говоре деревни Лека (Материалы к исследованию по русской диалектологии), т. 2, Изд. АН СССР, М., 1950, стр. 66—67. А. Н. Гвоздев. Два говора одного села (село Канаевка Городищенского района Пензенской области), там же, стр. 81. П. С. Кузнецов. Очерк морфологической системы Пильмасозерского говора, там же, стр. 110. В. Г. Орлова. О говоре села Пермас Никольского района Вологодской области (материалы и исследования по русской диалектологии), т. I, 1941, стр. 60. «Материалы для изучения великорусских говоров» (сб. ОРЯС Российской АН), т. ХСІХ, № 3, вып. 9, стр. 5—6. С. А. Еремкин. «Описание Уломского и Ваучского говоров Череповецкого уезда Новгородской губернии» (сб. ОРЯС Российской АН), т. ХСІХ, № 5, Петроград, 1922, стр. 12.

А. Б. Шапиро выделяет различные оттенки этого общего значения¹⁸⁾, и мы в своих исследованиях пользуемся этой классификацией значений Р.

4) В одном из своих значений (по вышеупомянутой классификации), а именно, когда Р употребляется при слове, которое уже упоминалось, он прямо соотносится с артиклями западноевропейских языков и с членом в болгарском языке.

5) Учение А. Б. Шапиро о значениях современного Р есть по сути дела учение и о происхождении его: Р — преднамеренное, особое использование указательного местоимения в роли указателя логического усиления какого-либо члена предложения.

6) Встретилось нам и второе — весьма для нас интересное — объяснение происхождения Р как фонетической опоры слов, оканчивающихся на ударный слог (С. А. Еремин).

7) Весьма существенны для нас следующие замечания:

а) «В роли члена в былинной речи иногда, по-видимому, бывает «он» (Е. Ф. Карский) и

б) «иногда препозитивное местоимение тот, та употребляются в значении, отличном от указательного» (П. Ремезов)¹⁹⁾.

Таковы были наши исходные позиции. Для иллюстративного анализа мы берем в данной статье равные по объему (26 страниц), но разновременные фольклорные тексты: две первые былины из собрания А. Ф. Гильфердинга и несколько исторических песен XIII—XIV вв., более поздних по времени происхождения, чем наши былины.

Былины. В следующих случаях Р, по нашему мнению, не имеет ни одного из значений, выделяемых А. Б. Шапиро:

«Стрелил стрелочку во Соловья
во того да во разбойничка,
повалился будто сенная-то
кучища»²⁰⁾

«Ах ты, матушка, ты матушка,
батюшка — тот едет, мужика
ведет»²¹⁾

Для этого Р можно было бы предположить значение определенности (которое соответственно со значением западноевропейских артиклей и которое выделяется А. Б. Шапиро для русского Р), но в данном случае речь идет о предмете, единственном в своем роде, а артикль в таких случаях не ставится. Вообще, нами, говорящими на современном русском языке и привыкшими, что Р всегда имеет какую-то смысловую нагрузку, наличие Р в данном случае воспринимается как лишнее, искусственное. Закономерно предположить у этого Р какое-то значение, не знакомое нам и не ощущаемое нами.

«А не батюшка — тот еде,
мужика ведет,

а мужик — тот еде, веде батюшка»²²⁾

Отсутствие обоих Р в этом отрывке, по нашему мнению, не ослабляет имеющего место противопоставления двух членов двух предложений: оно и так отчетливо выражено конструкцией «не..., а...» Кроме того, в случаях такого противопоставления Р обычно ставится при одном

¹⁸⁾ А. Б. Шапиро. Цитированная работа, стр. 263—266.

¹⁹⁾ П. Ремезов, «Описание говора села Вача Новосельской волости Владимирской губернии» (сб. ОРЯС Российской АН), т. ХСIX, № 5, Петроград, 1922, стр. 12.

²⁰⁾ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г., Изд АН СССР, М.—Л., т. I, 1949, стр. 113.

²¹⁾ Там же, стр. 114.

²²⁾ Там же.

противопоставляемом члене («самой-то нелюфко, нада ково другова послать» — из говора). Так что оба Р в данном отрывке не имеют, по нашему мнению, единственно допустимого здесь значения противопоставления.

«Повернулись тут глаза-то вон косицами»²³).

Предполагаемое значение определенности, вносимое Р, ощущается нами здесь весьма слабо. Утрата Р, по нашему мнению, не нарушит в стихе ничего, кроме ритма. В других трех случаях, встреченных нами в этих былинах, Р имеет одно из значений, выделяемых А. Б. Шапиро для современных говоров.

Исторические песни (для анализа выбирались только тексты, записанные в районе распространения северновеликорусских говоров).

«У меня положил три головушки:

милого-то братца родимого
и мужа венчального,
свекра любезного»²⁴).

«Тогда у меня убили
милого-то братца родимого»²⁵).

«За твои-то речи разумные,
За твои-то слова за хорошие
Ты бери полону сколько надобно»²⁶).

«Да прошла де вторую заставу великую,
да темны — ты леса дремучие»²⁷).

«Да третью заставу великую
темны леса — ты дремучие
... прошла»²⁸).

«А чистые поля-те широкие,
воров-то разбойничков,
тех-то я о полден прошла»²⁹).

Первые два Р не имеют ни одного из современных значений Р, а третий имеет значение определенности.

«За твое-ты слова за учливые
да ты бери себе золотой казны
да в моей-то земле во турецкие»³⁰).

«И не пыль-то, братцы, знать,
и не копоть подымается»³¹).

«А на лугу на том стоя шатрик
во шатре-то был поставлен коврик»³²).

Р имеет значение определенности.

«Уведу-ту я полонянку во свое место,
во свое место полонянку — ту
да к молодой жены,
к молодой-то все жены, русской
поляночки»³³).

«Ище по роду-ту мне дак бы блы внуцочёк»³⁴).

²³) Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г., Изд. АН СССР, М.—Л., т. I, 1949, стр. 117.

²⁴) Исторические песни XIII—XIV вв., Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 47.

²⁵) Там же, стр. 48.

²⁶) Там же,

²⁷) Там же, стр. 49.

²⁸) Там же, стр. 50.

²⁹) Там же.

³⁰) Там же, стр. 51.

³¹) Там же, стр. 56.

³²) Там же.

³³) Там же, стр. 67.

³⁴) Там же.

«Ты черев-то все моих ты был бы урывочек»³⁵).

Как перво-то дело-то куделю прясть»³⁶).

Первый Р имеет собственно противопоставительное значение (одно из выделяемых А. Б. Шапира), второй Р не имеет ни одного из современных значений.

«Да твоя-то мать мне
родная дочь»³⁷).

Выводы из анализа каждого из наших фольклорных текстов и их сравнительного анализа:

1. И в былинах, и в исторических песнях наряду с Р, имеющими значения, сходные со значениями Р в современных говорах, встречаются постпозитивные «то», не имеющие ни одного из современных значений и производящие на нас впечатление лишних, ненужных.

2. В исторических песнях общее число случаев Р гораздо больше, чем в былинах, что связано, видимо, с превращением к XIII в. постпозитивного члена в какой-то мере в принадлежность жанра и свидетельствует об ослаблении в нем его собственного значения.

4. Но даже если сделать скидку на те Р в исторических песнях, которые обусловлены только ритмом песенного стиха, относительное число Р в них, не имеющих современных значений, значительно меньше (0,8), чем в былинах (1,7).

Сопоставим факты наличия в фольклорных текстах постпозитивных «то», не обусловленных ни одним из современных значений, с тем обстоятельством, что для выполнения роли указателя логического ударения постпозитивному члену вовсе не обязательно согласование с тем словом, при котором оно стоит, как мы наблюдаем это в некоторых говорах и в литературном языке, тем более, что в настоящее время Р может стоять решительно при всех частях речи. Именно этой ненужностью, видимо, и объясняется постепенная утрата согласованности, следы которой мы находим в северных и некоторых несевверных говорах. Сопоставление этих фактов приводит к выводу, что было время, когда Р (собственно, тогда это еще не был, строго говоря, Р) имел какой-то другой смысл, для выражения которого необходима была согласованная с существительным форма указательного местоимения. Сопоставление же этого вывода с догадкой С. А. Еремина о том, что Р — «фонетическая опора слов, оканчивающихся на ударный слог», и заставило нас выдвинуть данную гипотезу о происхождении Р. Мы полагаем, что Р первоначально, при своем возникновении был действительно опорой, но не фонетической, как полагает С. А. Еремин, а синтаксической, для существительного, определение которого, исконно постпозитивное, стало переходить в препозицию³⁸). В самом деле, инверсия исконно постпозитивного определения была слишком радикальной, коренной переделькой группы определения и определяемого, чтобы пройти без последствий, гладко, с достижением только желаемого эффекта (т. е. инверсии определения). Дело в том, что прежний порядок слов в группе определяемого и определения соответствовал естественному ходу мысли о предмете и его носителе³⁹). С переходом же определения

³⁵) Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г., Изд. АН СССР, М.—Л., т. I. 1949, стр. 67.

³⁶) Там же, стр. 68.

³⁷) Там же.

³⁸) Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка, Изд. МГУ, 1956, гл. I (стр. 35—61), гл. IV (стр. 133—173).

³⁹) Г. П. Щедровицкий. О строении атрибутивного знания, сообщение первое — Доклады АПН РСФСР, 1958, № 1, стр. 63—66; сообщение второе — Доклады

в препозицию в сознании говорящего при произнесении группы определяемого и определения, полагаем мы, каждый раз первое время совершалась мысленная инверсия компонентов сложного синтезированного понятия о признаке и его носителе. И в начале длительного процесса инверсирования определения говорящий чувствовал необходимость заполнить чем-либо опустевшую постпозицию — чем-либо, не меняющим лексического значения группы определяемого и определения, а только являющимся опорой для существительного, «привыкшего», будучи членом группы определяемого и определения, опираться на определение. Одним из таких заполнителей опустевшей постпозиции являлось, по нашему предположению, указательное местоимение *тѣ, та, то*. И именно в такой позиции «определение — определяемое — *тѣ*» впервые появилось обусловленное только синтаксически постпозитивное указательное местоимением (в отличие от современного постпозитивного члена обозначим его условно значком *р*; определяемое обозначим буквой *N*, определение — буквой *A*; тогда наша формула примет следующий вид: *ANp*). Образно выражаясь, *р* был костылем, которым определяемое с инверсированным определением заменило утраченную естественную опору.

Мы говорили, тоже предположительно, о том, что присутствие *р* не меняет общего лексического значения нашей группы. Какое же из значений указательного местоимения *тѣ, та, то* обусловило выбор именно его на роль опоры группы с инверсированным определением? Для ответа на этот вопрос попытаемся предположить, каким содержанием заполнялась опустевшая постпозиция. «Продумав» понятия о признаке и его носителе в естественном порядке, а затем совершив мысленную инверсию этих понятий, человек невольно, в силу привычки после называния понятия теперь постпозитивного определяемого еще раз «додумывает» понятие о качестве — о том же самом качестве. «О том же самом» — именно это содержание требовалось для опоры и именно оно, по нашему мнению, и было найдено у местоимения *тѣ, та, то*.

Таково, по нашим предположениям, происхождение постпозитивных местоимений *тѣ, та, то*, большое число которых мы встречаем в былинах и других жанрах устного поэтического творчества.

Впоследствии, когда мысленная инверсия компонентов сложного понятия о признаке и его носителе стала делом привычным, необходимость в заполнителе опустевшей постпозиции исчезла, а вместе с ней должен был бы исчезнуть и сам заполнитель. И он-таки исчез как таковой, как *р*. Но прежде чем это произошло, истек, вероятно, немалый срок времени, в течение которого *р* получало иногда и дополнительные значения — например, значение указателя разного рода смысловых усилений. В конце концов, потеряв свое первичное значение, *р* закрепляется в языке в этом вторичном значении, т. е. в значении *Р*. Так возник современный постпозитивный член. Но изменение в значении привело и к грамматическим изменениям: к утрате согласования с существительным и к употреблению со всеми членами предложения, а не только выраженными именем существительным.

Аргументы в защиту нашей гипотезы. Во-первых, она объясняет факт наличия в фольклорных произведениях постпозитивных «то», не имеющих ни одного из значений современного *Р*.

Во-вторых, именно северные говоры, сохранившие в фольклорных произведениях вышеназванные «то» и следы согласования *Р* с суще-

ствительным, дают наибольшее относительное число постпозитивных «то» в позиции ANP, т. е. в той позиции, в которой впервые и появилось постпозитивное «то». К сожалению, мы не имеем для анализа двух достаточно больших разговорных текстов северного и несеверного происхождения. Поэтому приводим результаты сравнения фольклорных текстов — северного и несеверного. Сравнение их может дать, по нашему мнению, близкие к истине результаты, так как относительное число случайных, обусловленных только жанром постпозитивных «то», в них примерно одинаково.

Итак, результаты сравнения равного объема современных фольклорных текстов, один из которых северный (новины Марфы Крюковой), другой несеверный (современные донские песни). При этом мы выделяем следующие возможные позиции Р:

- 1) при существительном без определения (NP);
- 2) при определении в препозиции (APN);
- 3) при определении в постпозиции (NAP);
- 4) при существительном с определением в препозиции (ANP);
- 5) при существительном с определением в постпозиции (NPA);
- 6) при других частях речи (глаголах, наречиях, в южных текстах даже при предлоге, что мы считаем следствием абсолютного забвения прежнего, первичного значения р и в какой-то степени даже Р и превращения постпозитивного «то» в принадлежность жанра, в заполнитель пустых слогов в строке стиха).

Не все эти выделяемые позиции мы считаем равноценными. Среди них мы выделяем 2 основные группы позиций; а) к первой относим исконную, «первичную» позицию, в которой впервые, по нашему мнению, появился р, а именно позицию ANP, и позицию при существительном без определения — NP. Именно на такое N без определения во вторую очередь, по нашему мнению, распространилась пометка Р. Скорее всего это распространение произошло тогда, когда Р еще не окончательно утратил связь с р: в конце концов, различение просто существительного и существительного — члена группы определения и определяемого — было дополнительной мыслительной нагрузкой, и упрощение здесь пошло, вероятнее всего, по пути неразличения этих позиций — по пути пометки Р и в позиции NP. Именно с этого неразличения, полагаем мы, и началось распространение р → Р и на другие части речи.

Эту первую группу позиций Р назовем условно «правильными». б) Ко второй группе позиций Р относим все остальные — «неправильные». Во избежании случайных результатов анализируем трижды по 2 отрывка (один из которых, как мы уже говорили, северный, другой несеверный).

Результаты I сравнения:

в северном тексте⁴⁰⁾ «правильных» позиций — 35, «неправильных» — 28;

в южном тексте⁴¹⁾ «правильных» позиций — 10, «неправильных» — 38.

Общее число Р в северном тексте значительно больше, чем в южном: 63 и 48.

⁴⁰⁾ М. Крюкова. На зимнем берегу, у моря синего, Архангельск, 1940, стр. 21—26.

⁴¹⁾ А. М. Листопадов. Былинно-песенное творчество Дона, Ростов 1948, стр. 9—15.

Отношение «правильных» и «неправильных» позиций в северном тексте равно 1,25, южном — 0,38.

Результаты II сравнения:

«В северном тексте⁴²⁾ «правильных» позиций — 69, «неправильных» — 28;

в южном тексте⁴³⁾ «правильных» позиций — 10, «неправильных» — 36.

Общее число Р в северном тексте значительно больше, чем в южном: 97 и 46.

Отношение «правильных» и «неправильных» позиций в северном тексте равно 2,47, в южном тексте — 0,36.

Результаты III сравнения:

в северном тексте⁴¹⁾ «правильных» позиций — 48, «неправильных» — 70;

в южном тексте⁴⁵⁾ «правильных» позиций — 13, «неправильных» — 47.

Общее число Р в северном тексте значительно больше, чем в южном: 118 и 60.

Отношение «правильных» и «неправильных» позиций в северном тексте равно 0,9 в южном — 0,3.

Итак, относительные числа «правильных» позиций Р в северных текстах **во всех трех пробах** больше, чем в несевверных, что мы расцениваем как аргумент в защиту нашей гипотезы.

Сделав такие выводы относительно Р, мы чисто умозрительным путем предположили необходимость существования в языке и препозитивного члена. В самом деле, инверсированное определение на первых порах нуждалось в «опоре» еще в большей степени, по нашему мнению, нежели постпозитивное существительное — в большей степени, ибо если N могло употребляться без А, то А, как таковое, без N не употреблялось.

Сделав такое предположение, мы вспомнили о многочисленных случаях употребления в языке былин препозитивных местоимений «тот», не имеющих, по нашему мнению, ни одного из его современных возможных значений. Вот пример такого употребления «тот»:

«На тых горах высоких,
на той на святой горы
был богатырь чюдный»⁴⁶⁾.

Это пример из зачина былины, поэтому местоимения не имеют в данном употреблении ни значения, противопоставленного значению «этот», ни указания на только что названный или подсказанный ситуацией предмет.

Именно такие препозитивные «тот», не имеющие ни одного из известных современных значений, мы считаем соотносительными с западноевропейскими артиклями и именно с ними связываем историю неразвившейся до конца и исчезнувшей категории определенности — неопределенности в русском языке.

⁴²⁾ М. Крюкова. На зимнем берегу, у моря синего, Архангельск, 1940, стр. 64—69.

⁴³⁾ А. М. Листопадов. Былинно-песенное творчество Дона, Ростов, 1948, стр. 72—78.

⁴⁴⁾ М. Крюкова. На зимнем берегу, у моря синего, Архангельск, 1940, стр. 40—45.

⁴⁵⁾ А. М. Листопадов. Былинно-песенное творчество Дона, Ростов, 1948, стр. 47—53.

⁴⁶⁾ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильдфердингом летом 1871 г., АН СССР, М.—Л., т. I, 1949, стр. 97.

Однако в отличие от Р препозитивное местоимение «тот» во все время функционирования в роли препозитивного члена сохраняло и свои прежние значения («тот, о котором уже известно» и другие). Именно этим мы объясняем сохранение согласования его с существительным. Но во избежание омонимии в языке возникли формы «этот», «эфто́т», «энтот» для выражения прежних значений местоимения «тот». С забвением препозитивного члена эти новые формы однако не исчезли, а составили — в сопоставлении со старыми формами «тот» — еще одно, новое значение указательного местоимения.

Как видно из показаний Е. Ф. Карского (см. выше), в качестве постпозитивного члена могло использоваться и другое древнее указательное местоимение — «он». Мы в былинах встретили многочисленные случаи препозитивного «он» без какого-либо различаемого нами значения. Напр., «поехал он Илья Муромец» и т. д. Встречали мы аналогичные случаи и в исторических памятниках:

«и напився он конюший старецъ Лаврентей»; и онъ игумень
Афонасей... живет по селам и деревнямъ⁴⁷⁾
и в современных сибирских говорах:
«где ключ, ана вада тамока»,
«он прямой следочек, а у лисы туда сюда», «ани эти грибы
растут на полосах»⁴⁸⁾.

Препозитивный член «он» мы связываем с уточнительным оборотом («он, математик, был очень точен в расчетах», «вот он, лес» и т. д.), очень распространенным в современном русском языке, а постпозитивный член «он» мы связываем с диалектным (и просторечным?) оборотом типа «Петр I он начал войну со шведами», «Пушкин он написал поэму» и т. д., с которыми ведется упорная и часто безуспешная борьба в школе.

Очень заманчивым кажется нам увязать и происхождение личного местоимения третьего лица с языковыми процессами данного цикла. Наши предположения на этот счет таковы:

В качестве пре- и постпозитивных членов могло, вероятно, употребляться и указательное древнее местоимение, и, я, е. Во всяком случае, в тех же материалах Е. М. Пантелеевой мы встретили и такие примеры: «их эти грибы тоже не едят», «у ее у рогатки заднюю ось можно оттянуть», «его лес избегают».

Употребляясь в качестве препозитивных членов, «он», и «и» были постоянными спутниками существительного во всех падежах. С забвением препозитивного члена как последствия инверсирования определения местоимения «он» и «и» стали ощущаться как спутники, а потом — с утратой адъективности — и заместители существительного, т. е. как личные местоимения. При этом по известным из лингвистической литературы соображениям чисто фонетического порядка произошла контаминация парадигм обоих местоимений. Новое значение этих местоимений было столь нужным, что старые, указательные, значения их со временем сошли на нет.

Такое предположение проливает свет и на хронологию явлений данного цикла: уже в древнейших славянских памятниках мы имеем вполне сложившуюся систему личного местоимения третьего лица.

Таковы наши предположения относительно происхождения и истории постпозитивного члена и некоторых других категорий, связанных с ним.

⁴⁷⁾ Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в рукописное отделение библиотеки императорской АН в 1902 г., Сиб., 1905, стр. 214, 216

⁴⁸⁾ Из материалов Е. М. Пантелеевой, аспирантки ТГУ.

Г. И. КЛИМОВСКАЯ

ОБ ИСКУССТВЕННОМ ХАРАКТЕРЕ ПРЕДЛОЖНОГО РЕЖИМА В ГРУППЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЯЕМОГО СЛОВА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Изучая предложный режим в группе определения и определяемого слова в современном русском литературном языке, мы обнаружили интересное явление: очень тонкую реакцию владеющего русским литературным языком на разновидность совершаемого коммуникативного акта в отношении этого режима. В одних из разновидностей предлог никогда не повторяется в предложно управляемой группе определения и определяемого слова перед каждым из этих элементов («на месте гористом»), в других — повторяется очень регулярно («на месте на гористом»).

Прежде чем говорить об этих разновидностях, мы считаем необходимым сделать две оговорки.

Во-первых, повторение предлогов вообще встречается главным образом в двух конструкциях группы определяемого слова и определения¹⁾: в группе опр. и постпозиционного определения и в группе опр. и опр., выраженного адъектированным местоимением — в этом последнем случае даже при отсутствии инверсии. В данной статье нас интересует п. п. в группе опр. и опр. только первой конструкции.

Во-вторых, появление п. п. в группе опр. и постпозиционного опр. мы считаем следствием усиления номинативного момента в лексикограмматическом содержании имени прилагательного, сдвинутого с обычного места инверсией. И. И. Мещанинов писал: «Если оно (прилагательное — Г. К.) остается без определительного слова, то оно воспринимает на себя выражение предметности существительного. Прилагательное в этом случае субстантивируется²⁾». Мещанинов говорит об абсолютной субстантивации полностью оторванного от существительного прилагательного. В случае же инверсии, полагаем мы, происходит лишь некоторая субстантивация прилагательного (за счет определяемого существительного), не достаточная для повторения после этого прилагательного того же самого существительного, но достаточная для постановки повторного предлога перед этим частично субстантивированным прилагательным. При этом происходит некоторое уподобление группы опр. и опр. группе однородных дополнений, в которой при определенных условиях в современном литературном языке появляется повторение:

¹⁾ В дальнейшем в целях краткости будем пользоваться следующими сокращениями: п. п. — повторение предлогов; группа опр. и опр. — группа определяемого слова и определения.

²⁾ И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи, Л., 1945, стр. 122.

предлогов³). Одним из таких условий является наличие логической ударенности на группе однородных дополнений. Но логическое ударение внутри предложения может падать и на группу опр. и опр. (или только на второй ее элемент) — и именно средством выражения логической ударенности и является постпозиция определения, что общеизвестно в лингвистической литературе.

Значение логической ударенности мы считаем комплексным, состоящим, по крайней мере, из трех семантических компонент: значения собственно противопоставленности (например: «указательные местоимения могут выступать в роли определения, чего нельзя сказать о **местоимениях личных**»); значения несобственно противопоставленности (например, «аптека за мостом за каменным») и значения так называемой коммуникативной нагрузки (нагрузка нового), учение о которой мы полностью заимствуем у К. Г. Крушельницкой⁴).

Повторение же предлогов в группе опр. и постпозиционного опр. мы считаем, как уже говорили, лишь следствием — спутником инверсии, в котором сами говорящие даже не отдают себе отчета.

Сделав такие две оговорки, мы выделяем следующие разновидности современной русской литературной речи в зависимости от особенностей предложного режима в предложно управляемой группе опр. и опр. (от степени регулярности повторения предлогов или полного отсутствия его).

Письменная литературная речь. Внутри ее проявлений мы должны выделить такие две неравные группы:

1) Научная и публицистическая статья, речь автора в художественном прозаическом произведении — вообще все, кроме писем и речи героев в художественном прозаическом произведении. В данных проявлениях русского литературного языка повторения предлогов в группе опр. и постпозиционного опр. не встречается как такового, вообще, никогда. Данное положение дел настолько очевидно, что не нуждается, по нашему мнению, даже в иллюстрации. Вторую разновидность письменной литературной речи в отношении предложного режима в изучаемой группе слов составляют письма и речь героев художественного произведения. Здесь п. п. в группе опр. и опр. встречается. Результаты наблюдения над предложным режимом в группе опр. и постпозиционного опр. в письмах — обычных письмах бытового содержания. Уже заведомо можно охарактеризовать данный стиль как переходный между разговорной и письменной разновидностями литературного языка. Наши наблюдения за изучаемой конструкцией подтверждают это мнение.

В нашем распоряжении было большое количество писем нескольких человек (назовем их А, В, С, Д и Е), безусловно владеющих литературным языком.

Письма А. В проанализированном тексте на 172 предложно управляемые группы опр. и постпозиционного опр. без п. п. встретилось 14 таких групп с п. п.: «купили туфельки... будем надевать в ботинки в старенькие»; «в платишках в разных в летних»; «а потом уже на берегу на левом сходим (с трамвая)»; «все возится с ящиками с какими-то старыми»; «помнишь, росли (кусты смородины) на соседнем участке на маленьком» (по соседству было два участка: «маленький» и «Васильевых»); «добавлю сахару в тесто в остальное... и делаю песочники»; «а на игрушки на купленные и не смотрит»; «по линии по новой-то уже трам-

³) См мою статью в лингвистическом сборнике, Издательство ТГУ, Томск, 1962, стр. 91—98.

⁴) К. Г. Крушельницкая. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков, М., 1961, стр. 196—206.

вай пустили»; «в универмаге в старом продавали»; «за двадцать пятым домом на полянке на ясельной гуляем, а иногда в садике в школьном»; «за букетик за маленький двадцать копеек нужно»; «в пиджачишке в стареньком форсит». Все приведенные случаи постпозиции обусловлены каким-либо одним из значений комплекса логической ударенности.

Письма В. На 16 предложно управляемых групп опр. и постпозиционного опр. без п.п. в проанализированном тексте пришлось 2 группы с.п.: «по самому Трактору по Чуйскому идет»; «за одни пуговицы за кафтанные» (в обороте с переносным смыслом). Оба случая п.п. вполне обусловлены значениями логической ударенности.

Письма С. Встретился один случай п.п. в группе опр. и постпозиционного опр. — на 5 групп без п.п.: «теперь в покое в полном живем».

Письма Д. На 69 случаев отсутствия повторения предлогов при опр. и опр. в постпозиции встретили 9 случаев с п.п.: «к матери к родной ехать не захотела», «поживем на квартире-то на частной»; «на завод на пивной устроился — делать-то нечего, видать»; «городит без толку без всякого»; «в нужде в большой не жили, вот и гордые»; «за учителя за деревенского замуж выходит»; «тоже на пенсию на учительскую живет»; «в городе в таком большом заблудишься»; «по улице-то по мощеной еще ничего (можно ходить в старых туфлях)». Все случаи п.п. обусловлены тем или другим оттенком логической ударенности.

Письма Е. На 17 случаев отсутствия п.п. при опр. и опр. в постпозиции мы встретили 2 случая п.п.: «в скверике в маленьком сию каждый вечер»; «по лестнице по деревянной-то не так страшно (подниматься), как по каменной».

Результаты наблюдения за речью героев в художественных прозаических произведениях.

Л. Леонов. «Барсуки»: «Где его убили?» — вздрагивает **Аннушка**, осторожно прислушиваясь. — «А вот на этой на войнище на царской».⁵⁾ «Дорога на Океан»: «Иван кивал ему брюзгливо: «В человеке душа главное, а она в мешке в кожаном»⁶⁾. Впрочем у Леонова п.п. при опр. и опр. в постпозиции встречаются иногда и в авторском тексте: «В мотокром переулк — потому что у Москвы-реки у самой — желто-розовый дом стоит»⁷⁾. («Барсуки»).

Л. Н. Толстой. «Семейное счастье»: «Никогда не говорил и на колено на одно не становился, — отвечал он, смеясь, — и не буду»⁸⁾. «Набег»: «Два похода с нами ходил в синем плаще в каком-то»⁹⁾. «Прислонили его к дереву к этому, надели на него рубаху чистую, простились как следует да так и оставили»¹⁰⁾. Нужно отметить, что в речи героев художественных произведений п.п. в группе опр. и опр. в постпозиции встречаются вообще довольно редко, но при этом не производят впечатления явления совершенно спонтанного.

Итак, мы проиллюстрировали наши выводы, изложенные выше, о предложном режиме в группе опр. и опр. в постпозиции в тех случаях; когда эта группа управляется предложно, в письменных проявлениях литературной речи.

Устная литературная речь — следующая разновидность современной литературной речи, выделяемая нами в отношении изучаемой части синтаксиса. Внутри возможных видов проявления устной речи мы долж-

⁵⁾ Л. Л. Леонов. Собрание сочинений, М., т. 1, 1953, стр. 149.

⁶⁾ Там же, стр. 44.

⁷⁾ Там же.

⁸⁾ Л. Н. Толстой. Собрание сочинений, М., т. 3, 1958, стр. 204.

⁹⁾ Л. Н. Толстой. Повести и рассказы, М., 1950, стр. 42.

¹⁰⁾ Там же, стр. 96.

ны выделить следующие 2 группы, резко различающиеся в данном отношении, а именно,

монологическая речь с трибуны, с кафедры и т. п., где п. п. почти не встречается, в чем данная речь приближается к письменной; редкие п. п. в группе опр. и опр. в постпозиции встречаются в тех местах, где монолог оратора или лектора либо принимает форму беседы с аудиторией, либо становится сбивчивой, замедленной, т. е. вообще когда приближается к речи бытовой неофициальной;

сытовая речь, особенно диалогическая, где п. п. встречается часто и регулярно: практически каждая постпозиция определения в случае предложного управления оформляется с повторением предлога.

Иллюстрируем наши выводы.

Речь с трибуны, с кафедры.

«Она преподает в школе в шестой» (данная фраза прозвучала как вводная, поясняющая; произнесена была с некоторым замедлением темпа речи; встретила она в хорошо продуманной, быстрой по темпу речи, посвященной аттестации одного из аспирантов на ученом совете факультета).

«Это было еще перед самым съездом перед писательским» (фраза была произнесена на научном семинаре примерно в той же ситуации, что и первая приведенная нами).

«С гласными полного образования сочетаются иначе, чем с гласными с редуцированными» (в объяснении преподавателя на практическом занятии; преподаватель в третий раз возвращался к одному и тому же вопросу, т. к. не всем еще было ясно его существо, поэтому речь его изобиловала смысловыми паузами, повторами, перебивалась репликами — вопросами студентов с места).

«На кафедре на советской дела обстоят несколько лучше» (фраза была произнесена выступавшим в прениях на ученом совете факультета в ответ на вопрос с места; именно поэтому кафедра истории СССР была названа в отличие от кафедры всеобщей истории просто «кафедрой советского», чего нельзя было встретить в речи докладчика, заранее готовившегося к выступлению).

«Иногда, правда, встречается в языке в латинском» (в докладе на научном кружке).

«А из газет из последних известно...» (в выступлении на политинформации).

Несколько особняком, по нашему мнению, стоят п. п., встретившиеся в ответах слабо подготовившихся учеников средней школы и студентов. В этих проявлениях устной литературной речи повторение предлогов встречается едва ли не так же регулярно, как и в бытовой речи.

Примеры из ответов учащихся средней школы (8, 9, 10 классы) на уроках литературы: «Мать разрешала Левушке... Толстому... играть... с детьми с крестьянскими... и так как она ему разрешала играть с детьми крестьянскими, он был потом связан с народом». Любопытно, что преподаватель, рецензируя ответ этого ученика, отметила замедленность в его ответе, большие паузы и произнесла, копируя ученика: «позволяла... играть.. с детьми... с крестьянскими». В ответе другого ученика (по другой части биографии Л. Н. Толстого): «он сам, как крестьянин, ходил весной за плугом за лошадиным». В ответе третьего ученика: «в этих рассказах... в севастопольских... Толстой рассказывает о севастопольской обороне... во время войны». Из ответов десятиклассников: «Павку устроили на работу... старший брат... в буфет в станционный... в столовую», «а на собраниях на комсомольских всегда молчал».

Из ответов студентов: «а в той позиции в сильной — нет»; «запуталась с гласными с этими полными»; «встречается только в текстах в письменных, а устно... нет»; «из-за юса из-за малого совсем не похоже на русский язык». Количество подобных примеров может быть пополнено до любых желаемых размеров на любом занятии.

Наконец, примеры повторений предлогов из бытовой речи, о которой мы уже говорили, что повторение предлогов в ней носит регулярный характер: «да там на полочке на левой стоит»; «за нитками за шелковыми весь город обошла и нету»; «в магазине в подписном случайно встретила»; «на фабрике на швейной лекцию читала»; «на перерыве на большом и сходим»; «на трамвай далеко, лучше на автобусе на переезд»; «в зале в преподавательском не было его»; «за лампой за настольной схожу к ней»; «сядем и по тарелке по полной вместе съедем»; «в медпункте в нашем есть ведь»; «на вечер-то на факультетский идешь, что ли?»; «пойду за хлебушком за свеженьким схожу»; «по мелочам по разным разбрасывается»; «на место на детское ишь уселся»; «да в расписание в кафедральное не вписали»; «на бюро на комсомольское вызывали»; «в пальтишке в новеньком-то еще лучше будет»; «с ребятами со старшими из шестилетки не поделили никак»; «ты думаешь, на лестницу на ступенчатую легко?»; «без мыла без хозяйственного как без рук»; «с пятого этажа до двери до самой до уличной»; «в молоке в кипяченом раствори две столовые ложки (порошка)»; «по улице по скользкой не побежишь»; «пожалуй, в платье в синем пойду»; «да в шкафу в правом там полотенце было»; «к платицу к синему другие бы пуговочки»; «в кастрюле в эмалированной там щи, наливай»; «а с кипятком с крутым — совсем другой разговор»; «что за срам за такой — с ногами на постель»; «беда с мальчишкой с этим»; «живут в общежитии в старом»; «дождь, а я в пальто в новом»; «выписываю на карточки на разные»; «преподаватель по литературе по русской по классической»; «пей все равно из стакана из грязного»; «живет в доме большом — в этом университетском»; «отстань... с ерундой с разной»; «поеду на поезде на бийском»; «на концерте на симфоническом были»; «приедем — а я в сарафане в чумазом»; «а за Маленковкой за этой — твоя работа, да»; «пойдем в тот вагон в ресторанный»; «с икрой с кабачковой ничего получается»; «слетишь вот с полки с верхней»; «в словаре смотрела в толковом — нету. Число подобных примеров можно продолжить практически до бесконечности.

Сравнивая результаты наблюдений над группой опр. и постопозиционного опр. в разных проявлениях русского литературного языка¹¹⁾ и делая выводы из такого сравнения, необходимо подчеркнуть следующие моменты:

Совершенно аналогичная смысловая ситуация, а именно, наличие комплекса логической ударенности, по-разному проявляется в том или ином речевом высказывании в зависимости от большей или меньшей степени соблюдения его автором традиций письменной литературной речи, причем сама эта степень определяется жанром высказывания. Абсолютное отсутствие п.п. в группе опр. и постопозитивного опр. в одних речевых высказываниях и регулярная постановка повторяющегося предлога в данной группе в других высказываниях определяют в современном русском литературном языке резкое, принципиальное отличие письменной речи от речи устной.

Мы в данной статье ставим вопрос о происхождении, об истоках такого противопоставления. В качестве гипотез о причинах его появления

¹¹⁾ В данной статье мы оставляем в стороне очень сложный и интересный вопрос о диалектных различиях синтаксиса данной группы словосочетаний.

в языке мы встретили в лингвистической литературе и высказывали прежде сами следующие положения, изложенные сути которых мы одновременно сопровождаем нашими критическими замечаниями и комментариями.

1. Наша прежняя гипотеза, высказанная без учета показаний письменной литературной речи (где п. п. не было обнаружено) и русских народных говоров (где оно отмечается почти всеми исследователями — особенно в северновеликорусских говорах¹²): первоначально в русском языке п. п. необходимо оформляло группу опр. и опр. в постпозиции, затем исчезло в связи с определенными изменениями, произошедшими в мышлении (такую причину — без анализа соответствующих общим состояниям группы опр. и опр. логических ситуаций — высказали А. А. Потебня¹³) и П. Я. Черных¹⁴), но сохранилось в некоторых современных русских говорах — особенно северновеликорусских — в качестве их диалектной черты. Это предположение было снято фактами п. п. в группе опр. и опр., обнаруженными в устной литературной речи и в записях речи даже тех южновеликорусских диалектов, где оно особо не отмечалось авторами соответствующих исследований.

2. Положение, высказанное Л. А. Булаховским¹⁵), а именно: исчезновение предлога из русского языка — результат «упростительной тенденции» — представляется нам упрощением очень сложного вопроса о предложном режиме в группе опр. и опр.

3. Предположение, о том, что п. п. группе опр. и опр. — это новшество разговорной литературной речи, еще не закрепившееся в письменной речи, — не выдерживает ни малейшей критики с точки зрения исторического синтаксиса русского языка. Наличие п. п. в группе опр. и опр. в истории русского и других славянских языков отмечали в свое время А. А. Потебня¹⁶), Шахматов¹⁷), М. И. Сперанский¹⁸), Ю. М. Соколов¹⁹), П. Я. Черных²⁰), В. И. Боровский²¹), А. П. Евгеньева²²). Их указания и анализ древнерусского языкового материала позволяет ставить вопрос о данном явлении не как о новшестве, но как о наследии прошлого — наследии, воспринятом и сохраненном устной литературной и диалектной речью и утраченном письменной литературной речью.

Итак, водораздел в отношении наличия отсутствия п. п. в группе опр. и опр. лежит в русском языке не между литературным языком вообще и диалектами, но между устной — литературной и диалектной — речью и речью письменной.

¹²) Мансикка. О говоре Шенкурского уезда Архангельской губернии. Известия ОРЯС, т. XVII, кн. 2, 1912, стр. 142; О говоре северо-восточной части Пудожского уезда, Известия ОРЯС, т. XIX, кн. 4, Сиб., 1915, стр. 117; Н. П. Гринкова. Случаи повторения предлогов в Кировских диалектах, Язык и мышление, XI, М.—Л., 1948; В. С. Овчинникова. Поозерский говор (диссертация), Л. 1951, стр. 198; О. П. Каюрина. Исследование говора юго-западной части Чусовского района Молотовской области (диссертация), М., 1963, стр. 272—273 и т. д.

¹³) А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, ч. IV, М., 1941, стр. 187.

¹⁴) П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка, М., 1954, стр. 289.

¹⁵) А. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку, К., 1950, стр. 344.

¹⁶) А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, ч. IV, М., 1941, стр. 267—289.

¹⁷) А. А. Шахматов. Исследования по русскому языку, т. II, вып. 3, Спб., 1903, стр. 139—140.

¹⁸) М. И. Сперанский. Русская устная словесность, М., 1917, стр. 146.

¹⁹) Ю. М. Соколов. Русский фольклор, М., 1938, стр. 275 и др.

²⁰) П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка, М., 1952, стр. 269.

²¹) В. И. Боровский. Синтаксис древнерусских грамот, Львов, 1948, стр. 96.

²²) А. П. Евгеньева. Очерки по языку русской устной поэзии XVII—XIX вв. (докторская диссертация), Л., 1950, глава II.

4. Но тогда возможна еще только одна, по нашему мнению, гипотеза о происхождении рассматриваемого различия между устной и письменой литературной речью, а именно отсутствие п. п. в группе опр. и опр. в письменном литературном русском языке является влиянием какого-то другого синтаксиса, своего рода привнесением, не затронувшим устную речь.

Таким влияющим, привносящим п. п. синтаксисом мы считаем, вслед за И. Козловским²³), синтаксис старославянского языка.

И. Козловский считает п. п.²⁴) старейшей и бросающейся в глаза отличительной чертой русского языка по сравнению со старославянским. При этом он констатирует наличие п. п. преимущественно в дипломатических и юридических памятниках, где ярче и сильнее проявлялся живой разговорный язык того времени. Но п. п., говорит И. Козловский, вообще до сих пор совершенно чуждо современному литературному языку, потому что его синтаксис сложился, с одной стороны, под сильным влиянием старославянского, с другой стороны — французского языков.

Скептически относясь к утверждению И. Козловского о влиянии французского языка на предложный режим в группе опр. и опр., мы соглашаемся с другим — о влиянии на современный русский синтаксис в отношении изучаемого явления синтаксиса старославянского.

Далее, говоря о причинах возникновения п. п. в русском, а также в других славянских и в литовском языке, и отсутствия его в старославянском языке, Козловский считает возможным одно из двух объяснений:

П. п. возникает в эпоху балто-славянской общности; в этом случае отсутствие его в старославянском языке следует рассматривать как утрату (переводный характер церковнославянской литературы тому способствовал).

Другое возможное объяснение сводится к тому, что п. п. возникает позднее и независимо в разных языках в силу общих всем народам психических законов.

Не останавливаясь в данной статье на интересном и глубоком (при дальнейшем его развитии и увязывании с историей различных языков) втором предположении И. Козловского, мы следующим образом комментируем его первое предположение:

отсутствие п. п. в группе опр. и опр. в старославянском языке мы объясняем исключительно влиянием древнегреческих оригиналов, с которых были переведены церковнославянские памятники. Так что факт отсутствия п. п. в группе опр. и опр. в старославянском языке, а опосредствованно через него и в современной русской письменной речи, является, по сути дела, результатом своеобразного калькирования режима в группе опр. и опр. древнегреческого языка.

Это и есть наша гипотеза об искусственном (скопированном с древнегреческого опосредствованно через старославянский) предложном режиме в группе опр. и позиционном опр. в современном русском литературном языке. Сделать такое предположение нас заставил анализ текстов старославянских переводов сравнительно с текстом древнегреческих оригиналов.

Вот результаты этого анализа.

²³) «Zwei syntaktische Eigentümlichkeiten der russischen Sprache» («Archiv für slavische Philologie», XII, Berlin, 1890, стр. 103—119. За неимением оригинала пользуемся переводом данной работы, приведенным в указанной выше докторской диссертации А. П. Евгеньевой.

²⁴) И. Козловский рассматривает данное явление суммарно, не разграничивая его на п. п. в группе опр. и опр., п. п. в группе однородных дополнений и т. д.

Старославянский язык.

Результаты анализа памятников, для которых не производилось сравнение с древнегреческим оригиналом:

в Синайском евангелии мы встретили 68 предложно управляемых групп опр. и опр. без п.п.,

в Ассеманиевом евангелии — 200 групп без п.п., в проанализированном отрывке Супрасльской рукописи — 22 группы без п.п., в проанализированном отрывке Книг святого Еноха — 28 групп без п.п. — и ни одного п.п. во всех этих памятниках. Будь бы это оригинальные памятники древнерусского языка, мы обязательно (как подсказывает опыт анализа большого числа их) встретили в таком объеме текста хотя бы несколько случаев п.п.

Результаты сравнительного анализа текстов церковнославянского перевода и древнегреческого оригинала.

Ефремовская Кормчая²⁵). В славянском тексте встретилось 120 групп опр. с постпозиционным опр. без п.п. Сравнение их с соответственными древнегреческими группами показало, что предложный режим их совпадает. Например: «судите епископа»²⁶) при князи градьстемъ» — «krinein episkopon para archonti politikoi»²⁷); «о книгахъ еретичьскихъ» — «peri gamon airetikon»;²⁸) «о простыци отълоученемъ» — «peri laikou aforisthentos»²⁹) и т. д. еще в 117 случаях.

Но в данном же памятнике встретился один случай п.п. в группе опр. и постпозитивном опр. в тексте перевода, причем в тексте оригинала п.п. нет: «Аще кѣто отъ епископъ оглаголанъ боудеть от старейшихъ тоя же страны...» — «Ean tis ton episkopon kategoretai, para tois tes autes choras proteuousin...»³⁰).

Данный случай несовпадения предложного режима в группе опр. и опр. в оригинале и в переводе мы объясняем следующим образом: переводчик изменил порядок слов во фразе, заменил беспредложное управление предложным — и этим лишил себя возможности копировать, как в 120 предшествующих случаях, внешний рисунок древнегреческой группы опр. и опр. Будучи вынужденным оформлять группу самостоятельно, он ставит в ней второй предлог перед определением в постпозиции — по законам родного языка, заключаем мы³¹).

Кроме того, и это отнюдь не второстепенно — в славянском тексте Кормчей встретилось несколько случаев п.п. в группе опр. и препозиционного определения, а также в группе однородных дополнений, в то время как в соответствующих древнегреческих группах этого п.п. нет. Эти данные имеют значение для нашей работы, так как все перечисленные виды п.п. — явления соотносительные. Итак: «къ пресвятоумоу и къ чистоумоу епископу» — «pros ton agiotaton kai sebastiotaton episkopon»³²); «къ съборноумоу къ единению обрати» — «pros ten katholikēn enoteta epestrepse»³³); «о повеленых или о возбраненых» — «peri-

²⁵) Древнеславянская Кормчая, т. I, Спб, 1906.

²⁶) По техническим причинам старославянские тексты даны в современном русском алфавите, а древнегреческие — в латинском.

²⁷) Древнеславянская Кормчая, стр. 28.

²⁸) Там же, стр. 42.

²⁹) Там же, стр. 53.

³⁰) Там же.

³¹) Напоминаем, что наши современники, в устной речи которых встречается п.п. не отдают себе в этом отчета. Чтобы убедить в этом некоторых информантов, автору статьи приходилось часто, что называется, ловить их на слове. Вероятно, то же можно говорить и об авторах переводов.

³²) Древнеславянская Кормчая, стр. 308.

³³) Там же, стр. 422.

epitetrammenon kai kolouctmenon»³⁴⁾ (переводчик опустил второй союз между однородными дополнениями и вместо него поставил повторный предлог): «къ отълоученымъ ли къ отъстоупающимъ попомъ» — «tois aforidzomenois e oposchidzousi presbuterois»³⁵⁾ (переводчик беспредложное управление заменил предложным и повторил предлог) и т. д.³⁶⁾.

Результаты аналогичного анализа «Изборника великого князя Святослава Ярославича 1073 г.» по так наз. Харатейному списку его. В тексте встретилось 217 случаев отсутствия п. п. в группе опр. и опр., причем такой режим группы совпадает с режимом соответственных древнереческих групп: «о развращении содомсцемъ» — «peri tes katastroie Sodomon»³⁷⁾; «о человецехъ творяштиихъ» — «epi anthronon demiourgounton»³⁸⁾ и т. д., в том числе и в группе однородных дополнений. Но встретилось и два отступления от такого неукоснительного копирования оригинала в данном отношении: «отъ света проснявъ не отъ виновьнааго» — «ek fotos eklampsan tou anaition»³⁹⁾. В оригинале стоит несогласованное определение, причем при существительном в роли определения имеется отрицательная приставка «а», а опр. и опр. разделены другим членом предложения. Переводчик перевел несогласованное определение согласованным, сохранил дистантное положение опр. и опр., но отрицание «не» отделил от прилагательного повторным предлогом, причиной чего явилось, видимо, дистантное положение опр. и опр., усиливающее, как правило, значение логической ударенности. Второе отступление: «въ моукоу ведеть в негонезьноую» — «eis kolasin araiteton ageis»⁴⁰⁾. По неизвестным мотивам переводчик изменил порядок слов в данном отрывке, а именно, поместил управляющее слово между опр. и опр., а дистантное расположение опр. и опр. сопровождал повторением предлогов.

Мы не располагаем дополнительными к приведенным данными того же сорта, но в защиту их убедительности хотели бы привести следующее высказывание комментатора «Грамот болгарских царей» о том, что церковнославянские переводчики и «списатели» «смотрели на каждую букву и слово с религиозным благоговением и совершали свой труд как нравственный подвиг или как некоторое священнодействие. И если, несмотря на это, они иногда не могли все-таки избежать целого ряда отступлений от языка подлинников, то такие отступления они делали невольно, бессознательно, считали их ошибками и в послесловиях часто просили за них прощения у читателей»⁴¹⁾.

Именно в силу такой тщательности переводчиков исследуемых нами Кормчей и Изборника мы встретили так мало интересующих нас отклонений от оригинала в очень большом объеме проанализированных текстов.

Вероятно, такого же рода ошибками, о которых говорит комментатор «Грамот», являются и те п. п. в старославянском языке, о которых говорит А. А. Потебня, иллюстрируя свое заявление только одним примером п. п. в группе опр. и опр. (остальные случаи п. п. встретились

³⁴⁾ Древнеславянская Кормчая, стр. 33.

³⁵⁾ Там же, стр. 50.

³⁶⁾ Таких несоответствий перевода по оригиналу в группах однородных дополнений очень много.

³⁷⁾ Изборник великого князя Святослава Ярославича 1703 г., М., 1883, стр. 4.

³⁸⁾ Там же, стр. 6 и т. д.

³⁹⁾ Там же, стр. 119.

⁴⁰⁾ Изборник великого князя Святослава..., стр. 111.

⁴¹⁾ Грамоты болгарских царей, Труды Славянской комиссии Императорского Московского Археологического общества, т. V, М., 1911.

в группах однородных дополнений, которые Потебня в данном случае не отграничивал от групп опр. и опр. и с предложным режимом, в которых дела обстоят несколько иначе в старославянском языке): «В церковно-славянских памятниках повторение предлогов редко, но есть: «И распростре по плещема по небесныма...» (Шестоднев...)»⁴²⁾.

Итак, отсутствие повторного предлога при оформлении опр. и постпозиционного опр., было заимствовано в старославянский, а через него и в современный русский литературный язык и стало синтаксической нормой обоих языков. К этому необходимо добавить следующее: само то обстоятельство, что старославянский и древнерусский были языки письменные, создало как нельзя более благоприятную почву для заимствования этого явления. То обстоятельство, что пишущий обычно записывает мысли заранее сформированные, исключает из письменной речи так наз. уточнительно-присоединительные конструкции, а то обстоятельство, что читающий может в случае надобности вернуться к тому, что уже было прочитано и вообще в течение всего времени восприятия смысла написанного иметь его перед глазами, делает постпозицию определения в письменном тексте не такою частою и необходимою, как в устной речи. А это приводит к сокращению в письменной речи ситуаций, когда возможно появление п. п. Кроме того, немаловажен при рассмотрении особенностей письменной речи в отношении п. п. и тот чисто психологический факт, что допускающий в устной речи п. п. не отдает себе в этом отчета, т. е. считает, что он не повторяет предлогов. Это обстоятельство и заставляет его не видеть разницы между тем, что он пишет, и тем, что он произносит. Данное положение вещей мы объясняем тем, что п. п. **не средство** выражения какого-либо значения, а лишь следствие — спутник такого нарочитого средства (а именно, постпозиции определения), о чем мы уже говорили.

Большие надежды в отношении подтверждения верности нашей гипотезы возлагали мы на показание болгарских — древних и современных диалектных — текстов нецерковного содержания. Мы надеялись встретить в них частое, как и в древнерусском языке, оформление групп опр. и опр. с помощью п. п., что было бы очень веским аргументом в защиту нашей гипотезы. Но анализ материалов грамот болгарских царей и влахоболгарских грамот показал, что п. п. в них в группе опр. и опр. почти так же редки, как и в старославянских церковных текстах. В шести грамотах болгарских царей мы встретили 27 групп опр. и опр. без п. п. и только 2 группы с п. п.: «прежде данное святы Романомъ царемъ съ Баровомъ съ Синскомъ»⁴³⁾; «на богородичну церковь та на святого Прокопия на камену»⁴⁴⁾. В 66 влахоболгарских грамотах мы встретили 190 групп опр. и опр. без п. п. и только 2 группы с п. п.: «дали есмоу од нашей земли од Молдавской»⁴⁵⁾; «да имъ есть... отъ дель опчева **отъ въсахъ** половина»⁴⁶⁾. Приводим свидетельство Ф. Миклошича, который говорит о «нередком повторении предлога перед каждым из согласуемых слов» в украинском, русском, польском, сербском языках — «главным образом в устных произведениях»⁴⁷⁾. Болгарский язык в числе других славянских Миклошичем не назван — и вряд ли только потому, что не подпал под его внимание.

⁴²⁾ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, М.—Л., 1941, стр. 257.

⁴³⁾ Грамоты болгарских царей, М., 1911, стр. 17.

⁴⁴⁾ Там же, стр. 27—28.

⁴⁵⁾ Влахоболгарские, или дако-славянские грамоты, Спб, 1840, стр. 66.

⁴⁶⁾ Там же, стр. 185.

⁴⁷⁾ Ф. Миклошич. Изобразительные средства славянского эпоса, М., 1895, стр. 209.

Наш анализ болгарских диалектных текстов — правда, небольших по объему — из сборников «Статьи и материалы по болгарской диалектологии» — не дал ни одного случая п. п. в группе опр. и постопозиционного опр.

Для объяснения этого факта можно, по нашему мнению, воспользоваться нашим наблюдением следующего порядка: в устной речи людей образованных повторение предлогов встречается реже, чем в речи неграмотных людей. Видимо, знакомство с тенденцией не повторять предлог при постпозиционном определении в письменной речи влияет и на устную речь тоже. Это же влияние и имело место в болгарском языке; ведь старославянский язык был для болгар делом более «домашним», чем для русских, и оказал на болгарский язык — в данном отношении — более глубокое влияние (т. е. и на устную речь народа тоже), чем на русский литературный язык.

Итак, предложный режим в группе опр. и постпозиционного опр. в современном русском письменном языке мы считаем искусственным, скопированным с древнегреческого и закрепленным традицией и благоприятными в данном отношении особенностями письменной речи.

Е. М. ПАНТЕЛЕЕВА

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗМЕНЕНИЯ СИНОНИМИКИ ПРЕДЛОЖНЫХ КОНСТРУКЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРОВ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Изучение синтаксической синонимии привлекает к себе внимание многих исследователей. В последнее время вышел ряд работ, посвященных данной проблеме. В работах Х. М. Сайкиева, Т. Н. Чивиковой, Е. И. Шендельс, В. П. Сухотина, Д. В. Уткина и многих других авторов разрешаются вопросы синонимии беспредложных и предложных конструкций на материале русского литературного языка. Синтаксическая синонимика по материалам говоров остается до сих пор неизученной, хотя эта тема крайне интересна и важна для понимания закономерностей развития синтаксиса говоров.

Наша статья ставит целью выяснить изменения, которые произошли в синонимических рядах говоров Кемеровской области. Чтобы показать, что та или иная конструкция является широко распространенным речевым средством, привлекались диалектные материалы по говорам Томской области. В работе использованы материалы Томского областного архива: рапорты старшин волостных правлений, донесения о сборе налогов и податей, объявления о пропаже каких-либо вещей, показания подсудимых людей, чтобы выяснить происшедшие изменения в значении и употреблении предлогов.

Для анализа берутся конструкции, отмеченные в старожильческих потрактовых селах, в их говорах фонетическая и морфологическая системы являются едиными¹⁾.

Синонимическими считаем конструкции, которые выражают одно значение (значение места, времени, причины, цели и др.) и выполняют одну синтаксическую функцию.

Для предложного управления говоров Кемеровской области характерно употребление предлога «на», более широкое, чем в современном литературном языке. Этот предлог употребляется с такими именами существительными, которые в литературном языке соединяются с предлогом «в». Например, на оградке избушка была (Пача)²⁾. Что на кине-то видел (Остр.). Мы двое, и то плохо, а на семье бы лучше (Вар.). На Иткару поедешь (Ден.). На Иркутск далеко ходили (Тюм.). На бригаду пошел трактор (Кал.). Поехать бы на бригаду (Ант.).

Такое употребление предлогов «в», «на» отмечено не только в анализируемых говорах, но и в некоторых других, в частности, в цимлян-

¹⁾ См., например, Р. Т. Г р и б. «Говор селений по Московскому тракту в западной части Красноярского края», сб. Ученые записки Красноярского пединститута, т. 13, вып. 1, 1958.

²⁾ См. список условных сокращений.

ском говоре Ростовской области³⁾, в говорах Тункинского края⁴⁾, в муромских говорах⁵⁾ и других. Неразграниченное употребление предлогов «в», «на» было характерным для многих говоров в предшествующий период времени, в частности, для говоров Псковской⁶⁾, Архангельской, Костромской, Вологодской, Новгородской, Орловской, Пермской губерний⁷⁾.

В материалах Томского областного архива отмечаем конструкции: «Заслышал, что отец Протопоп поехал на Пачу»⁸⁾. «Как выборы чинили на Паче»⁹⁾. «Увела их обоих к себе на пчельник»¹⁰⁾. Этот материал свидетельствует о том, что не было достаточно определенного и последовательного разграничения между предлогами «в», «на». Каждый из них мог употребляться один в значении другого.

По свидетельству Т. П. Ломтева, для обозначения места совершения глагольного действия эти предлоги употреблялись в древнерусском языке, причем строгой дифференциации между конструкциями с предлогами «в», «на» в древности еще не было¹¹⁾. В современном литературном языке и рассматриваемых говорах предлоги различаются по значению: предлог «в» вместе с припредложным именем называет место, в пределах которого или внутри которого совершается действие или проявляется признак. Предлог «на» больше подчеркивает, что действие совершается на поверхности названного места или пространства. Такое разграничение предлогов «в», «на» наблюдаем и в литературном языке, и в наших говорах.

Таким образом, синонимический ряд сохранился, только значение и употребление предлогов стало более дифференцированным. Для выражения направления движения предлоги «в», «на» употреблялись и в системе древнерусского языка. По свидетельству Т. П. Ломтева, они были альтернантами. Синонимический ряд с этими предлогами сохранился, но произошли изменения такого порядка: в современном литературном языке произошло синтаксическое разграничение предлогов, закрепление каждого из предлогов за определенной группой слов¹²⁾. Что касается наших говоров, то такого разграничения в употреблении предлогов не произошло. Таким образом, неразграниченный характер употребления предлогов «в», «на» для выражения направления движения является остатком синтаксической системы древнерусского языка. Это не особенность одного говора или группы говоров, а, на наш взгляд, особенность разговорного синтаксиса, территориально не ограниченная.

Для обозначения предела пространства, времени, количества в наших говорах употребляются предлоги «по», «до». Имя существительное выражается формой винительного и родительного падежей. Например.

³⁾ Р. А. Коньков. О цимлянском говоре Ростовской области, Труды I диалектологической конференции, проходившей в Ростове-на-Дону, стр. 65, 1933.

⁴⁾ Г. Виноградов. Замечания о говорах Тункинского края, 1926, стр. 19.

⁵⁾ В. И. Тагунова. Муромские говоры. Ученые записки Муромского пединститута, вып. А, 1959, стр. 151.

⁶⁾ Сборник ОРЯС, т. 99, № 3, «Материалы для изучения великорусских говоров», вып. 9, 1922.

⁷⁾ Сборник ОРЯС, т. 87, № 1—5, вып. 9, стр. 7—228, 1910.

⁸⁾ Материалы Томского областного архива, ф. 66, оп. 1, д. 21, л. 28.

⁹⁾ Там же, ф. 66, оп. 1, д. 11, л. 35.

¹⁰⁾ Там же, ф. 282, оп. 1, д. 11, л. 70.

¹¹⁾ Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису, 1956, стр. 309.

¹²⁾ См., например, об этом в работе К. И. Былинского. «Некоторые случаи управления в современном литературном русском языке», Русский язык в школе, № 5—6, 1939. А также в работе Х. М. Сайкиева. К вопросу о синтаксической синонимии в современном литературном языке, Ученые записки Казахского университета, т. 14, вып. 1, 1952.

строение шло до самой речки (Тюм.). Кофты до колен (Полом. Пашк. В.-Ч.). — А у нас понитки по колен (Пача). По колено шили их (Пашк.). А кофта со складками до самого ворота (Тюм.). Рукав до локтя (Пол.). — Женски рубашки по талью холщевы (Петр.). Жакетки по поясу долиной (Пол.). По виски подвязалась (Тюм.). Косу распустишь по плеч (Подон.). Аналогичные конструкции отмечены и в говорах Томской области. Например, долги платья по пол (Верш.). Перелинка это узенько, по крыльца (Верш.). — Кофты до колен были (Верш.). Кирпич до полу был (Бат.). Накидки носили круглые до пояса (Карб.).

С именами существительными со значением времени в большинстве случаев употреблен предлог «до»; предлог «по» использован лишь в единичных примерах. Например, это домов до российских мало было (Сок.). Филенки до сих пор есть (В.-Ч.). Тогда он лежит до осени до самой (Тюм.). До самого петрова дня делали сплав (Ант.). А сейчас до утра ходют¹³). (Красн.). — По пятнадцатый год кузнецом работал (Пача). Пшеница была, по снег жали (Егоз.). И по сегодняшний день идут (В.-Ч.).

Предлоги «по», «до» употребляются и с собственными именами существительными места, пространства. Например, до Кемерово ходют (В.-Ч.). До Ташкента восемь суток (Красн.). До Ленинска пятьдесят верст (Красн.). — Царь японцу по Урал отдать хотел (Ант.).

С существительными, имеющими значение количества, употребляется только предлог «до». Например, барсуки до пяти пудов были (Кал.). Боек долог, до пяти метров (Под.). Тракторов до пятнадцати было (Красн.). Такие предложные сочетания называют предельное количество. В наших материалах есть конструкции, в которых с именами — названиями количества — употреблен предлог «по». Например, по десять амбаров было пшеницы (Ант.). Ягоды наваривали по пуду (Под.). По шестьдесят человек на поденщину выходили (Трет.). В день по сто снопов нажинали (Ш.). Все равно по неделям тянулись дожди (Топ.). В этих примерах предложное сочетание выражает распределительное значение. А. М. Пешковский отмечал, что в подобных конструкциях «действие многократно переходит на предмет, ...который сам при этом материально всякий раз возобновляется»¹⁴), т. е. конструкции с предлогами «по», «до» плюс имя существительное количества выражают различные значения, поэтому они не являются синонимическими по отношению друг к другу.

Конструкции «по» плюс винительный падеж имени существительного места или времени характерны для литературного языка и говоров. Они отмечены и в архивных материалах. Например, «задняя левая нога по щетку белая». — «С половины щетки до копыта бель»¹⁵). «А в урочище та земля по сосновую пачинскую вершину»¹⁶). «А впереди»¹⁷) от лесу по Пачинскую вершину». «По высокую гриву, по чистые колки»¹⁸). — «Да по речку Еловку, что пала в большую Иткару речку»¹⁹). «От Пачинской вершины до падуна до высокого»²⁰). «Расстояние от ево мельницы до мельницы Кузнецова 50 сажень». «От поскотины села до проез-

¹³) В примерах отражены только морфологические особенности говоров.

¹⁴) А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, 1956, стр. 320.

¹⁵) Томский областной архив, ф. 66, оп. 1, д. 11, ед. хр. 26, л. 125.

¹⁶) Там же, ф. 282, оп. 1, д. 14, л. 24.

¹⁷) Орфография конструкций, отмеченных в архивных материалах, сохраняется полностью.

¹⁸) Томский областной архив, ф. 282, оп. 1, д. 14, л. 24.

¹⁹) Там же.

²⁰) Там же.

жей дороги». «До большова крутова логу, до выходу елани на запод». «И расстояние та мельница Иткароу речкою до Томи реки 100 сажень»²¹).

Приведенные материалы показывают, что употреблялись одинаково широко обе предложные конструкции. По свидетельству И. И. Срезневского, предлоги «по», «до» употреблялись и в древнерусском языке для обозначения предлогов, границы, т. е. конструкции с этими предлогами были синонимическими речевыми средствами. Синонимичность сочетаний, выражающих предел действия в пространстве, сохранилась без изменения и в современном литературном языке и в анализируемых говорах. Это объясняем тем, что каждый из предлогов, выражая одно, общее для них значение предела, имеет дополнительное значение: сочетания с предлогом «по» указывают, что действие распространяется и на припредложное существительное. Сочетания с предлогом «до» этого значения не имеют. Конструкции являются не конкурирующими, а взаимодействующими речевыми средствами. Каждая из них служит цели более точного выражения мысли.

По свидетельству Т. П. Ломтева, для обозначения границы времени в древнерусском языке употреблялась конструкция «до» + родительный падеж. Сочетание «по» с именем существительным в винительном падеже имело несколько другое значение, указывая на «повторность неопределенного момента времени в периоды, указанные именем существительным в винительном падеже», т. е. конструкции с предлогами «по», «до» не являлись синонимичными по отношению друг к другу. В современном литературном языке²²) и рассматриваемых говорах предлог «по» с винительным существительного имеет значение предела, границы времени, он синонимичен предлогу «до».

Итак, конструкции «до» + родительный падеж места и «по» + винительный падеж места были синонимичными в русском языке и в предшествующие периоды. Сочетание «по» + винительный падеж времени имело другое значение. Возможно, что по аналогии, под влиянием значения синонимического ряда, конструкции «до» + родительный падеж имени со значением места изменилось значение и у конструкции «по» + винительный падеж имени со значением времени. Предложенные конструкции, составляющие такой синонимический ряд, отличаются друг от друга значением: сочетания с предлогом «по» указывают, что названное именем существительным время охвачено глагольным действием. Сочетания с предлогом «до» этого значения не имеют.

Особенностью глагольного управления описываемых говоров является употребление предлогов «за», «в». Припредложное имя существительное выражено формой творительного или предложного падежей. Имя существительное называет лицо, под надзором и наблюдением которого находится объект. Например, корова в пастухе у нас и овечки в пастухе (Пашк.). Скотина у нас в пастухе (Пача). — А сейчас они коровы за пастухом ходют. (Тюм.). Мне не выгодно теленка отдать, за пастухом он (Остр.). Скотина в пастухе, за пастухом скот (Пача). Эти предложные конструкции являются синонимическими речевыми средствами: они имеют одно значение, не отличаясь друг от друга какими-либо дополнительными значениями, выполняют в сочетании одну синтаксическую роль. Интересно отметить, что в некоторых говорах Томской области в этом значении употребляется предлог «под». Например. Круглый рогатый скот должен пастись под пастухом (Мох.). Проводи корову, под пастухом пусть ходит (Мох.).

²¹) Томский областной архив, ф. 282, оп. 1, д. 14, л. 24.

²²) См., например, словарь современного русского литературного языка. Изд. АН СССР, т. 10, стр. 9, 1958.

В материалах Томского областного архива находим такие конструкции: «Представить ко мне за караулом и донести»²³). «И по сыску представить его ко мне за присмотром»²⁴). «И взяв его за крепчайший караул обыскать»²⁵). «Препровождена за караулом»²⁶). «Коего препровождал за четырьмя проворными человеками»²⁷). — «Под крепкою стражею в земский суд прислать»²⁸). «Содержать их в остроге под строжайшим караулом»²⁹). По свидетельству Т. П. Ломтева, конструкция «под»+творительный падеж употреблялась и в древнерусском языке «для обозначения сопровождающего предмета или действия»³⁰). В наших примерах сопровождающим является не только предмет и действие, но и лицо. И. И. Срезневский отмечает, что в древнерусском языке употреблялись предлоги «за», «под» для выражения значения утверждения. Приводимые им конструкции: «старые купчие на харатяхъ писаны, за свинцовыми печатями», «дали грамоту подъ нашею печатью»³¹) показывают, что предлоги «за», «под», выражали одно значение и являлись синонимическими речевыми средствами. Причем, они не имели различий ни в значении, ни в употреблении. Сочетания с этими предлогами представляли собою абсолютно одинаковые речевые средства. По этой причине, рано или поздно, какое-либо сочетание должно было выйти из системы языка. Известно, что язык не терпит абсолютно одинаковых образований, не вносящих в его состав ничего нового, не служащих цели точного выражения мысли. В современном русском литературном языке предлоги «под», «за» употребляются для показа сопровождающего действия³²) обстоятельства. Для называния лица, под присмотром и наблюдением которого совершается глагольное действие, эти предлоги в литературном языке не отмечены. В рассматриваемых говорах данные предложные конструкции функционируют в обоих значениях. Они представляют собой остатки глагольного предложного управления синтаксической системы древнерусского языка.

Предлоги «в», «за» употребляются в речи одних и тех же носителей говора; предлог «под» в таком значении ими не употребляется. Но он отмечен в некоторых говорах Томской области. Причем там предлоги «в», «за» в этом значении не известны. Это наводит на мысль о том, что для наших говоров данные предлоги не являются системными синонимами; предлоги не взаимодействуют, а употребляются порознь. Первые два закрепились в одних говорах, последний — в других. В силу того, что данные конструкции не взаимодействуют, а функционируют раздельно, они представляют собой единственное речевое средство у каждой из групп носителей говора для выражения одного и того же значения. А так как конструкции с предлогами «в», «за», «под» не употребляются в речи одних носителей говора, трудно определить, есть ли у них какие-либо дополнительные оттенки в значениях.

Таким образом, в рассмотренных синонимических рядах произошли такие изменения:

²³) Томский областной архив, ф. 66, оп. 1, д. 11, ед. хр. 26, л. 78, 1780.

²⁴) Там же, л. 54.

²⁵) Там же, л. 93.

²⁶) Томский областной архив, ф. 282, оп. 1, д. 14, 1815, л. 18.

²⁷) Там же, ф. 66, оп. 1, д. 15, л. 58, 1820.

²⁸) Там же, ф. 137, оп. 1, д. 14, 1793, л. 55.

²⁹) Там же, ф. 282, оп. 1, д. 14, 1815, л. 67.

³⁰) Т. П. Ломтев. Указанная работа, стр. 413.

³¹) И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, стр. 891, т. II, стр. 1050.

³²) См., например, словарь современного русского литературного языка, 26 значение, т. 4, 1955, стр. 208; т. 10, 1960, стр. 212.

а) синонимический ряд сохранился и в литературном языке, и в говорах, но у предлогов дифференцировалось значение.

б) синонимический ряд сохранился в литературном языке и в наших говорах, но в литературном языке каждый из синонимичных предлогов употребляется со строго определенной группой слов. В говорах такого разграничения в употреблении предлогов нет.

в) синонимический ряд сохранился без каких-либо изменений, так как предложные конструкции, входящие в его состав, всегда различались дополнительными оттенками в значении. Может происходить изменение значения предложной конструкции в плане сближения со значением синонимического ряда.

г) синонимический ряд сохранился, но одно из значений предлогов в современном литературном языке утратилось, в говорах же предлоги сохранили оба значения. Произошло только территориальное разделение этих предлогов по употреблению.

Список условных сокращений

А) Кемеровская область.

1. Ант. — Большой Антибесс Мариинского района.
2. Вар. — Варюхина Юргинского района.
3. В.Ч. — Верх-Чебула Верх-Чебулинского района.
4. Ден. — Денисово Кемеровского района.
5. Егоз. — Егозово Ленинск-Кузнецкого района.
6. Кал. — Калеул Мариинского района.
7. Красн. — Красное Ленинск-Кузнецкого района.
8. Остр. — Сосновый Острог Юргинского района.
9. Пача — Пача Яшкинского района.
10. Пашк. — Пашково Яшкинского района.
11. Полон. — Поломошное Яшкинского района.
12. Под. — Подъельники Мариинского района.
13. Сок. — Соколово Прокопьевского района.
14. Трет. — Третьяково Тисульского района.
15. Топ. — Топки Топкинского района.
16. Тюм. — Тюменев Мариинского района.
17. Ш. — Шинино Топкинского района.

Б) Томская область.

1. Бат. — Батурино Томского района.
 2. Верш. — Вершинино Томского района.
 3. Карб. — Карбышево Томского района.
 4. Петр. — Петрово Томского района.
 5. Подон. — Подонино Томского района.
 6. Мох. — Мохово Верхне-Кетского района.
-

Е. М. ПАНТЕЛЕЕВА

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ СИНОНИМИКИ ПРЕДЛОЖНЫХ КОНСТРУКЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРОВ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Изучение синонимии, как грамматической проблемы, крайне необходимо, так как помогает выяснить развитие и становление синтаксического строя языка. Поэтому в последние годы уделяется большое внимание изучению этой проблемы. В работах рассматривается синонимичность на материале современного русского литературного языка, а также литературного языка предшествующих периодов. Что же касается говоров, то работ, анализирующих синонимичность беспредложных и предложных конструкций, почти нет.

Наша статья имеет целью показать изменения, которые произошли в отдельных синонимических рядах, установить, каков характер и причины этих изменений.

Работа написана по материалам говоров Кемеровской области. Для анализа привлекались конструкции, отмеченные в старожильческих по-трактовых сибирских селах. По нашим наблюдениям, фонетическая и морфологическая системы этих говоров являются едиными.

Для выяснения изменений, которые произошли в синонимических рядах, привлекались материалы Томского областного архива, главным образом те из них, которые отражают местные диалектные черты. В работе использованы также материалы говоров Томской области.

1. Большая часть предложных конструкций, известных нашим говорам, употребительна и в современном литературном языке. Для примера рассмотрим синонимический ряд, состоящий из сочетаний «по» + дательный падеж и «на» + предложный падеж. Белянки, они по березнику растут (Под.). Душичка по березнику растет (Полом.). — Березовики они тоже в березнике растут (Под.). Рыжики да они в мелком березнике (Полом.). Белый гриб растет по хорошему месту (В.-Ч.). — Белый гриб не на каждом месте растет (Под.). А на всяком месте растет трава (Тюм.). По сосняку растут масленки (Пача). — Сосновый груздь бывал в сосняке рос (Пача). По тайге растут (Ант.). — В тайге разный лес растет (Ант.).

Употребление предлога «по» в таком значении характерно и для современного русского литературного языка¹⁾.

По свидетельству Т. П. Ломтева²⁾, конструкции «по» + дательный

¹⁾ См., например, словарь современного русского литературного языка, Изд. АН СССР, 1951, т. 2, стр. 13, а также словарь русского языка, Изд. АН СССР, 1959, т. 3, стр. 206.

²⁾ Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка, 1956, стр. 309.

падеж употреблялись и в древнерусском языке, они имели то же значение, что в литературном языке и говорах, т. е. синонимический ряд остался без изменения. Это можно объяснить следующим: конструкции с предлогами «по», «в», «на» всегда различались по значению, выражаемому ими. Сочетания с предлогом «по» указывают, что действие совершается на поверхности называемого пространства, но оно происходит не на всем пространстве, а только в отдельных его частях. Отсюда вытекает значение повторяемости глагольного действия, если припредложное имя стоит в форме множественного числа. Конструкции с предлогами «в», «на» этого значения не имеют, они подчеркивают, где происходит действие. Каждая предложная конструкция, имея одно и то же значение (значение места), отличается от другой дополнительными оттенками в значении. Это делает данные сочетания не конкурирующими, а взаимодействующими речевыми средствами, служащими цели полного и точного выражения мысли.

Рассмотрим синонимический ряд «по» + винительный падеж и «до» + родительный падеж. Сенокос всего было до горла (Красн.). — Теперь мы кушаем по горло (Тюм.). Кофты до колен (Полом. Пашк.). — А у нас понитки по колену (Пача). По колену шили их (Пашк.). Носили тужурки так по колену (Кал.). Рукав до локтя (Полом.). Женски рубашки по талью холщевы (Под.). Жакетки по пояс долиной (Полом.). Чувал по печь делаешь (Полом.). — До поду кладут, а там доски (Пача).

Аналогичные конструкции отмечены и в говорах Томской области. Например, долги платья по пол (Верш.). Перелинка, это узенько по крыльца (Верш.). Кофты до колен были (Бражк.). Предлоги «до», «по» употребляются и с именами существительными, имеющими значение времени, и с собственными именами, называющими место. Например, отпустишь, до снегов ходят (Тюм.). — Пшеница была, по снег жали (Егоз.). До Ташкента восемь суток (Красн.). — Царь японцу по Урал отдать хотел (Ант.).

По свидетельству Т. П. Ломтева, предлоги «по», «до» употреблялись в таком значении и в древнерусском языке³). Употребление этих предлогов является нормированным и в литературном языке⁴).

Таким образом, синонимический ряд сохранился и в литературном языке, и в говорах, так как сочетания «по» + винительный падеж и «до» + предложный падеж, входящие в его состав, всегда различались по значению. Конструкции с предлогом «по» показывают, что называемое место охвачено глагольным действием; конструкции с предлогом «до» этого значения не имеют. Предложные сочетания представляют собой не конкурирующие, а взаимодействующие речевые средства. Каждая из конструкций служит цели точного выражения мысли.

2. Некоторые предложные сочетания современному русскому языку не известны, но они не представляют собой диалектных новообразований, а являются остатками синтаксической системы древнерусского языка. Такие предложные сочетания являются особенностью разговорного синтаксиса, особенностью, не ограниченной пределами одного говора или группы говоров. Для предложного управления говоров Кемеровской области характерно употребление предлога «на» более широкое, чем в современном русском литературном языке. Например, что на кинето видел (Остр.). На оградке избушка была, так сгорела (Пашк.). Мы вот двое, и то с голоду помираем, а на семье бы лучше было (Вар.). На

³) Т. П. Ломтев. Указанная работа, стр. 315.

⁴) См., например, словарь современного русского литературного языка, Изд. АН СССР, 1957, т. 3, стр. 829, т. 10, стр. 6, а также словарь русского языка, Изд. АН СССР, т. 1, стр. 549, т. 3, стр. 207.

Иткуру приедешь (Ден.). На Иркутск далеко ходили, два раза в зиму (Тюм.). А в дождливую погоду рыба на яму уходит (Кал.). На бригаду пошел трактор (Кал.). Поехать бы на бригаду (Ант.).

Такой характер употребления предлогов «в», «на» отмечен в других говорах, в частности, в цимлянском говоре Ростовской области («идем на бригаду»⁵⁾), в говорах Тункинского края («дорога на Росею, на Тунку»⁶⁾), в муромских говорах⁷⁾, в русских говорах северо-восточной Башкирии («одна дочка в заводе, в улице нашел»⁸⁾) и др.⁹⁾.

Употребление одного предлога в значении другого было известно многим говорам в предшествующие периоды времени, в частности, говорам Псковской¹⁰⁾, Архангельской¹¹⁾, Вологодской, Новгородской, Орловской, Пермской¹²⁾, Костромской, Олонецкой губерний¹³⁾, говорам селений, расположенных по старому Московскому тракту¹⁴⁾.

По свидетельству Т. П. Ломтева, конструкции с предлогами «в», «на» были известны и древнерусскому языку, там они были альтернативами и употреблялись один в значении другого, т. е. этот синонимический ряд сохранился и в литературном языке, и в говорах. Но в современном литературном языке произошло изменение в значении и употреблении предлогов: а) если имя существительное называет место, где совершается действие, предлоги «в», «на» различаются по значению¹⁵⁾, б) если имя называет место, куда направлено движение, предлоги не различаются. Но в современном литературном языке произошло синтаксическое закрепление каждого из предлогов за определенной группой слов. Для выражения направления одна и та же группа слов одновременно с двумя предлогами не употребляется¹⁶⁾.

В наших говорах предлоги «в», «на» продолжают употребляться один в значении другого. Такой характер употребления этих предлогов является остатком синтаксической системы древнерусского языка; это не особенность какого-либо одного говора или группы говоров, а характерная черта разговорного синтаксиса. Для обозначения места, как исходного пункта движения, употребляются конструкции «из», «с» + родительный падеж. Например, из земли берется ключ (Под.). — С земли вода пошла (Под.). Река взялась из земли, из ключей (Ант.). — Река с ключей берется (Ант.). Из городу доставали (Ант.). — Водку с магазина берет (Кал.). Лесина растет из корня (Под.). — Лесина с чего растет, это корень (Под.).

⁵⁾ Р. А. Коньков. О цимлянском говоре Ростовской области, Труды I диалектологической конференции, проходившей в Ростове-на-Дону, 1938, стр. 65.

⁶⁾ Г. Виноградов. Замечания о говорах Тункинского края, 1926, стр. 19.

⁷⁾ В. И. Тагунова. Муромские говоры, Ученые записки Муромского пединститута, вып. 4, 1959, стр. 151.

⁸⁾ Р. А. Юколеева. Из материалов русских говоров северо-восточной Башкирии, Ученые записки Казанского университета, т. 121, кн. 3, стр. 250.

⁹⁾ И. Г. Долгачева. К вопросу о соотношении верхнедонских казачьих говоров, Ученые записки Московского областного пединститута, т. С, вып. 6, стр. 256.

¹⁰⁾ Сб. ОРЯС, т. 99, № 3, вып. 9, 1922.

¹¹⁾ Там же, т. 87, № 1—5, вып. 9, 1903, стр. 7—228.

¹²⁾ Там же, т. 73, № 1—5, вып. 8, стр. 134—190.

¹³⁾ Изв. ОРЯС, т. 19, кн. 4, 1914, стр. 171.

¹⁴⁾ Там же, т. 3, кн. 1, 1908, стр. 280.

¹⁵⁾ См. например, словарь современного русского литературного языка, Изд. АН СССР, 1958, т. 7, стр. 8 и т. 2, стр. 14, а также словарь русского языка, Изд. АН СССР, 1957, т. 1, стр. 162, т. 2, стр. 443.

¹⁶⁾ К. И. Былинский. Некоторые случаи управления в современном литературном языке, Русский язык в школе, № 5—6, 1938, стр. 67—73. Х. М. Сайкиев. К вопросу о синтаксической синонимике в современном русском литературном языке, Ученые записки Казахского университета, т. 14, вып. 1, 1952, стр. 21.

Аналогичные конструкции отмечены и в говорах Томской области. Например, вывезли с леспромхоза (Верш.). Груз привезли из леспромхоза (Верш.). Прибыли росейские из губерний из разных (В.-С.). — Они с разных губерний (Верш.)¹⁷). В материалах Томского областного архива отмечаем конструкции: «С разных станков в неизвестные места распушено было тридцать человек»¹⁸). Этот лес есть действительно с лесной дачи»¹⁹). «О сыску бежавшего с Томского батальону»²⁰). «О сыску отлучившегося из богадельни Константина Смирнова», «О розыске украденной из поскотины при речке карей лошади»²⁰).

Такой характер употребления предлогов «с», «из» отмечен в некоторых других говорах: в говорах Гремяченского района Воронежской области²¹), старожильского населения северной Барабы²²), в говорах Московской²³), Пензенской²⁴), Вологодской²⁵), Ленинградской областей²⁶), в некоторых курско-орловских говорах²⁷). Употребление предлогов «с» в значении «из» было известно многим говорам и в прелестующие периоды времени. В частности, эта синтаксическая особенность отмечена в говорах Владимирской, Курской, Нижегородской²⁸). Архангельской, Костромской, Курской²⁹), Воронежской, Новгородской, Орловской, Пермской губерний³⁰).

Этот материал свидетельствует о том, что употребление предлога «с» в значении «из» не было и сейчас не является особенностью какого-то одного говора, а представляет собой характерную черту разговорного синтаксиса.

Конструкции с этими предлогами были известны и в древнерусском литературном языке, т. е. синонимический ряд сохранился. Но в литературном языке произошло синтаксическое закрепление каждого из предлогов за определенной группой слов.

Для выражения одного значения параллельное употребление обоих предлогов с одними и теми же словами не является нормированным. В наших говорах такого разграничения в употреблении предлогов «из», «с» нет.

3. Синтаксическая синонимия представляет собой явление, имеющее характер системы, компоненты которой взаимосвязаны и взаимобусловлены.

Для доказательства этого положения рассмотрим такой синонимический ряд. Будут работать на себя (Пашк.). — Работать для себя (Пашк.). Пачески ткали на ручные полотенца (Тюм.). — Пачески для

¹⁷) В примерах отражаются только морфологические особенности говоров.

¹⁸) Томский областной архив, ф. 282, оп. 1, д. 1, л. 18.

¹⁹) Там же, ф. 175, оп. 1, д. 10, л. 33.

²⁰) Там же, ф. 175, оп. 1, д. 64, л. 127, 114.

²¹) В. И. Собинникова. Синтаксические особенности говоров Гремяченского района Воронежской области. Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, вып. 1, 1953.

²²) А. Молотиллов. Говор русского старожилого населения северной Барабы (Каинский уезд Томской области), 1913, стр. 44.

²³) С. С. Высотский. Говор восточной окраины Московской области, Бюллетень диалектологического сектора института русского языка, вып. 1, 1947, стр. 58.

²⁴) Г. Ф. Нефедов. Говор сел Пустыни и Бельни, Материалы и исследования по русской диалектологии, Изд. АН СССР, 1949, т. 3, стр. 28.

²⁵) Диалектологический сборник, вып. 2, стр. 99, 1942, и вып. 3, 1946, стр. 47.

²⁶) В. И. Боровский. Из наблюдений над языком деревень Вольная Березка и Кирилловщина и деревни Рыкалово..., Ученые записки Ярославского пединститута, вып. 4, стр. 118.

²⁷) В. И. Чагишева. К изучению курско-орловских говоров, Ученые записки Ленинградского пединститута им. Герцена, т. 92, стр. 186.

²⁸) Сб. ОРЯС, т. 99, № 3, вып. 11, 1922.

²⁹) Там же, т. 73, № 1—5, вып. 8, 1903.

³⁰) Там же, т. 87, № 1—5, вып. 9, 1903.

полотенцев (Тюм.). Травы идут на лечение (Ант.). — Для лечения троелистку собирали (Ант.). Материк на огурцы возют (Пашк.). — Для огурцов навоз навозют (Вар.). А сочень на лапшу (Тюм.). — Сочень для лапши (Тюм.). В приведенных примерах предлоги «на», «для» взаимозаменяемы. Нужно заметить, что, по нашим наблюдениям, во всех конструкциях предлог «на» заменяется предлогом «для» (ср., например, картошки надо на семена готовить (Тюм.). — Картошки надо для семян готовить. Ткали на холст, на полазы (Пашк.). — Ткали для холста, для полазов. Сутунок идет на плахи, на тес (Кос.). — Сутунок идет для плах, для теса). Значение конструкции после замены остается одним и тем же. Что же касается конструкций с предлогом «для», то не в каждой из них можно заменить предлог «для» предлогом «на» (ср., например, оконный проем — отверстие для окна (Под.). — Оконный проем — отверстие на окно. Для весла делают гнездо (Кос.). — На весло делают гнездо. Двор для скотины (Полом.). — Двор на скотину). Замена предлога приводит к тому, что конструкция выражает отношение цели не отчетливо. В некоторых же сочетаниях предлог «для» вообще не может быть заменен предлогом «на». Например, самый плохой год был для уборки (Драч.). Лиственница крепка для мокра (Полом.). Конопать или пакля для тепла в доме (Кал.). Ленточки для красы (Подон.). Розвальни это для смеху (Тюм.). Предлог «для» не может быть заменен предлогом «на» в том случае, если припредложное имя называет не конкретный предмет, а какое-либо отвлеченное понятие. В таких конструкциях предлог «для» выступает в своем основном значении цели в «отвлеченно-логическом аспекте»³¹). Поэтому замена его предлогом «на», выразителем конкретных отношений назначения, невозможна. Отвлеченное, неконкретное значение припредложного имени противодействует соединению его с предлогом «на».

Рассмотрим еще такой синонимический ряд.

а) Ящик под уголь, а раньше под хлеб (Кот.). — Для хлеба раньше амбары строили (Вар.). Хороший туесочек надо купить под молоко (Полом.). — Для масла подойники были (Полом.). Дома под ямщину были (Тюм.). — Пересыльный пункт для арестантов (Тюм.).

б) Земля свежая, оставляли под пары (Бал.). — Припасает пары для озими (Бал.). Под овощи парник ладили (Топ.). — Был у нас парник для овощей (Топ.).

Такие конструкции отмечены и в Томской области. Например, банки под пшеничный хлеб (Бражк.). — Для хлеба амбары строили (Верш.). Под пеледу избушка была (Ярск.). — Дома были особые для ямщины (Верш.).

Конструкции разделены в две группы, так как они полностью не совпадают по значению. В первых беспредложное имя называет предмет, внутрь которого помещается другой. Во вторых имя существительное называет место, поверхность которого используется для другого предмета.

В приведенных примерах предлоги взаимозаменяемы. Это также подтверждает их синонимичность. Однако отмечены такие сочетания, в которых предлог «для» не может быть заменен предлогом «под». Например. Пачесы для полотенцев (Тюм.). А шленка для гарусу (Вар.). Прикорм для медведя, для лисы (Итк.). Все надо для себя (Под.). Самый плохой год был для уборки (Драч.). Шпунты это для вроде красоты (Пашк.). Я сдал его для подъема государства (В.-Ч.).

³¹) В. П. Сухотин. Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке, 1961, стр. 147.

В этих примерах замена или вообще невозможна, или приводит к изменению всего сочетания. Это, видимо, можно объяснить тем, что предлог «под» сохраняет характерное для него пространственное значение. Он возможен на месте предлога «для» в том случае, если беспредложное и припредложное имена существительные находятся между собой одновременно в пространственном и целевом соотношении. Если же в конструкции с предлогом «для» выражено только значение цели, а между существительными нет пространственного соотношения, замена предлога «для» предлогом «под» невозможна. Это говорит о том, что есть определенная связь и зависимость предлогов «на», «для», «под». Они в разном объеме выражают значение цели. Предлог «для» соединяется со всеми группами слов, поэтому возможна полная заменимость предлогов «на», «под» предлогом «для». Предлог «на» соединяется только с именами — названиями конкретных предметов. Предлог «под» выступает в тех конструкциях, где есть пространственное соотношение между именами существительными.

4. Системность синтаксической синонимии подтверждается и тем, что синонимические ряды, как и все стороны языка, подвержены изменениям. Синонимические конструкции изменяются в том случае, если они полностью совпадают друг с другом по значению.

Рассмотрим такой синонимический ряд.

В недавние годы стали варить брагу (Вар.). В одно лето трое блудили (Полом.). В будни больше холщевое носили (Пашк.). В рабочее время сапоги с голенищами носили (Полом.). В это время всегда так (Драч.). Ночью вót и гуляют в летнюю пору (Тих.). Такие конструкции характерны и для современного русского литературного языка³²). Они употреблялись и в древнерусском языке. Т. П. Ломтев отмечает, что в современном литературном языке без определения «только названия дней недели свободно употребляются в конструкции «в» + винительный падеж»³³), что употребление этой конструкции сокращается, если припредложное имя не имеет при себе определения. Эта закономерность отмечается и в наших говорах, хотя в ряде конструкций винительный падеж употреблен без определения. Например, в страду шишкуют (Ант.). В уборку никаких отдыхов нет (Егоз.). В войну трудно было (Ант.). Нашим говорам известны конструкции с винительным временем без предлога. Например, прошлый год хороший был вечер (Под.). Мне прошлый год много было сена привезено (Драч.). Прошлый год бурелом прошел (Кал.). В Кемерово бывал прошлый год (Крап.). Такие сочетания употребляются и в говорах Томской области. Например, прошлый год привезли пять кулей (Ярск.). Те года померли они (Нелюб.). Первый вечер пирог бывает сладкий (Кафт.).

По свидетельству Т. П. Ломтева, в древнерусском языке беспредложный винительный выражал два значения: называя время, полностью охваченное действием, и время, в один из моментов которого совершается действие. В современном литературном языке только с определением «каждый» употребляется винительный падеж во втором значении. В наших же говорах он по-прежнему выражает два значения, является живым, функционирующим речевым средством.

Кроме того, и в современном литературном языке, и в говорах употребляется оборот «в» + предложный падеж. Например, я в прошлом году была в городе (Ипат.). В прошлом году тысячи полторы кар-

³²) См., например, словарь русского языка, Изд. АН СССР, т. 1, 1957, стр. 162. А также словарь современного русского литературного языка, Изд. АН СССР, т. 2, 1951, стр. 13.

³³) Т. П. Ломтев. Указанная работа, стр. 337.

товок ведер накапывали (Вар.). В четырнадцатом году был сильно орешный год (Кал.). Надо в мае, в июне запарить (Пача).

Конструкция «в» + предложный падеж была известна и древнерусскому языку, но употреблялась с гораздо большим количеством существительных, чем в современном литературном языке³⁴).

Кроме того, известное распространение в наших говорах имеют беспредложные конструкции с существительным в форме предложного падежа. Например, пятидесятом году сгорели (Полом.). Черемуха прошлом годе была (Пача). Прошлом годе небольшая она выросла (Пашк.). А потом померла она девятьсот седьмом году (Терех.). Гражданска сыла восемнадцатом году (В.Ч.).

Местный падеж, известный древнерусскому языку, «в последующей истории... полностью вышел из употребления»³⁵). В говорах Кемеровской области он известен. И наконец, для выражения времени глагольного действия употребляется оборот с родительным падежом без предлога. Например, уголь начали добывать какого году, в седьмом году (Сок.). Он прошлого году приезжал (Кот.). Черемуха хороша, прошлого года ничего была (Пашк.). Прошлого года одно носили, а нынче другое (Пача). А только прошлого года упала могилка (Полом.). Такие сочетания отмечены и в говорах Томской области. Например, прошлого году мужик ходил в лес (Верш.). У нас сноха прошлого году сбила уехать (Верш.). Двадцать третьего году, а хуже меня ногами (Ярск.).

В наших материалах конструкций с родительным падежом отмечено значительно меньше, чем других сочетаний, выражающих значение времени, хотя анализировался один и то же объем текста. Форма родительного падежа в этом значении в современном литературном языке «весьма ограничена»³⁶).

Таким образом, для выражения времени, в один из моментов которого совершается глагольное действие, употребляются сочетания «в» + предложный падеж, «в» + винительный падеж, а также беспредложные конструкции с родительным, предложным и винительным падежами. Все они были известны и древнерусскому языку как синонимические по отношению друг к другу.

Являясь абсолютно одинаковыми речевыми средствами, они должны были или изменить свое значение, или выйти из состава языка. Произошло последнее: беспредложные конструкции полностью вышли из состава литературного языка и сужают сферу своего употребления в рассматриваемых говорах.

Таким образом, сочетания, некогда составлявшие один синонимический ряд, сохранились, но одни из них известны и литературному языку и разговорам, другие — только разговорам.

Для выражения основания глагольного действия используется оборот «по» + дательный падеж. Например, она по этому камню и называется Писана (Пача). По вкусу посолишь (Пача). Брусьянка тоже по речке названа (Пача). А раньше по хрестной звали (Пашк.). Эта самая маленькая, и по голосу узнаешь (Кал.). Сосняк по билету давали (Красн.). Полагается сено давать по уставу (Драч.).

Такие конструкции были и в древнерусском языке, причем они были «наиболее распространенной формой для обозначения основания действия»³⁷). Эти же конструкции могли выражать и причину действия, но практически разделить значение причины и основания было трудно.

³⁴) Т. П. Ломтев. Указанная работа, стр. 336.

³⁵) Там же, стр. 242.

³⁶) Там же, стр. 241.

³⁷) Там же, стр. 390.

С течением времени значение причины и значение основания отделились друг от друга, обособились. В современном литературном языке эти значения у предлога «по» считаются самостоятельными. Это же можно сказать и о наших говорах.

В материалах Томского областного архива отмечаем такие конструкции: «Вместо зборщика³⁸⁾ Лаврентия Солдатов с товарищи их просьбою крестьянин Николай Бойнов руку приложил». «Их просьбою крестьянин Николай Бойнов руку приложил». «Их просьбою Елистрат Солдатов руку приложил»³⁹⁾. «По их просьбе руку приложил». «По ево прошению руку приложил». «По ее личному прошению руку приложил»⁴⁰⁾. Этот материал показывает, что оборот «по» + дательный падеж и оборот с беспредложным творительным, выражая одно значение, видимо, полностью совпадали друг с другом по значению, являлись дублетными речевыми средствами. А так как конструкции «по» + дательный падеж стали с течением времени четко и последовательно выражать значение основания глагольного действия, необходимость в обороте с беспредложным творительным отпала. И он вышел из системы литературного языка и говоров. Синонимический ряд, следовательно, распался. Эти примеры подтверждают мысль о том, что причиной изменения синонимических рядов является прежде всего то, что сочетания, входящие в его состав, полностью совпадают друг с другом по значению.

5. Явление аналогии играет немаловажную роль в изменении синонимического ряда.

Выше был рассмотрен синонимический ряд, который состоит из сочетаний «из», «с» + родительный падеж. Обе конструкции называют место как исходный пункт движения. В наших говорах эти сочетания употребляются и в другом значении. Припредложное имя называет материал, из которого сделан предмет. Например, лепешки из ягоды стряпали (Кал.). — Кисель с ягоды варят (Кал.). Крышечка эта из дерева (Кал.). — С дерева выпилишь (Кал.). Зубья у граблей из такого же лесу (Тюм.). — Сарай с дерева (Тюм.). Паренки парют с брюквы (Ант.). — Из брюквы парили паренки (Ант.). Пимы из шерсти (Кал.). — Шабур с шерсти (Тюм.). Делали из ржаной муки (Ант.). По свидетельству Т. П. Ломтева, в древнерусском языке указанное значение выражалось конструкциями «из», «от» + родительный падеж. В современном литературном языке в этом значении употребляется только предлог «из»⁴¹⁾. Т. е. ни в современном литературном языке, ни в древнерусском языке оборот «с» + родительный падеж в указанном значении не употреблялся. Это приводит к мысли о том, что предлог «с» стал употребляться с именами существительными, называющими материал, сравнительно недавно. На наш взгляд, эта конструкция стала возможна под влиянием оборота «с» + родительный падеж со значением места. Конструкции «из», «от», «с» с родительным падежом всегда имели значение исходного пункта движения. Они были синонимичными по отношению друг к другу. Конструкции «из», «от» с родительным падежом в древнерусском языке употреблялись и для названия материала, из которого сделан предмет. Они тоже были синонимическими между собой. По аналогии с этими сочетаниями стало возможным употребление конструкции «с» + родительный падеж для обозначения материала.

³⁸⁾ Орфография в примерах отражается полностью.

³⁹⁾ Томский областной архив, ф. 137, оп. 1, д. 15а, 1785 год, л. 17, 19, 21.

⁴⁰⁾ Там же, ф. 282, оп. 1, д. 25, л. 56, 45, 24.

⁴¹⁾ См., например, словарь русского языка, Изд. АН СССР, т. 1, 1957, стр. 873, т. 4, стр. 8. А также словарь современного русского литературного языка, Изд. АН СССР, т. 3, 1962, стр. 13—24.

Таким образом, в наших говорах функционирует синонимический ряд, не известный современному литературному языку. В системе говора эти конструкции выражают одно значение без каких-либо различий (даже самых незначительных) между собой. По внутренним законам развития языка такие сочетания должны или несколько изменить свое значение, или одна из них выйти из состава языка. Конструкции с предлогом «с» под влиянием литературного языка сужают сферу своего употребления.

Из всего сказанного можно сделать такие выводы:

1. Явление синонимии имеет характер системы, компоненты которой взаимосвязаны и взаимообусловлены.

2. Как всякое явление языка, синонимические ряды изменяются. Изменения могут быть такими:

а) синонимический ряд распадается, так как одно из сочетаний не употребляется ни в современном литературном языке, ни в говорах;

б) синонимический ряд сохранился в говоре и в литературном языке, но количество имен существительных, могущих входить в состав предложных сочетаний, значительно уменьшилось.

в) синонимический ряд сохранился, но одни конструкции известны и говорам, и литературному языку, представляя взаимодействующие синонимы, другие употребляются только в говорах и являются особенностью их синтаксической системы.

г) синонимический ряд сохранился в говорах и литературном языке, но в литературном языке произошло синтаксическое закрепление предлогов за определенной группой слов. В говорах такого разграничения в употреблении этих предлогов нет.

д) синонимический ряд сохранился, но одни конструкции известны и говорам, и литературному языку, другие — употребляются только в говорах. Они представляют собой не особенности какого-либо говора, а составляют характерную черту разговорного синтаксиса.

3) Причиной изменения синонимических рядов является полное совпадение конструкций по значению и употреблению, а также явление аналогии.

Список условных сокращений

А) Кемеровская область

1. Ант. — Большой Антибес Маринского района.
2. Бал. — Балахнин Юргинского района.
3. Вар. — Варюхино Юргинского района.
4. В.Ч.2 — Верх-Чебула Чебулинского района.
5. Денис. — Денисово Кемеровского района.
6. Драч. — Драченино Ленинск-Кузнецкого района.
7. Егоз. — Егозово Ленинск-Кузнецкого района.
8. Итк. — Иткара Яшкинского района.
9. Кал. — Калеул Мариинского района.
10. Кос. — Косогорова Яшкинского района.
11. Кот. — Котино Прокопьевского района.
12. Красн. — Красное Ленинск-Кузнецкого района.
13. Остр. — Сосновый Острог Яшкинского района.
14. Пача. — Пача Яшкинского района.
15. Пашк. — Пашково Яшкинского района.
16. Подон. — Подонино Топкинского района.
17. Под. — Подельники Мариинского района.
18. Полем. — Поломошное Яшкинского района.
19. Сок. — Соколово Прокопьевского района.
20. Терех. — Терехино Кузнецкого района.
21. Топ. — Топки Топкинского района.
22. Тюм. — Тюмнево Мариинского района.

Б) Томская область

1. Браж. — Бражниково Томского района.
 2. Верш. — Вершинино Томского района.
 3. В.-С. — Верхне-Сеченово Томского района.
 4. Ипат. — Ипатово Томского района.
 5. Петр. — Петрово Томского района.
 6. Ярск. — Ярское Томского района.
-

О. И. ГОРДЕЕВА

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В РУССКОЙ РЕЧИ ТОМСКИХ ТАТАР

При освоении любого нового языка специфика речи на этом языке объясняется результатом воздействия системы родного языка, выполняющего роль своеобразного субстрата по отношению к усваиваемому языку. Поэтому естественным оказывается то, что все изменения, которые отмечены в речи говорящего на неродном языке, оказываются закономерными, системными, обусловленными взаимодействием системы родного языка с системой усваиваемого языка¹⁾.

Разные стороны осваиваемого языка в разной степени подвергаются изменениям, обусловленным влиянием структуры родного языка.

Не вызывает сомнений, что наиболее последовательное и устойчивое влияние оказывает на усваиваемый язык фонетическая система родного языка²⁾. Так, например, при освоении нового языка звуки усваиваемого языка заменяются сходными по артикуляции звуками родного языка, слова неродного языка претерпевают различные изменения под влиянием структуры слова родного языка, изменяя порядок следования отдельных звуков, место ударения, приобретая новые добавочные звуки, для того чтобы приблизиться по звучанию к словам родного языка.

Следы влияния фонетической системы неминуемо отмечаются в каждом слове, произнесенном человеком, для которого данный язык не является родным.

Устойчивое и последовательное влияние фонетической системы родного языка на осваиваемую систему отмечено в целом ряде языков³⁾.

Во всех случаях говорящие на неродном, усваиваемом языке отождествляют отдельные звуки своего и усваиваемого языка, идентифицируют структуру своего слова со структурой слов усваиваемого языка, в результате этого речь на неродном языке оказывается насыщенной элементами фонетической системы родного языка, т. е. в области фонетики всегда наблюдается последовательное проникновение элементов фонетической системы родного языка в усваиваемую систему.

Усвоение грамматической системы другого языка также происходит под непосредственным влиянием грамматической системы родного языка.

¹⁾ В. И. Абаев. О языковом субстрате, Доклады и сообщения института языкознания АН СССР, вып. 9, стр. 59.

²⁾ В. А. Звегинцев. Очерки по общему языкознанию, М., 1962, стр. 238.

³⁾ Г. И. Хоролец. Фонетическое освоение русской лексики в киргизском языке, Фрунзе, 1953; У. Ш. Байчура. Звуковой строй татарского языка, Казань, 1961; А. И. Абражеев, П. А. Данилов, Р. И. Бигаев. Очерки по сопоставительной грамматике русского и узбекского языков, Ташкент, 1958 и др. работы.

Вопрос о результатах взаимовлияния двух грамматических систем еще не решен окончательно⁴).

Цель данной статьи, проанализировав особенности употребления прилагательного в усваиваемом языке, сделать некоторые выводы относительно качества влияния грамматической системы родного языка на усваиваемую систему.

В основу работы положены записи русской речи жителей тюркоязычных деревень, население которых обычно объединяется в единую группу так называемых «томских татар»⁵).

Томскими татарами принято называть тюркоязычное население, которое проживало на Томи до Кузнецка и в примыкающих к ее устью прибрежных районах Оби.

С начала XVII века отдельные группы томских татар, чаты, эштинцы, калмаки, обские татары, по всем сведениям, имеющимся о них, поддерживали друг с другом тесные культурно-экономические связи, что привело к выравниванию языков этих групп.

С первых лет существования Томска, в городе, а позже и в близлежащих тюркских деревнях стали жить бухарцы и казанские татары, число которых постепенно увеличивалось. Все это способствовало распространению среди местного тюркского населения города и деревни казанско-татарского языка, воспринимаемого говорящими в качестве литературного. Это же поддерживалось созданием русско-татарских школ в Томске, где учились как дети горожан, так и дети жителей окрестных тюркских деревень⁶). В результате длительного влияния татаро-казанского языка, увеличения его роли как языка литературного, молодое поколение знает в совершенстве казанско-татарский язык, а старое местно-тюркское наречие обычно знает гораздо хуже. В большинстве случаев при знании татаро-казанского языка местно-тюркское наречие лучше известно старикам и детям дошкольного возраста.

Первоначальное освоение русского языка татарами происходило в условиях русского диалектного окружения, причем начало процесса освоения русского языка татарами восходит еще к тому времени, когда окружающие русские говоры не были подвержены сильному влиянию литературного языка, под воздействием которого изменяется система русского говора в настоящее время.

Таким образом, в известных случаях, в зависимости от возраста человека, у которого была записана русская речь, возможно говорить либо о субстратном влиянии местно-тюркского говора на освоение томскими татарами окружающего русского старожильческого говора, либо об освоении русского литературного языка с некоторыми диалектными элементами на базе знания казанско-татарского языка с участием некоторых диалектных элементов местно-тюркского говора. Все это необходимо учитывать при выявлении закономерностей употребления русских прилагательных в русской речи томских татар.

Прилагательное в русском языке выполняет различные функции в предложении. Наиболее типичные его функции — это функция определения и именной части сказуемого. Характернейшим качеством согласованного определения, выраженного прилагательным, является то, что оно всегда грамматически согласуется со словом, к которому оно относится. Наличие связи согласования обусловлено имеющимися

⁴) В. А. Звегинцев. Указанная работа, М., 1962, стр. 239.

⁵) А. П. Дульзон. Диалекты татар-аборигенов Томи, Ученые записки Томского пединститута, Томск, т. XV, 1956, стр. 297.

⁶) Ф. Ф. Шамахов. Школы дореволюционного Томска, Ученые записки Томского пединститута, Томск, т. XII, 1954, стр. 65, 66.

у прилагательного морфологическими показателями — прилагательное, согласуясь с определяемым словом, имеет определенное окончание, изменяющееся с изменением формы определяемого слова. В старожильческом русском говоре имеются некоторые особенности в морфологической системе прилагательного: употребляются стяженные формы прилагательных женского и среднего рода, прилагательные мужского рода без конечного *И* и т. п.⁷⁾.

В тюркском языке⁸⁾ определение выражается словами, которые в большинстве своем могут, не изменяя своего вида, употребляться в функции существительного. Эти слова не имеют в основной своей массе морфологических показателей того, что они обозначают предмет. Определение в тюркском языке примыкает к определяемому слову, всегда находясь перед определяемым словом.

Татарам для правильного употребления всех форм русского определения необходимо усвоить очень много его грамматических особенностей, которые не находят себе соответствия в их родном языке.

Поэтому оказывается естественным, что согласованные определения, встречающиеся в русской речи татар, характеризуются целым рядом особенностей; некоторые из них более свойственны старшему поколению, другие — обычно характеризуют речь младшего поколения.

Так, наряду с правильно употребленными прилагательными-определениями в речи старшего поколения очень широко употребляются в функции согласованного определения стяженные формы полных прилагательных⁹⁾: (опше(ь) житье; конски(ь) мясо, накальна(ь) (нахальные) условия, промышлены(ь) места, маленьки(ь) телки, роскошны(ь) безрукавки, дойна(ь) корова, северна(ь) сторона, непроходима(ь) тайга, тверда(ь) вера, поперешна(ь) пила, пасмурна(ь) погода, соломена(ь) шляпка, царска(ь) вотка, казены(ь) деньги, совецка(ь) влась (власть), тепли(ь) вода, гривны(ь) дрова. Употребление стяженных форм прилагательного — характерное свойство окружающего сибирского говора.

Такое произношение прилагательных-определений поддерживается произносительными навыками родного языка: и для татарского и для местно-тюркского не характерны сочетания -айа, -ыйе, -ойе в абсолютном конце слова¹⁰⁾, поэтому в произношении татар, особенно при устном восприятии ими русской речи, эти сочетания и подобные им обязательно трансформируются в той или иной степени¹¹⁾. Отсутствие категорий рода в родном языке обусловило совпадение имеющих разновидности стяженных форм прилагательных женского и среднего рода единственного числа, а также формы множественного числа для всех родов в одной форме с безударной конечной гласной (ь, ь), которая одинаково свободно присоединяется к любому существительному.

(русские)	цела (деревня)	(деревня)
	цело (утро)	(татарское) цель (утро)
	целы (корзинки)	(корзинки)

⁷⁾ Подробно см. В. В. Палагина. Говор западной части Томского р-на, неопубл. канд. дисс., 1951, стр. 76.

⁸⁾ Признаки определения оказываются общими для всех тюркских языков, в том числе и для татаро-казанского и местно-тюркского. См. по этому вопросу Б. А. Серебрянников. О причинах устойчивости агглютинативного строя, В. Я. № 1, 1963, стр. 45—56.

⁹⁾ Примеры здесь и далее даются в полутранскрипции.

¹⁰⁾ См. В. В. Палагина. Указанная работа, стр. 75.

¹¹⁾ См. О. И. Гордеева. Некоторые особенности освоения татарами русского языка, обусловленные различием в структуре слова русского и татарского языков (в печати).

В русской речи татар старшего поколения отмечены прилагательные-определения мужского рода единственного числа без конечного *И*, как это характерно для речи окружающих русских старожилов¹²): побошны(ь) заработок, казански(ь) город, голодны(ь) гот, московски(ь) трак (тракт), кожевниковски(ь) район, лишни(ь) трудень (трудодень). Поддерживаемые речевой практикой русского населения, формы прилагательных мужского рода единственного числа без конечного *И* по своей структуре внешне не отличаются от стяженных форм, поэтому данные прилагательные в русской речи татар практически невозможно различить. Так, можно толковать и как стяженную форму, и как прилагательное мужского рода единственного числа без конечного *И* такие прилагательные: конъскъ мясо, тепль вода, труднь дело.

Таким образом, в речи старшего поколения жителей тюркских деревень все существующие диалектные формы прилагательного-определения совпадают фактически в одном варианте, благодаря чему в сознании говорящего оказывается однозначное соответствие между определением родного и усваиваемого языка.

В настоящее время в русском говоре наблюдается постепенная замена стяженных форм нестяженными.

Необходимо отметить, что при прочих равных условиях стяженные формы оказываются более устойчивыми в русской речи татарина, поскольку для большей части людей старшего поколения, говорящих порусски, вышеописанные формы прилагательных оказываются единственным средством выражения признака.

Однако постепенно в русскую речь татар начинают проникать нестяженные формы прилагательных.

Из нестяженных форм в речи представителей старшего поколения и лиц, плохо владеющих русским языком, наиболее часто встречаются формы прилагательных мужского рода единственного числа.

Употребление этих прилагательных отмечено с существительными мужского рода ед. числа: дурак настоящий, сосновый пень, передний дъвор, черный ръжаной хлеб, донской казак.

С прилагательным мужского рода единственного числа употребляются существительные среднего рода единственного числа: мясо жирный, горький вино, хороший дело, бревно кривой, боровой место, тачешный железо, (тачечное, для изготовления тачек), советский имя, молодой время.

Употребляются эти прилагательные с существительными женского рода единственного числа.

Такие сочетания очень часто встречаются в речи татар всех возрастов, не свободно владеющих русским языком, независимо от их возраста: ограда большой, плетеный корзинка: тоненький жерда, отдельный (отдельный) комната, самый последний деревня, чалый лошадь, слепой крыса, такой вилка, последний дочь, путевый дорога (ср. русское «непутевый»).

Отмечено употребление прилагательных единственного числа мужского рода с существительными множественного числа всех родов: кашемировый платья, огурцы скороспелый, хороший вина, глубокий ка-лоши.

Все это показывает, что постепенно в русской речи татар стяженные формы вытесняются нестяженными, в качестве нестяженного прилагательного-определения наиболее часто употребляется только одна форма мужского рода единственного числа. Возможно предположить, что форма единственного числа прилагательного мужского рода оказа-

¹²) В. В. Палагина. Указанная работа, стр. 75.

дась наиболее распространенной в русской речи татар потому, что она из всех имеющихся форм прилагательного более всего соответствует по своей структуре словам татарского языка.

В речи школьников такое произношение, возможно, поддерживается работой со словарем, где прилагательные даются в форме единственного числа мужского рода.

Прилагательные других родов единственного числа отмечаются в речи людей старшего поколения значительно реже. Особенно редко встречаются прилагательные среднего рода единственного числа.

Обычно в русской речи татар существительные среднего рода приближаются по звучанию к существительным женского рода. Поэтому в качестве определения к таким существительным иногда употребляются прилагательные женского рода, например, такая производса (производство), новая селения (селение), умная решения (решение).

Употребление прилагательных женского рода характерно для речи старшего поколения жителей старожильческих русских деревень. Однако молодежь под влиянием литературного языка сейчас правильно употребляет существительные среднего рода с прилагательными среднего рода.

Отмечено два случая употребления прилагательных женского рода при существительных мужского рода: рубль дорогая, зверь хорошая. Возможно, такое оформление этих сочетаний слов поддерживается аналогией с сочетаниями типа «большая дверь», «чалая лошадь».

В их речи гораздо реже встречаются стяженные формы прилагательных женского и среднего рода, а также прилагательные мужского рода без конечного *И*.

В речи молодого поколения не наблюдается такого ярко выраженного предпочтения в употреблении формы единственного числа мужского рода нестяженных прилагательных. Очень много сочетаний существительных с определяющими их прилагательными употребляется в соответствии с нормами русского литературного языка.

Итак, изменения в морфологической системе окружающего русского говора, а также непосредственное влияние русского литературного языка приводит к тому, что стяженная форма прилагательного определения, широко употребляемая в русской речи татар старшего поколения, начинает вытесняться нестяженными формами прилагательного, причем из форм единственного числа женского, среднего и мужского рода и формы множественного числа, общей для всех родов, оказывается последовательно употребимой только одна форма единственного числа мужского рода.

Употребление прилагательных всех родов характеризует речь более молодого поколения, знающего русский язык гораздо лучше.

Русское прилагательное может выступать в предложении в качестве именного сказуемого или его части. В этой функции может употребляться полное прилагательное именительного или творительного падежа или же краткое прилагательное. В окружающем русском старожильческом говоре полное прилагательное как часть сказуемого употребляется только в именительном падеже.

В подавляющем большинстве случаев в качестве именного сказуемого употребляется полное прилагательное мужского рода единственного числа именительного падежа: работа был тяжелый, одежда был холщевый, жерда-то тоненький, молодежь у нас хороший, вода в болоте красный, кедр он куражливый. Творительный предикативный в русской речи татар не отмечен.

В качестве именной части сказуемого отмечены формы прилагательных, которые восходят или к русским кратким прилагательным или

к русским стяженным формам полного прилагательного, употребляющимся в русском языке только в атрибутивной функции: рыба эта не так больша, ботинки были хороши, эти кони трелевошны, там люди денежны.

Все эти формы прилагательных воспринимаются в сознании говорящего как единицы одного порядка. Следует иметь в виду, что употребление подобных форм является очень ограниченным по сравнению с употреблением полных прилагательных единственного числа мужского рода именительного падежа.

Молодое поколение, лучше знающее русский язык, употребляет в качестве именной части сказуемого прилагательных всех родов в соответствии с нормами русского языка.

Отмечено употребление форм среднего рода единственного числа прилагательного при пересказах школьниками прочитанных текстов, например:

Дело случилось такое, поле стало зеленое, окошко будет чистое. Солнце на небе яркое, небо синее.

Итак, в функции сказуемого в русской речи татар наиболее употребимы полные прилагательные мужского рода именительного падежа.

Именительный падеж прилагательного-сказуемого характерен и для окружающего русского говора.

Широко употребимые в атрибутивной функции стяженные формы прилагательных иногда употребляются татарами в качестве сказуемого наряду с краткими прилагательными, хотя такое употребление стяженных форм для русского старожильческого говора нехарактерно. Нестяженные формы женского и среднего рода, а также формы множественного числа употребляются как сказуемое в речи лиц, хорошо владеющих русским литературным языком.

Из всего сказанного можно сделать некоторые предварительные выводы.

При освоении татарами русского языка русская грамматическая система испытывает непрестанное влияние родного языка. Поскольку грамматическая система русского и татарского языков, и соответственно их говоров, значительно отличаются друг от друга, непосредственного проникновения отдельных грамматических элементов родного языка в русскую речь татар не наблюдается.

Влияние грамматической системы родного языка сказывается в специфике употребления русских грамматических средств. Так на определенном уровне знаний русского языка (которые характерны для большинства представителей старшего поколения) из всего многообразия имеющихся в русском языке форм, употребляют только некоторую часть. В основном в русской речи татар употребляются те формы, которые при прочих равных условиях больше приближаются по своей фонетической структуре к структуре слов татарского языка.

Такова, например, форма мужского рода единственного числа прилагательного в именительном падеже в атрибутивной и предикативной функции.

Остальные формы или отождествляются с наиболее употребительными формами, или употребляются очень редко, обычно они встречаются в речи людей, которые лучше знают русский язык, умеют читать по-русски.

Этим объясняется употребление в русской речи татар единой стяженной формы имени прилагательного, редкое употребление в речи людей, плохо знающих русский язык, прилагательных женского и среднего рода.

Такое неравномерное употребление одних форм за счет других возможно объяснить тем, что при освоении чужого языка в сознании говорящего возникает некоторая очень неустойчивая языковая система, которая в начале процесса освоения народного языка приближается к системе родного языка по содержанию. Для выражения этого содержания в данной системе первоначально используется некоторое ограниченное количество элементов системы усваиваемого языка.

Такая система оказывается очень неустойчивой, так как каждодневная практика общения с русскими приводит к постепенному расширению этой системы за счет включения осваиваемых элементов.

Систематизация всех элементов народного языка приводит к его полному освоению.

ОГЛАВЛЕНИЕ

В. Д. Морозов—Об особенностях романтического мировоззрения А. И. Герцена в 30-е годы	3
В. Д. Морозов—Преодоление и критика А. И. Герценом романтического мировоззрения в 40-е годы	16
Н. Н. Грузинская—Средства раскрытия характера в романе А. Ф. Писемского «Мещане».	29
Л. И. Королькова—Основные этапы творчества С. Г. Скитальца	39
Л. И. Королькова—О поэзии Скитальца	56
Е. А. Сафронова—Приемы сатирической характеристики в рассказах С. Залыгина 50-х годов.	69
Г. И. Климовская—О некоторых последствиях инверсии исконно позиционного определения в истории русского языка	78
Г. И. Климовская—Об искусственном характере предложного режима в группе определения и определяемого слова в современном русском языке	93
Е. М. Пантелеева—Некоторые вопросы изменения синонимии предложных конструкций (на материале говоров Кемеровской области)	104
Е. М. Пантелеева—Некоторые вопросы развития синонимии предложных конструкций (на материале говоров Кемеровской области)	110
О. И. Гордеева—Некоторые особенности употребления имен прилагательных в русской речи томских татар	120

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

Томск, Изд. ТГУ, 1964. 128 с.

Редактор издательства Л. Г. Мордовина

Технический редактор А. С. Бобренок

Корректор В. А. Малаховская

К300111. Сдано в набор 17/X-64 г. Подписано к печати 23/I-65 г.
Формат 70×108¹/₁₆; печ. л. 8; усл.-печ. л. 10,96. Уч.-изд. л. 10,6.
Заказ 6117. Тираж 500 экз. Цена 74 коп.
Томск, Издательство ТГУ, проспект Ленина, 34.

Областная типография № 1 Управления по печати, Советская, 47.